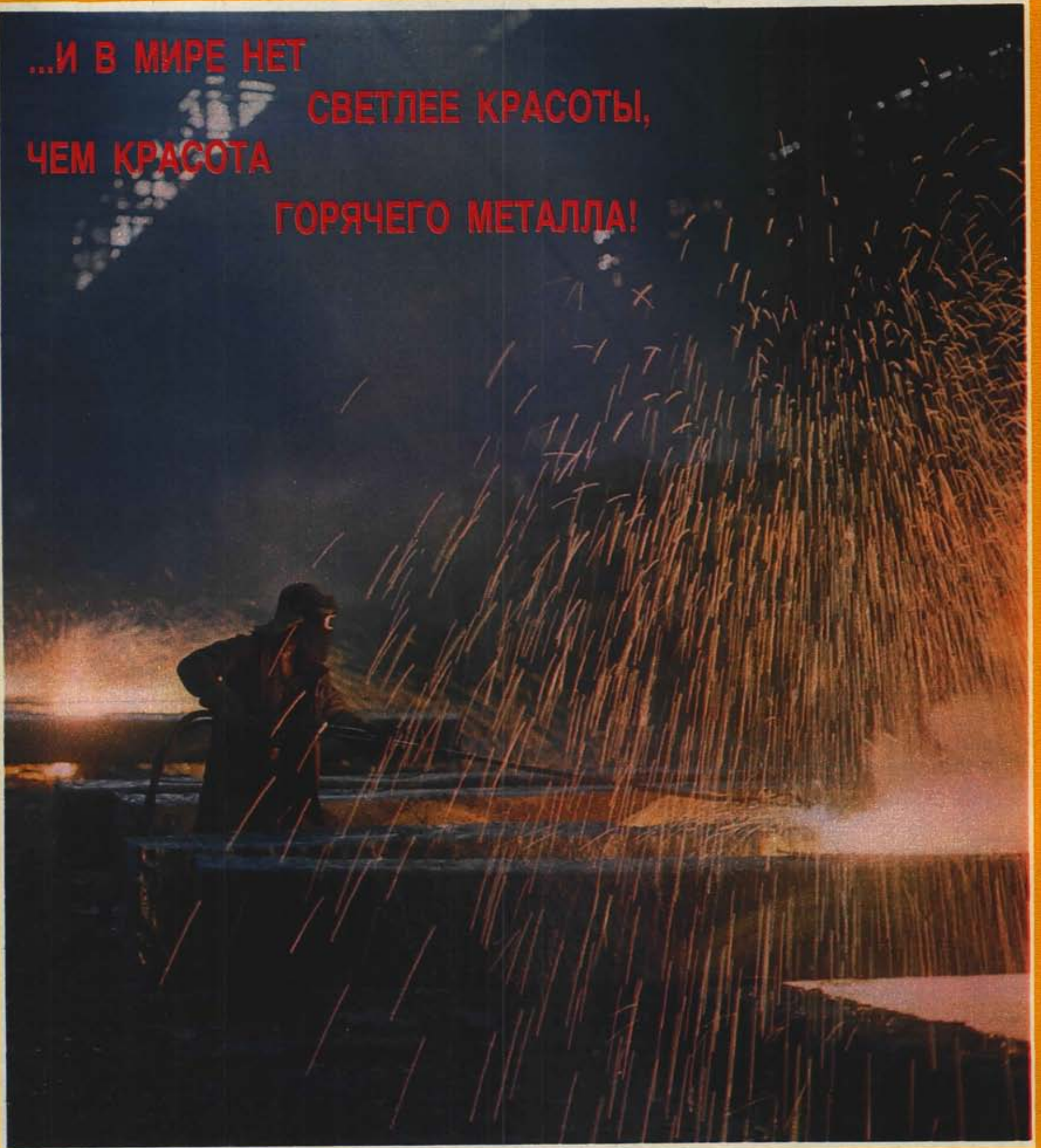

СМЕНА

№ 21 НОЯБРЬ 1980

...И В МИРЕ НЕТ
СВЕТЛЕЕ КРАСОТЫ,
ЧЕМ КРАСОТА
ГОРЯЧЕГО МЕТАЛЛА!

XXIII НАВСТРЕЧУ СЪЕЗДУ КПСС

СЕВЕРНЫЙ В

**Экспедиция
«Смены»:
Западная Сибирь —
факты,
проблемы, люди**

Валерий ВЫЖУТОВИЧ

Мы ничего не раздаем с такой щедростью, как советы. Сколько пишем о Западной Сибири, столько советуем ее освоителям помнить, что тонны нефти не могут, не должны затопить внимание к человеку, который эту нефть добывает. Пусть, говорим мы, столь же ровным и негаснущим будет интерес хозяйственников к потребностям людей, а потребности эти растут, пожалуй, быстрее, чем темпы добычи.

Однако давать советы легче, чем следовать им. В первые же минуты жизнь подтвердила эту не очень веселую истину. Стрежевой встретил не гостиницей, не магазинами, не дворцами культуры и спорта и даже не памятником первостроителям. Кончился кори-

дор леса за окнами машины, бегущей из аэропорта, и город раскрыл объятия словами на огромном щите: «Дадим Родине в 1980 году 11 миллионов тонн нефти!» После сколько ни ходил я по улицам, а щитов, призывающих построить гостиницу, разбить парк или, скажем, «оттрыхать» баню, не встречал. Наверное, не прозвучит — не тот масштаб. К тому же как не обещать нефть — ведь и в самом деле дадут. 11 миллионов тонн и ни граммом меньше — план есть план. А вот квадратные метры обещать рискованно — дадут или нет, еще неизвестно. В прошлом году программу по жилью Стрежевой недополнил на 20 процентов. Наверняка тому есть тысяча причин — экономических, организационных, хозяйственных. И тысяча первая, на мой взгляд, самая главная — отношение к тому самому «соцкультбыту», что скромным довеском лежит на весах индустрии. Между тем академик И. П. Бардин, в свое время главный инженер Кузнецкстроя, спустя годы при-

знал: «Мы не подумали, что бани, пекарни, магазины, столовые — это далеко не последнее, а первое звено в крупном строительстве, где заняты десятки тысяч людей».

Я хочу рассказать о тех, кто подумал об этом. Кто старается делать все, чтобы, как заметил Д. И. Менделеев, «открытое богатство разрабатывать умно, экономно и с наибольшей пользой для интересов как отдельных лиц, так и всей страны». Соединять эти интересы с наибольшей пользой помогает вахтовый метод. О нем и пойдет речь.

...Вертолет на несколько секунд неподвижно повис над городом, словно задумавшись перед дорогой, а стоит ли покидать эту землю. И, вероятно, решив, что все-таки стоит, взял курс на Васюган.

Мы летели над тайгой, над болотами, над вечной мерзлотой. Летели, воспарив над всем, что было когда-то неподвластно человеку, над вчерашними представлениями о собственных возможностях, над всем, чем вечно и монополю владела Природа и куда путь людям, казалось, был заказан раз и навсегда. И вот теперь этот полет — будничный, как поездка в автобусе. Бородатый парень в штормовке, едва присев и утвердив под ногами портфель, усталый, оставил в последний номер «Нового мира». Он перелистывал страницы с той отрешенной сосредоточенностью, с какой житель Москвы, едучи по утрам на работу в общественном транспорте, погружается в чтение, краем уха ловя голос водителя, объявляющего остановки. Двое буровиков в резиновых сапогах, со связками новеньких книг для библиотеки. Бойкая продавщица, всю

дорогу жалующаяся, что деревянный магазин на вахте куда не годится, того и гляди сгорит, и куда только смотрит начальство...

Люди летели на работу, везя с собой груз мыслей о ней, забот и беспоконья. Они работают по двенадцать часов в сутки. Спят. Снова работают. Десять дней подряд. А после прилетает вертолет, и они на десять дней возвращаются в Стрежевой, привозя домой усталость, запахи тайги и нефти. Это и есть вахта.

...МИ-8 мягко опустился на бревна, туго связанные наподобие плота. «Десант» высадился и потопал по дороге, мимо голубого дощатого домика диспетчерской, откуда выбежала Светлана Жерихова, хозяйка вертолетной площадки.

— Эй, подождите! — крикнула она вслед уходящим. — Почту не привезли?

— Следующим рейсом, — ответил за «десантников» летчик и, присев на теплое крыльцо, с удовольствием закурил.

Однако едва он успел сделать тричетыре затяжки, как Жерихова, благословив в путь новых пассажиров до Стрежевого, дала команду на взлет:

— Дома накуришься, люди ждут. — И исчезла за дверью диспетчерской.

Час работы вертолета стоит 450 рублей. Проработав полтора года диспетчером, Светлана, судя по всему, научилась экономить эти деньги. К экономии призывал и плакат, прибитый на фасаде огромного, похожего на ангар хранилища стройматериалов: «Ты здесь хозяин, а не гость — береги каждую гайку и гвоздь». При всей быющей через край щедрости земли сибирской, при нынешних масштабах освоения огромных про-

Фото
Альберта
ЛЕХМУСА

АРШАНТ

странств Крайнего Севера слова об экономии читались, однако, как некое естественное продолжение этого размаха, подтверждая, а не опровергая его. И раз уж начал я о бережливости сибиряков, то, забегая вперед, скажу вот что: освоение Васюганского района вахтовым методом позволило сэкономить 300 миллионов рублей. Таков экономический эффект «вахты». Но есть и другие результаты, которые трудно поддаются подсчету в рублях, но без которых не было бы этих 300 миллионов. О них речь ниже.

Вахтовый поселок, куда прилетел я, назывался Пионерный. Здесь жили 450 человек: строители, водители тягачей, тракторов и бульдозеров, машинисты экскаваторов.

Четыре общежития — двухэтажные добротные здания, стены в коридорах отделаны планкой. С Сергеем Архангельским, председателем совета секретарей комсомольских организаций Васюгана, мы ходили с этажа на этаж. Образно говоря, это были этажи новых представлений о том, каким быть поселку, построенному на вечной мерзлоте, каким быть общежитию для людей, которые за шестидесятой параллелью среди тайги и болот качают нефть для страны.

Мы заглянули в сушилку. Там висели фуфайки и рубы, стояли отмытые от болотной грязи резиновые сапоги. Белый парок витал над просыхающей одеждой, которая здесь жила уютной, отдельной от владельцев жизнью.

В одном из общежитий Сергей задумчиво провел ладонью по затылку и, подмигнув мне, спросил: «Постричься не желаете?» Через полминуты, как по

щучьему велению, перед нами распахнулась дверь, обнажив нутро комнаты с зеркалами и креслами.

— Наша парикмахерская — лучшая в Сибири! — с простодушной нескромностью произнес Архангельский. — Прощу! Где вы еще найдете такого мастера? Валя, к тебе пресса из Москвы.

Валя, скужающая без дела, с готовностью отозвалась:

— Постричь?

— Спасибо, — сказал я. — Как-нибудь в следующий раз.

Ее зовут Валентина Федоровна Волкова. Она работает от Стрежевского комбината бытового обслуживания. Здесь, в Пионерном, ее вахта.

Мне показали пункт проката, где можно получить в пользование аккордеон, баян, магнитофон, фотоаппарат и даже холодильник. Показали двухкомнатные квартиры, где в каждой живут по три-четыре человека. Работала канализация, была горячая вода, то тут, то там мерцающим голубым светом горели экраны телевизоров. Действовала «учебная комната», где заочников института (их здесь 17 человек) консультировал сам заместитель начальника «Васюган-нефти» Анатолий Анатольевич Каштаев. Вахту несли врачи, повара, продавцы, прачки, обеспечивая таким образом вахту тех, кто строил дома, бурил скважины, прокладывал дороги. И все это в общежитии, на фасаде которого висит призыв: «Все силы вводу производственных мощностей по добыче нефти!» Так ведь есть на чем повесить! Сначала построили дом, создали в нем нормальные условия для жизни и лишь затем призвали: «Все силы вводу производственных мощностей...» Не наоборот.

Времена, когда можно было наоборот, прошли.

Сегодня в Томской области вахтовым методом работают 80 коллективов — 7 тысяч рабочих и специалистов. Среди них не только нефтяники. «Вахта» прижилась в лесной промышленности, на строительстве трубопроводов, линий электропередач, в мелиорации, на заготовке кормов. Ее трудное, но неостановимое шествие по Западной Сибири продолжается, и тому есть немало серьезных причин.

Во-первых, выгодно. Такой, скажем, факт: на нефтепроводе Александровское — Анжеро-Судженск вахтовый метод сэкономил 26 миллионов рублей. А по расчетам Миннефтегазстроя, ускорение строительства за счет вахт только одного магистрального газопровода из Западной Сибири в Центр принесет народному хозяйству эффект более чем в полмиллиарда рублей.

Во-вторых, удобно. Представьте себе эти трижды знаменитые и трижды проклятые васюганские болота, в которых вязнет взгляд, когда летите вы, смотрите в иллюминатор, и на десятки, сотни километров все один и тот же монотонный пейзаж. Можно построить тут город? Трудно, но можно. Собственно, чуть было не построили, однако нашлись трезвые головы, подсчитали будущие затраты и ахнули: 500 миллионов рублей! Да только ли в ассигнованиях дело? Надо ведь регулярно доставлять на объекты грузы, стройматериалы, оборудование. Как? Летом — по реке, а ударят холода — на машинах по зимникам. Если бы так пошло дело, осваивали бы в год по 35—40 миллионов рублей. При таких темпах долго бы при-

шлось ждать нам васюганскую нефть, а те, кто ее добывает, истомились бы в ожидании квартир, школ, больниц, детских садов, кинотеатров... Все-таки что ни говори, а в базовом городе этажи «соцкультбыта» растут быстрее. Правда, не так быстро, как хотелось бы, и об этом разговор особый. Вахта не может существовать сама по себе. Она должна надежно обеспечиваться базовым городом, как передовая — тылом. Только оно, это обеспечение — социальное, культурное, бытовое, — позволяет нефтяникам идти в «атаку» безоглядно, в полный рост.

Так вот, о тыле. В Пионерном мне вручили тоненькую книжечку, на обложке которой напечатано: «Учреждения города Стрежевого предлагают вахтовикам в дни отдыха». У каждого, кто работает на Васюгане, есть такой справочник-путеводитель. На первой его странице — большими буквами: «Уважаемый товарищ! Ты находишься на переднем крае борьбы за ускоренное развитие нефтедобывающей промышленности Томской области. Создание новых и эксплуатация действующих нефтепроводов позволяет быстро включать в народнохозяйственный оборот огромные топливно-энергетические и минерально-сырьевые ресурсы Сибири». А завершилось это короткое предисловие такими словами: «Учреждения народного образования, здравоохранения, быта, культуры, спорта в дни твоего отдыха в Стрежевом предлагают свои услуги и помогут эффективно использовать свободное время».

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 21 (1283) НОЯБРЬ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ИДЕТ ПЛАВКА.

Фото
Льва
ШЕРСТЕННИКОВА

- 1** НАВСТРЕЧУ XXVI СЪЕЗДУ КПСС. ЭКСПЕДИЦИЯ «СМЕНЫ»: ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ — ФАКТЫ, ПРОБЛЕМЫ, ЛЮДИ. Валерий ВЫЖУТОВИЧ. «СЕВЕРНЫЙ ВАРИАНТ».
- 3** ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ. Юрий ПОМПЕЕВ. «ТОКАРЬ ЧУЕВ».
- 7** ЧТО ЗНАЧИТ — ПОРЯДОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК? «ПОВОД ДЛЯ ПОСТУПКОВ».
- 8** Рассказ Евгения ДУБРОВИНА «ПОБЕГ ВОЛШЕБНИКА».
- 12** «КРАСНЫЕ ПЕЧАТНИКИ» ИЗ ДМИТРОВСКОГО ПЕРЕУЛКА. Фоторепортаж Валерия ЛОКТЕВА и Владимира ЧЕЙШВИЛИ.
- 14** «А ЧТО У ВАС?» Информационная страница «Смены».
- 16** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ. «КАК СДЕЛАТЬ УКОЛ МИКРОБУ».
- 18** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ». Повесть Инизеро КРЕМАСКИ «ЧЕРНАЯ КОЖАНКА».
- 20** «МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ». Фотоочерк Валерия ГУРИНОВИЧА и Сергея ВЕТРОВА.
- 24** Заира ЕФИМОВА. «И БОЛЬЮ ЧУЖОЙ ОПАЛИТЬСЯ».
- 26** МИР КАПИТАЛА: РАСПАД СЕМЬИ.
- 30** ИТОГИ ОЛИМПИЙСКОГО ТУРНИРА ЗНАТКОВ.
- 31** «СМЕНА»-81. ЗАОЧНАЯ ЛЕТУЧКА ЧИТАТЕЛЕЙ.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕСОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЕНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

В «ассортименте» активного досуга, предложенном вахтовикам, значились заочная школа рабочей молодежи, подготовительные курсы для поступающих в вузы, дворцы культуры, кинотеатры, библиотека, лыжная база. Отдельным списком шли адреса и телефоны прачечной, химчистки, парикмахерской, аптеки, бани, агентства «Союзпечать»... И все эти блага цивилизации можно было получить вне очереди, предъявив визитную карточку, удостоверяющую, что ее владелец — вахтовик.

Удобно, быстро, безотказно. Чего еще надо — живи да радуйся. Они и радовались, стрежевчане. До тех пор, пока было их не очень много. А когда хлынули с Большой земли тысячи и тысячи человек осваивать новые месторождения, вот тогда и оказалось, что в городе многого не хватает. И всего лишь двенадцать детских садов, и очередь туда — тысяча человек, да не все, видно, дождутся, многим уже скоро пора в школу. Школ же — три средних и восьмилетка. Я заходил в среднюю школу № 2, там в коридоре попала мне на глаза стенгазета с названием исключительно в духе города — «Нефтяник». «Дорогие ребята, — читал я, — вас ждут: Московский нефтяной институт, Стерлитамакский нефтяной институт, Уфимский нефтяной институт...»

Прошлой весной эту школу окончили 105 выпускников. Человек тридцать из них работают сегодня в Стрежевом, остальные разъехались кто куда. Между тем Стрежевой захлебывается объявлениями: «Требуются... требуются...»

Да, вахте нужен резерв. Пора готовить свои кадры, растить смену, пускать корни. Стало быть, требуется профтехучилище. А где взять? Говорят, под ПТУ отдадут роддом. Хорошо, а роддом куда? То есть так тут все переплелось, так завязалось в тугой узел, что ни охнуть, ни вздохнуть. Нефть обрушила на город лавину проблем — экономических, хозяйственных, культурно-бытовых...

С Владимиром Валентиновичем Матисоновым, председателем горисполкома, сидели мы в небольшом его кабинете на втором этаже деревянного здания. А на первом помещался загс, отсюда время от времени поднимались оптимистические аккорды мендельсоновского марша. «Слышите, — весело говорил председатель, — можете написать, сижу, как на пороховой бочке. Завтра ведь как миленькие явятся за квартирами». Я после спустился туда, мне сказали: в прошлом году зарегистрировано 346 браков. А сколько детей родилось? Год назад, ответили, 661, нынче — за несколько месяцев уже 287.

Чем и как можно утолить жилищный голод?

С 1977 года ежегодно вводили по 16—17 тысяч квадратных метров жилья. В этом году планируют дать более 46 тысяч. Даже если дадут, все равно мало. Чтобы обеспечить жильем хотя бы тех, кто в нем нуждается неотложно, надо сдавать ежегодно не менее 100 тысяч квадратных метров, а где их взять? Базы-то нет, панели возят на баржах из Томска, доплывают они побитые, искалеченные, нужен свой домостроительный комбинат, а его нет и в проекте. Короче, суровая реальность подсказывает выход — не самый лучший, но трезвый и практический: строить из дерева. Сейчас в Стрежевом 130 деревянных двухэтажных домов, их построили десять — двенадцать лет назад, провозгласив, конечно же, «временными», но, как показывает жизнь, нет ничего долговечнее временных сооружений. Снести их?

— Да вы что, — сказал Матисонов, — мы не настолько богаты, чтобы ликвидировать добротное жильё. Пусть стоят, пока не мешают.

Он прав. Не будем идеалистами: нельзя, нерентабельно из болота, из вечной мерзлоты поднять сразу многоэтажный каменный город. Восхождение его можно и нужно чем-то подготовить. Чем? Деревянной застройкой. Повторяю, не

лучший выход, но ничего иного не остается. Пусть будут деревянные, но добротные, с отоплением и канализацией. Ленинградские архитекторы разработали проекты таких домов. Их нетрудно собрать и, если понадобится, легко разобрать и перебросить в места нового освоения. Пусть стоят до поры, пока в городе наберет силы база стройиндустрии.

Нет, как видите, не так уж он прост, этот северный вариант — «вахта». Снарядить вертолет и отправить людей добывать нефть в тайгу, на болота нетрудно. Легче, чем научиться управлять этой выматывающей силы и душу командировкой, предвидеть ее не только экономические, но и социальные, демографические, экологические последствия. По мнению ученых, «вилка» между потребностями вахтовиков и возможностями базового города неизбежна. Потому что социальное и культурное его развитие пока не планируют столь же тщательно, как индустриальное строительство. А надо бы! Никак не усвоим (хотя накоплен уже печальный опыт и, увы, немалый), что строить дешевле, чем перестраивать, что реконструировать завод или фабрику проще, чем «переделывать» сложившийся город. «Необходимо заглядывать в завтрашний день, чтобы не оказаться во вчерашнем», — как заметил один умный архитектор.

Социальные проблемы новых городов и вахтовых поселков носят молодежный характер, и потому здесь, как нигде, комсомольские организации должны работать рука об руку с архитекторами, экономистами, демографами, социологами. За последние полтора года в нефтяные и газовые районы Западной Сибири комсомол направил свыше 20 тысяч добровольцев. Их «вахта» несет сюда школы, детские сады, кинотеатры, библиотеки, больницы, парки, а из Сибири на Большую землю шлет миллионы тонн нефти.

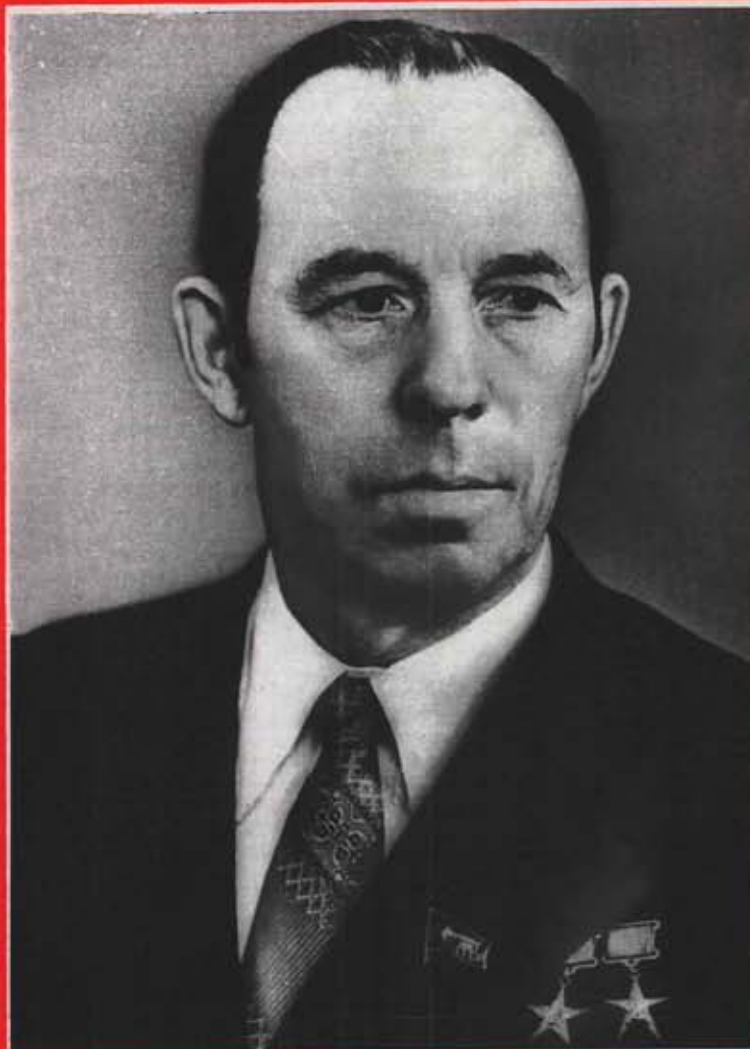
Вахтовый метод уже вышел за рамки региональной инициативы. Его социально-экономическая эффективность научно обоснована, практически доказана. Казалось бы, пора «вахте» «приземлиться» и на других стройках страны. Увы... Чтобы узаконить новый метод, надо ответить на вопросы, которые он нам задает. Где, какими силами вести работы (даже в Миннефтепроме не могут ответить точно, сколько бригад деантируется в тайгу в ближайшие два года)? Когда будет создана высокопроизводительная северная техника? Как долго должна продолжаться вахта? Неделию? Две? Десять дней? Почему до сих пор не внесены изменения в трудовое законодательство, не учитывающее «форсированный» режим «вахты»? Как улучшить систему материального стимулирования труда рабочих-вахтовиков, и прежде всего систему льгот, которая пока не соответствует затратам и результатам вахтенного труда? Когда Госстрой и Госгражданстрой возьмутся наконец ликвидировать разноразрядность в проектных решениях и методах строительства вахтовых поселков, создадут типовые проекты временных северных зданий и сооружений и на этой основе реорганизуют индустрию мобильного домостроения?

Вопросы эти звучали на Всесоюзной научно-практической конференции по вахтовым методам освоения природных ресурсов Сибири, которая проходила в Томске. Разговор давно назревший, необходимый именно сейчас, когда идет подготовка к XXVI съезду КПСС, когда разрабатываются основные направления одиннадцатой пятилетки.

Вопросы «вахты» еще не сняты с повестки дня. С ответами на них надо поспешить, ибо северный вариант означает ускорение. Не только экономическое, социальное, культурно-бытовое, но и организационное тоже. Быстрее придумать, быстрее внедрить. Ускорение — примета времени. Так прибавим же шаг!

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Юрий ПОМПЕЕВ

токарь ЧУЕВ

Вещи мудрецы древней Галлии, друиды, много лет проводили в размышлениях среди лесов. И утверждали, что каждый человек подобен одной из пород деревьев. Наблюдая деревья и время, они пытались предсказать характер и судьбу человека.

Он родился 28 февраля 1918 года. От начала Революции шел сто одиннадцатый день. По гороскопу друидов, родившийся в этот день уподоблялся кедру, дереву солидному, рослому, спокойному. Отличался редкой красотой. Характер: уверенность в себе, решительность; не много нужно для счастья; анушает уважение; трудолюбив и творчески способен; партнеры чувствуют опору в его оптимизме; обладает инстинктом руководителя; очень музыкален.

Ни одна из характеристик токаря Чуева Алексея Васильевича, которых в его личном деле за сорок два года работы на Балтийском судостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе скопилось немало, не содержит столько лестных для человека определений: красив, решителен, трудолюбив... Хотя сейчас, когда уже четвертый год не проворачивает он никелированный турникет проходной, осознаешь это удивительное совпадение «предсказанного» и случившегося. Чуев не знал, что был подобен кедру, отличающемся действительно редкой красотой крупно вылепленного лица и рфк, мужской статью и стройностью, поразительной живостью глаз, в в них — доброта, пылливость. И — музыкальностью. Каким звучным баритоном выводил он «По диким степям Забайкалья», ненавязчиво дирижируя за праздничным семейным застольем.

Правы оказались друиды: истинно творческий человек был Чуев, заводной в разговоре, смеялся заразительно, рассказывал образно, сочно, рассудительно. А улыбка?.. Широкая, искренняя, сердечная.

Но людям бросались в глаза прежде всего его руки. Вот о них-то ни у друидов, ни в личном деле самого Чуева ничего нет.

А заканчивается его заводское личное дело листком о прекращении трудового договора. В голову никогда не приходило, что существует подобный листок, в котором и ваши Ф. И. О., и табельный номер, и дата увольнения, и подпись работника, рядом с которой в листке Чуева — прочерк, потому что причина увольнения — смерть.

Я не противник делопроизводства. Я против того, что Чуев уволен с завода. Это не соответствует действительности, хотя четвертый год не шагает он

Что значит —
порядочный человек?

ПОВОД ДЛЯ ПОСТУПКОВ

В начале года мы опубликовали два читательских письма, начав ими дискуссию на тему: «Что значит — порядочный человек?». В одном из них учительница Анна М. из Ленинграда рассказывала, несколько отрицательно отразилась на учениках некоторые ее «выпущенные компромиссы» с совестью. В другом письме рабочий Виталий С. из Новочеркасска спрашивал: правильно ли он поступил, имея ли моральное право на получение квартиры вне общей очереди?

В продолжение разговора о порядочности была напечатана ряд очерков, в которых это понятие рассматривалось сквозь призму различных жизненных и производственных ситуаций. В обсуждении проблемы приняли участие кандидат философских наук А. Лаврикова, Герой Социалистического Труда токарь Е. Моряков, драматург В. Розов, народный артист СССР Н. Владимиров.

Читатели горячо откликнулись на эти публикации. С некоторыми письмами, как нам кажется, будет небезы интересно познакомиться всем.

ГЛАВНЫЕ ФАКТОРЫ

Скажу прямо, меня задела беспринципность Виталия. Как же можно было сидеть на собрании и отмалчиваться, если есть проблемы, которые нужно обсудить всем вместе, сообща. Собрания ведь для того и устраиваются, чтобы не в коридорах или за спинами товарищей говорить о наиболее насущном рабочему коллективу плодотворно трудиться, а открыто, с трибуны высказаться о трудовой дисциплине, да и по другим проблемам, тормозящим наше движение вперед. Никто за нас, трудящихся, это не сделает. На мой взгляд, Виталий зря отказался выступить на рабочем собрании с критикой Ивана Полухина. Какой бы неуживчивый характер у него ни был, рабочее слово ему было бы полезно услышать. Может, он потом отблагодарил бы за справедливую критику. А ты, Виталий, спасовал и не стал выступать. Зря! И ругаться с мастером не следовало, хотя другой раз он, может быть, бывает и не прав. По-хорошему надо в конфликтах разбираться. Ведь он понадеялся на тебя как на передовика производства и сделал упрек тебе только тогда, когда ты спрятался в кусты. Мне думается, что в тот день, Виталий, ты превратил себя из активного человека в пассивного. Мол, моя хата с краю.

Такие понятия, как ударная работа, высокая трудовая дисциплина, честь предприятия, честь цеха или бригады, являются главными факторами, определяющими роль человека в обществе. Они находятся в неразрывной связи с его моральными качествами, в том числе и с порядочностью.

Николай ВАЩЕВ,
рабкор,
Куйбышев

ЛЕГКО ИЛИ ТРУДНО?

Внимательно прочитала ваше письмо, Анна, и хочу поделиться своими суждениями по поводу ситуаций, в которые вы попали. Вы пишете, что у вас неплохие отношения с ребятами, и я надеюсь, вы по-прежнему будете им другом, если кое-что учтете в своей работе.

Ситуация первая. Вы смолчали тогда, когда был неправ директор. По-видимому, на то были причины: нельзя было ронять авторитет директора в глазах учеников. Но потом-то вы должны были ему сказать прямо, что думаете, и доказать директору его неправоту. А когда ребята упрекнули вас, вы ответили бы им, какую провели невидимую для других работу.

Ситуация вторая. Вы прикрыли хулиганский случай в классе, чтобы не было огласки. Рассчитывали на то, что сумеете парно помочь сами. И если бы смогли помочь (опять же невидимая для других работа), на их упрек вам было бы легко найти ответ.

Ситуация третья. Вы правильно поступили, защитив дружбу девушки и юноши. Ну, а дальше? Провели вы беседу в классе? Поговорили с родителями? В конце концов открыли им хорошие качества девушки и юноши, которых защищали?

Вся беда ваша, Анна, в том, что, как вы уже и сами поняли, ни одно дело не было доведено вами до конца.

А порядочность, конечно, есть, и надо жить так, чтобы окружающим и тебе самому не было стыдно за твои ежедневные поступки.

Р. А. КОВАЛЕВА,
Братск

НЕ ДАТЬ ПОВОДА

Виталий пишет в своем письме, что является передовиком производства. Это похвально. Но, на мой взгляд, передовик производства — это еще и человек передовых взглядов. То есть человек, который подает другим личный пример активности, принципиальности и честности. Я коммунист и никогда ни за квартиру, ни за какие другие материальные блага не поступлюсь своей человеческой и партийной совестью. Конечно, добрым, совестливым, порядочным человеком вдруг не станешь. Надо много читать, многому учиться, много над собой работать. Сейчас мы живем в юбилейном ленинском году. И чем больше читаем Ленина и о Ленине, тем больше и чаще задумываемся над каждым своим поступком, над каждым прожитым днем. Виталия мучает совесть из-за полученной им вне общей очереди квартиры. Перечитывая это письмо, я понял, что в цехе, где он работает, нет никакого порядка в распределении жилья. Если в решении жилищных вопросов принимает участие коллектив, если все делается по закону, то никогда ни один начальник цеха не скажет рабочему, что «мы поспешили тебе дать квартиру». Ну, а раз Виталий услышал подобную фразу в свой адрес, значит, он сам дал для этого повод.

Федор РИДОШ,
Кемерово.

КАК НАУЧИТЬСЯ УВАЖАТЬ... СЕБЯ?!

С большим интересом прочел очерк И. Ачильдиева «При любых обстоятельствах». Автор рассказывает о сыне Героя Социалистического Труда В. Ф. Лямина Валерии, который ушел с рудника, где работает его знаменитый отец, чтобы идти своей дорогой, утверждать себя на производстве своим трудом, а не купаться в лучах славы отца. Многим Валерий покажется чудачком, «чокнутым». Бросил институт, уйти из-под крылышка знаменитого отца, где все ему было бы обеспечено, — это ли не чудачество!

Положа руку на сердце, кого не прельщает перспектива быстро и без особого напряжения выдвинуться так, чтобы все твои одноклассники ахнули от удивления?! И неважно, что за палин счет, важно, что ты там, в стенах вуза.

И все-таки позавидовать можно не им — паленькиным сыночкам, а Валерии Лямину, который не только сумел разобраться, чем он будет заниматься в жизни, но овладел своей профессией, не прибегая к помощи отца. Валерий сумел свой весьма прозаический труд (наладчик — я знаю, что это за работа!) возвысить до творчества. Вот поистине порядочный человек! Потому что он может себя уважать за то, что всего достиг собственным трудом. А человек обязательно сам себя уважать должен. И не за то, что он такой умный и красивый, а за то, что трудностей не испугался, добился своей цели и делает полезную для всех работу.

Порядочных людей вокруг нас много. Они стоят за станками, трудятся в конструкторских бюро, добыва-

ют уголь, варят сталь, выращивают хлеб. Они чаще всего неприметны, но именно они надежная опора общества.

Ф. С., Сочи.

КОЭФФИЦИЕНТ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

Мне представляется, что порядочный человек — это прежде всего человек принципиальный, мужественный, идейный, честный. Человек, обладающий, если так можно выразиться, повышенным коэффициентом человечности. Он красив внутренне. Красив своими делами, поступками — на производстве, в быту, в общественной жизни. Таких людей у нас великое множество, гораздо больше, чем непорядочных.

Порядочность и культура человека существуют в тесной взаимосвязи. Эта живая связь, это взаимопроникновение придают человеку особую глубину, наполненность, особую значимость. Порядочный — значит, и во всем культурный человек. Это человек определенных правил человеческого общежития, определенных черт характера, привычек и вкусов. Богатство чувств в нем и чистота их — первооснова культуры. А культура нам нужна, как воздух. Ибо она является показателем степени развития человека.

Алла Лаврикова («Смена» № 15) в статье «Критерии и оценки» пишет: «...Главным показателем нравственности личности является сочетание в ней личных и общественных интересов, ее активная жизненная позиция». Мне представляется, что такой угол зрения не полностью отражает суть вопроса, его содержание.

Главным показателем нравственности являются идейность, коммунистическое сознание, убежденность. Это основа морали, самой нравственности.

Не могу также целиком разделить точку зрения народного артиста СССР Игоря Владимировича, который пишет: «...Я вынужден отчислиться из театрального института с курса, который веду, четырех студентов... Я отчисляю их, потому что внутренне абсолютно убежден в правильности и справедливости этого решения...»

О чем говорит этот пример? Разве не ясно, что тут уходят от серьезной, кропотливой и всеобъемлющей работы по воспитанию и обучению нового человека. Конечно, воспитание студентов — сложный и трудный процесс. Но ведь легких-то побед вообще не бывает.

Известно, что таланты созревают постепенно. И у молодых студентов все впереди. Жизнь — великий учитель. В институте человек получает огромный заряд знаний. И то, что он недоберет в институте, он разовьет, расширит, дополнит в жизни. Уверен, что, окончив институт, человек делается совершеннее, мудрее, нравственно выше и интеллектуально сильнее.

Алексей Максимович Горький в своей лекции «О знании», выступая перед людьми преимущественно молодыми, говорил: «Нет на свете ничего выше знания, выше труда, и труд и знание все побеждают. Знание и труд — это то, что поставит людей удивительно высоко, так высоко, что мы не можем себе представить этого сейчас. Но, несомненно, настанет время, когда человек будет и царем природы и, может быть, таким чародеем, что для него не будет уже никаких препятствий... Я желал бы вас видеть... крепкими, умными, хорошими, честными работниками своей страны».

Это пророческие слова. Великий писатель не ошибся. У нас в стране прекрасная молодежь, крепкая, сознательная, трудолюбивая. Однако и у нас, что греха таить, еще встречаются люди, допускающие рецидивы мелкобуржуазной психологии и мещанства. Скажем, такие антиподы морали и порядочности, как взяточничество, тунеядство, бюрократизм, хулиганство, пьянство и т. п., еще достаточно живучи. Есть люди, которые из-за страха потерять «теплое» местечко совершают непорядочные поступки. Такие люди вызывают у большинства советских граждан только органическое отвращение.

Владимир РУДНЕВ,
Москва

ПОБЕГ ВОЛШЕБНИКА

Он сердцем чувствовал беду. После той странной, удивительной ночи, когда он дотянулся до окна и подглядывал через стекло чужую жизнь и когда он понял, что у него есть сын и что в любом случае он не зря жил, ибо человек, даже очень плохой или очень никчемный, заслуживает оправдания и снисхождения, если от него отделился побег; с той ночи прошло почти два года, и он не знал больше ничего ни о своей бывшей жене, ни о сыне...

Но однажды весенним утром, ярким утром позднего февраля — этот период в средней полосе России зовется весной света — Петр Кириллович Коньшин ощутил тревожную боль в сердце. Эта боль не была сладкой, щемящей болью, которая возникает почти у каждого, когда человек понимает, что темная, длинная, мертвая зима позади, что впереди солнце, зелень, щебет радостных птиц, может быть, ласки загадочного, равнодушного и в то же время страстного моря; моря, которое, кажется, живет только одним — терпеливо ждет своего звездного часа, когда горы уйдут под землю и можно будет опять разлиться по всему земному шару, опять стать хозяином всего-всего, заключить в свои объятия, взять под свой контроль непослушную, непонятную жизнь, которая научилась обходиться почти без него, моря; жизнь, которая зачем-то убивает сама себя, хотя пространства на планете много, и лицо которой почему-то всегда обращено не к нему, морю, прародителю всего сущего, а к звездам; еще с самого начала, с самого первого мига, едва жизнь открыла глаза, она сразу обратила их к звездам: и человек, и муравьи, и птицы; эту жизнь можно опять взять под свой контроль и постараться никогда-никогда не выпускать из своих темных объятий, надежно спрятать в тяжелых глубинах, чтобы не возник соблазн у жизни смотреть на звезды.

Нет, боль в сердце Петра Кирилловича не была весенней болью. Он чувствовал, что случилось что-то с сыном.

И вот однажды, как тогда зимой, он не выдержал и помчался в аэропорт. Он проделал весь путь до Покровского за шесть часов и уже поздно вечером, когда над селом, Доном, лесом распласталось предвесеннее небо, хрусткое от молодого льда, который, казалось, покрыл тонкой коркой звезды, новорожденный месяц, черные дыры Вселенной, притушил нестерпимое, бередящее душу сияние Венеры, Петр Кириллович стоял на колоде и смотрел в освещенное окно кухни.

Было очень тихо. Казалось, Петр Кириллович находится в мире, из которого выкачали воздух и поэтому исчезли все звуки. Молчало село, молчал Дон, молчал лес, молчало небо. И за окном так же безмолвно двигались люди.

За два года почти ничего не изменилось в его бывшем доме. Так же вся семья обосновалась на кухне, так же вокруг следы поспешности и запустения, нелюбви к вещам и продуктам.

Только вместо детской кроватки теперь стояла деревянная полутораспальная взрослая кровать, на которой скорчилась под одеялом маленькая фигурка. Рядом на тумбочке пузырьки с лекарствами, термометр, тарелка с остатками еды, бутылки из-под молока и кефира, игрушки...

Таня и Миркин здесь же. Бывшая жена сидит на кровати в ногах сына и проверяет тетрадки. Миркин расхаживает по кухне, заложив руки за спину. Тень от всклокоченной головы мечется по пыльным углам, по потолку, кажется, что раскачивает все тот же желтый абжур.

Они изменились за это время. Бывшая жена стала еще полнее, еще женственнее, ее лицо даже, кажется, помолодело. Миркин же постарел и как-то скрючился, словно дерево, пораженное какой-то болезнью или высушенное другим растением-паразитом. За спиной Миркин держал толстую тетрадь, и Коньшину показалось, что именно эта тетрадь и сосет соки из Миркина.

На мгновение у Петра Кирилловича появилось сильное желание войти в дом, вытолкнуть на улицу ненормального поэта, выбросить на свалку пустые бутылки, грязные тарелки, сломанные игрушки, налить большую комнату зал, перетащить туда кроватку с сыном, растереть его тельце горячей водой с камфорным спиртом и остаться навсегда в этом большом дощатом финском доме.

Но потом Коньшин взял себя в руки, прыгнул с колоды, отнес ее на место и медленно побрел в сторону шоссе.

Из Москвы Коньшин послал Тане телеграмму, в которой он писал, что узнал о болезни мальчика и просит срочно сообщить телеграммой, чем он болен и не нужно ли какое лекарство. Ответа он не получил.

Петр Кириллович вызвал бывшую жену на телефонный разговор. Никто на почту не явился.

Тогда Коньшин взял отпуск без сохранения содержания, поселился в гостинице в областном центре рядом с Покровским и стал каждую ночь ездить в село.

Мальчик болел сильно. Весь красный, он то сидел на кровати, тербя большого облезлого мишку, то спал беспокойным сном, разбрасываясь по постели... Мать все проверяла тетрадки, а поэт по-прежнему расхаживал по кухне.

Вскоре Коньшин догадался, что у мальчика было или воспаление легких, или сильная простуда, он кашлял, задыхался, хватаясь за горло и спину.

Петр Кириллович знал, где простудился его сын. Ведь он сам был когда-то мальчишкой и совсем нетрудно было встать на место сына, особенно когда тот оставался один в огромном пустом доме. Этот дом казался целым загадочным миром, который ждал своего исследователя. И мальчик — боже мой, Коньшин не знал даже имени своего сына — наверно, принялся исследовать этот мир. Он

лазил по замерзшим комнатам, по углам которых притаились мохнатые чудовища; печка, обыкновенная печка, была вовсе не печкой, а одноглазым циклопом, сверлящим мальчика своим белым, поблескивающим ледяным зрачком.

Возможно, чтобы ступать бесшумно, мальчик ходил по покрытому инеем полу босиком. Конечно, лизал. Разве можно удержаться от соблазна сунуть в рот прекрасные, длинные, прозрачные, жгущие губы сосульки? Конечно, нет!

Не исключена возможность, что мальчик забрался в ледяной сундук и немного там поспал, пока мать была в школе, а поэт читал в клубе удивленному народу свои странные стихи. Да, наверняка он залез в сундук. Кто из мальчишек выдержит и не залезет в волшебный, полный ледяных сверкающих драгоценностей сундук? Никто!

Они не лечили его. Разве так лечат? Почему они не отправят мальчика в больницу? Коньшин висел на окне до тех пор, пока они не тушили в кухне свет.

Он не знал, что предпринять. Предложить свою помощь? Но чем он, кроме отцовской ласки, может помочь мальцу? Да и они не допустят его к сыну. Произойдет скандал, его выставят из дома, этим все и кончится. Может даже быть хуже, если мальчик проснется и испугается криков.

И все-таки Петр Кириллович решил, что он обязательно вмешается, если наступит критический момент, неважно, что из этого выйдет.

Коньшин надеялся, что когда-нибудь Миркиных посетит врач, тогда можно перехватить врача на улице и расспросить его, неважно, что тот подумает, но врач, наверно, приходил только днем...

...Постепенно Петр Кириллович привык торчать в окне, хотя мальчик уже выздоравливал. Так привык, что потерял бдительность. Он уже не отшатывался, когда Таня или Миркин бросали рассеянный взгляд в его сторону: он надеялся на полупрозрачное заиндевевшее стекло и на белую тьму за своей спиной.

И, как оказалось, зря надеялся. А может быть, его выдали следы под окном. Во всяком случае, они хорошо подготовились к встрече. Им помогла и мокрая мартовская метель, которая сделала мир плотным, густым и непрозрачным.

Они обложили Коньшину со всех сторон, когда он висел на окне, и, если бы не хрустнула ветка за его спиной, Петр Кириллович не успел бы даже соскочить с колоды.

Но ветка хрустнула. Коньшин оглянулся и увидел, что помимо него из сада движется человек, держа перед собой вилы. И справа проступало сквозь метель черное пятно и слева...

Они обложили его, как волка. Они не учли только одного. Что Петр Кириллович когда-то жил в этом доме. Он знал, что рядом стоит лестница, ведущая на крышу. А они не знали, что он это знает.

Коньшин соскочил с колоды, в два прыжка достиг лестницы, за несколько секунд взлетел на крышу, оттолкнул лестницу. Лестница упала кому-то на голову, послышались невнятные ругательства, звон выбитых из рук вилок.

— Обходи справа! Эй, стрелять не надо! Живьем возьмем! — Теперь никто уже не тайлся, их было человек пять, они окружили дом. Сзади цепочки облавы Коньшин разглядел закутанную в пуховый платок фигуру Тани и согнутого пополам от сырости и холода тощего Миркина.

Дымил труба. Покрытая толем крыша была похожа на палубу накренившегося и уходящего в морскую пучину корабля.

— Не высовываться! — командовал кто-то. — Может быть, он вооружен!

— Колонь, можно я шарахну? Так, для остротки...

— Отставить!

— Гляди, за трубу спрятался. Опытный.

— Точно, он в городе ювелирный взял.

— Я вот только не пойму, чего он на учительку нацелился: голь же перекатная.

— Может, он за стихами? У Миркина, говорят, целый чемодан стихов. Правда, Миркин?

Послышался смех. Коньшин стоял, прислонившись к трубе, и слушал голоса. Труба была горячая, дым пах подгоревшей кашей — видно, впопыхах Таня забыла в печке горшок. Летящая метель из крупных струй мокрого снега создавала полную иллюзию движения. Будто в самом деле находишься на уходящем в пучину корабле или, как Иванушка-дурачок, мчишься на печке, прижавшись к печной трубе.

Что-то надо было предпринимать... Иначе они сейчас прильбнят лестницу и пойдут на штурм, поддерживая атаку заградительным огнем.

Можно было прыгнуть с крыши на кого-нибудь. Коньшин даже выбрал себе жертву: маленького, щупленького парня в огромной папаше и с ружьем; парень замерз, но сгорал от азарта. Он был похож на иллюстрацию к какой-нибудь книжке про партизан.

Если неожиданно прыгнуть на плечи этого «партизана», то все растеряются от неожиданности, и, может быть, удастся уйти в этом густом снегу. Но тут Петр Кириллович подумал, что с перепугу кто-нибудь обязательно выстрелит ему вслед. Наверняка выстрелит.

И Коньшин упадет, обливаясь кровью.

Нет, это не годилось. Петру Кирилловичу не хотелось валяться подстреленным, как глупый заяц, в снегу. Он осторожно открыл чердачное окно; крючок, который прибывал еще он сам, давно сгнил и отвалился без всяких усилий.

Чердак он знал хорошо. С балок еще свешивались и били по голове и плечам пучки трав, которые он собирал для лекарств и настоек. Не пришлось ему делать

Рисунок
Валерия СМЕРНОВА

ни лекарства, ни настойки — Таня ненавидела спиртное, и они не держали в доме ни грамма алкоголя, а самодельных лекарств она почему-то панически боялась и немедленно выбрасывала пузырьки на помойку, если они ей попадались.

С чердака можно было через люк попасть прямо в центральную комнату дома — в так называемый «зал». Правда, чтобы кто-нибудь посторонний не воспользовался этим путем, Коньшин в свое время приладил со стороны «зала» довольно мощную задвижку, но он не сомневался, что и Таня и Миркин давным-давно забыли про эту задвижку и она наверняка заржавела и сгнила.

Так оно и было. При первом же рывке задвижка с грохотом упала на пол. Беглец открыл люк, повис в нем на руках и прыгнул на пол. Прислушался. Тихо. Только через стенку слышно, как гудит в печке пламя...

Через окна в комнату от метели льется белый свет, словно в Покровском наступили белые ночи. Да, он был прав. Наверняка мальчик простудился здесь. Потолок в мокрых пятнах, в углах еще кое-где виднеется снег, словно плесень, доски пола скользкие и поднялись. И запах! В комнате стоял волшебный запах: весеннего леса, подтаявшего снега, мокрых деревьев, первых подснежников, вылезших на солнце из нор и сушивших свои шкурки гномиков.

Разве мог выдержать мальчик этот запах? Запах сказки, струящийся из загадочной комнаты в пропитавшуюся прозаическими запахами кухню...

Петр Кириллович вошел в маленькую прихожую, жутко заваленную всяким хламом. Отсюда был «парадный» выход через палисадник на улицу; «черный» же ход, во двор, был из кухни.

Дверь в палисадник была слегка приоткрыта. В щель налетел снег и улегся на полу белым зайцем. Петр Кириллович осторожно выглянул на улицу. Фонари вдоль дороги запутались в длинных нейлоновых нитях метели, как светящиеся рыбы в сети. Их свет не достигал дома, лишь часть палисадника освещалась лампочкой, горящей у дощечки с номером и фамилией владельца. ВЛАДЕЛЕЦ МИРКИН. Владелец всего. Владелец Миркин отнял у него жену, сына, дом, Покровское, любимую работу, ОТНЯЛ МОЛОДОСТЬ. А может быть, и жизнь? Похоже, что так... Очень не хотелось бы, но очень похоже, что так...

Разве можно назвать оставшиеся годы жизнью? Один... Никого рядом и НЕТ ПРОДОЛЖЕНИЯ.

В палисаднике и на дороге пусто. Очевидно, все столпились в саду, готовятся к штурму крыши. Оттуда слышны голоса, крики, адресованные «вору»: осаждавшие еще верят в успех мирных переговоров.

— Эй, парень!.. Сдавайся!
— Выходи! Бить не будем!
— Все равно не уйдешь!
— Выходи! Мы знаем, ты за трубой!
— Случайно шарахнет кто — костей не соберешь!
— Лучше по-хорошему. Отсидишь срок — и свободный.

— Честным человеком станешь!
— У нас один отсидел, а сейчас тракторист каких поискать! На Доске почета висит! И ты так можешь!

«Еще не поймали, а уже посадили, выпустили и на Доску почета повесили», — подумал Коньшин. Он прикрыл дверь и прошел на кухню. Мальчик сидел на кровати и смотрел на него, не мигая, широко раскрытыми глазами.

— Ты волшебник или разбойник? — прошептал он.

— Волшебник, — тоже шепотом ответил Петр Кириллович.

— Почему же ты прыгнул с чердака? Я слышал. Ты живешь на чердаке?

— Нет, я прилетел из Москвы.

— На самолете?

— Ага.

— Москва красивая?

— Очень!

— Там все волшебники?

— Не все, но много. Я все про тебя знаю. Твоя фамилия Миркин. Ты болен. А зовут тебя Валя.

— Здорово! А у нас нет ни одного волшебника.

— Это ты волшебника искал в зале?

— Не...

— Признайся. Я никому не скажу.

— Вообще... что-нибудь интересное...

— Босиком?

— Да...

— Чтоб не слышно было?

— Да...

— И опять пойдешь?

— Да... Я уже выздоровел...

— Тебе нравится твое имя?

— Не... Девчоночь... Валя...

— А какое тебе нравится?

Мальчик задумался. У него была смущенная мордашка с любопытными глазами. Но щеки пожелтели и ввалились от болезни, на лбу складки, как у маленького старичка.

— Мне нравится... Илья...

Ручки, торчащие из пижамки, покрылись мурашками — хотя газовая горелка в печи работала на полную мощность, но окна в кухне не были заклеены, наружная дверь не утеплена, дверь в прихожую рассохлась, и по полу гулял ледяной сквознячок.

Коньшин набросил одеяло на плечи мальчика.

— Это потому, что Илья Муромец?
— Да... Откуда ты все знаешь?
— Я же волшебник. Хочешь, я переделаю твое имя?
— Ну? — не поверил мальчик. — В Илью?
— В Илью... Вот... — Коньшин сплюнул через левое плечо и три раза щелкнул пальцами. — Чики-Мики буду я, вот теперь ты стал Илья!
— Точно? — прошептал мальчик. Глаза его блеснули.
— Абсолютно.
— Илья...
— Илья. Не веришь? Давай проверим. Если я позову, а ты отзовешься, значит, так оно и есть. Идет?
— Идет.
— Илья...
— Что?
— Вот видишь.
— Да... Здорово... А тебя как зовут?
— Зови... Петр...
— Разве бывают волшебники Петры?
— Выходит, бывают.
— Петр...
— Что, Илья?
— Илья... Здорово... Слушай, Петр, ты улетишь назад в Москву?
— Да.
— Когда?
— Сейчас.
— Возьми меня с собой.
Мальчик замер, ожидая ответа, не сводя глаз с Коньшина. У него даже сжались губы.
— Тебе здесь скучно?
— Да...

— Но ты ведь ходишь в садик.
— Хожу... В две смены... Все в одну... а я в две... В две... там нет никого. Только я, тетя Вера и телек. Мы втроем до ночи... Возьмешь?
— А что скажут папа с мамой?
— Ничего. Им некогда. Они учат людей. Так сказала мама. Они всегда куда-то спешат. И я им не нужен.
Коньшин погладил Валу-Илью по голове.
— Я не могу...
— Ты же волшебник.
— Все равно.
— Но почему?
— Это очень сложно... Даже, если мы убежим, тебя все равно заберут назад.
— Но почему?
— Сейчас ты не поймешь.
— Но почему? — Мальчик заплакал. — Ты мне очень нравишься.
— Ты мне тоже.
Наверху послышался топот. Пора было уходить.
Коньшин склонился над кроватью, прижал к себе маленькое теплое тельце. От сына пахло сторовшей кашей, размороженным залом, слезами, запущенностью. Сердце у Петра Кирилловича билось неровно, толчками, голова кружилась, ноги дрожали. Он не мог уйти... А что, если... И тогда будь что будет...
— Одевайся, Илья.
Мальчик уставился на Коньшина растерянными глазами, в которых светилась радость и боязнь, что это шутка. Преследователи нашли люк. Из зала неслись их голоса.
— Подожди, не прыгай. Может, у него нож.
— Крикни Ивану, пусть сторожит парадный ход.
— Ловкий, подлюка.
— Матерый.
Коньшин помог мальчику одеться, закутал поверх шубки каким-то стареньким клетчатый платком.
— Илья, бегать умеешь?
— Умею. Я лучше всех... в садике... бегаю.
— Тогда жмем во все лопатки.
— За нами будут гнаться?
— Еще как!
— Кто?
— Злые волшебники.
Кто-то тяжело вывалился из люка на пол.
— Держи ружье.
— Ага... Давай...
Вольше нельзя было оставаться ни секунды. Сейчас распахнется дверь, глаза упрутся в ружье. «Ни с места! Стрелять буду».
Коньшин на цыпочках вышел в прихожую. Человек, спрыгнувший с чердака, разговаривал с товарищем.
— Ушел, Иван?
— Ушел. Ты один не ходи. Вдвоем брать будем. Дай руку.
Петр Кириллович открыл наружную дверь. Пусто. Тихо. Иван, видно, не торопился обходить дом. А может быть, застрял где-то в сугробе.
Коньшин взял сына за руку, они прыгнули на занесенную снегом дорожку и побежали к калитке. Снег был рыхлым, влажным, лип к ботинкам, и бежать было тяжело, но ноги Петра Кирилловича стали будто не свои, а от робота, они гнулись и разгибались с железной последовательностью, не чувствуя ни усталости, ни тяжести снежных валунов на ботинках.
Коньшин все время ожидал окрика или выстрела, но их не последовало. Вскоре колышущаяся пелена метели поглотила их, и Петр Кириллович перешел на шаг.
— Илья, устал?
— Не... Здорово... Как в мультике.
— Надень варежки.
— Не... Я так. — Мальчик засунул ладошку в рукав отца. Ладошка была горячей.
Они шли быстрым шагом по дороге в сторону шоссе, где была остановка проходящего мимо ростовского автобуса. Этот автобус за час домчит их до областного центра, и вскоре Петр Кириллович и Илья будут пить в номере гостиницы горячий чай. Если есть места на последний самолет, улетающий в Москву в двадцать два часа, то уже часов в двенадцать они дома. Конечно, мать догадается, примчится на следующий день, может быть, даже заявит в милицию... Надо что-то придумать... Но это потом... в автобусе, в самолете... немного времени будет. Вот хотя бы... Можно Илью пока оставить у лифтерши тети Дуси. Она хорошо относится к Петру Кирилловичу, выделяет из всех... Даже однажды угостила дыней, которую прислала ей дочь из Чарджоу. Попросить, чтобы Илья пока пожил у нее, никто сроду не догадается... А потом, когда все успокоится, забрать домой...
Сын — единственное, что у него осталось. Пусть Миркин заводит СВОЕГО ребенка. Пусть немного отвлечется от своих стихов. Он еще молодой... А то очень несправедливо получается. Отнял все и хочет отнять еще сына, к которому он не имеет никакого отношения. Пусть на время отложит стихи и займется СВОИМ сыном.
— Петр...
— Что, сынок...
— Как ты сказал?
— Это так... вырвалось, — смутился Коньшин.
— Ты сказал «сынок».
— ...Это... Я хочу тебя усыновить. Согласен?
— Тогда я тоже стану волшебником?
— Конечно.
— Здорово! Мы будем всегда вместе?
— Всегда.
— Я еще хотел спросить... Хотел спросить... У тебя есть жена?
— А ты как бы хотел?
— Чтобы не было.
— Почему?
— Так... А дети у тебя есть?

— И детей нет.
Илья благодарно сжал руку своего «волшебника».
— Молодец.
— Почему молодец? — пробормотал Коньшин.
— Хочу, чтобы мы были только с тобой. А ты хочешь?
— Хочу.
— Ты никогда не женишься?
— Пока ты не разрешишь.
— Поклянись.
— Клянусь.
Некоторое время они шли молча.
— Еще долго идти? — спросил сын.
— Не очень. Ты устал?
— Я сильный.
— Хочешь на спину?
— На спину?
— Ага. Ты никогда не ездил на спине?
— Нет...
— Тогда надо обязательно попробовать.
Петр Кириллович присел на корточки и помог сыну вскарабкаться на спину. Тельце Илья было совсем легким.
— У тебя плохой аппетит?
— Не...
— Мама не готовит твои любимые кушанья?
— Ты правда все знаешь... каждый день почти одно и то же... картошка с консервами и борщ из пакетиков... Он почему-то сладкий...
— Я тебя буду кормить яичницей с салом. И бараньими котлетами. И настоящим борщом. И курицей, запеченной в фольге. И рыбой-капитаном.
— Рыбой-капитаном? Здорово!..
— Да. А в воскресенье мы с тобой будем ходить в кафе-мороженое и есть пломбир с орехами.
— Здорово!
Метель обвивала их мокрыми нейлоновыми нитями, скользила по лицу, одежде, не оставляя следов, и с тихим шорохом свивалась на земле в большие канатные бухты.
Справа и слева, словно океанские лайнеры в тумане, проплыли последние избы, посвечивая огнями. И сразу стало просторнее и светлее. Неподалеку черной стеной, иссекающей белыми шрамами метели, замаячил лес. Дорога отгибалась его, уклоняясь вправо; за лесом проходило ростовское шоссе. Если немного напрячь слух, то можно было услышать, как гудят машины.
— Петр...
— Что, Илья?
— Ты когда меня усыновишь?
— Тебе очень хочется?
— Очень...
— Давай тогда прямо сейчас.
— Давай.
Петр Кириллович перебрал тельце сына со спины на грудь, поцеловал в мокрую холодную щеку и водрузил на место.
— Все. Ты мой сын.
— Все?
— Ага.
— Так быстро?
— А чего ж...
— Но... Петр...
— Что, сынок?
— А нам поверят?
В голосе ребенка было беспокойство.
— Поверят. Мы справку достанем. Не волнуйся.
Вдруг сзади послышалось какое-то движение. Будто кто-то бежал следом, пробиваясь сквозь пургу. Коньшин остановился и прислушался. Вскоре он действительно различил топот и голоса. За ними бежали.
— Погоня! — сказал Петр Кириллович с отчаянием.
— Погоня! Здорово! — обрадовался Илья. — Как в кино! Вызывай вертолет!
Шум погони приближался. Кажется, даже впереди, на краю села, заурчала машина. Петр Кириллович затравленно оглянулся. Слева поле, справа лес... Вперед и назад дорога заказана.
— Держись!
Коньшин бросился к лесу. Сначала бежать было легко: ветер снес с озимых почти весь снег, под ногами чувствовалась ледяная корка, которая не успевала полностью разрушиться под ударом ноги, и было такое ощущение, словно бежишь по граверной дорожке.
— Папа! Да вызывай же вертолет! Или вездеход! Или танк!
— Сейчас... сейчас... мы так... Тебе не холодно?
— Нет. Здорово.
«Папа»... Никто никогда в жизни не называл его папой... Неужели он правда папа, а за его спиной подпрыгивает, обняв за шею, сын, родное существо, плоть от плоти?.. Бежать, пока хватит сил. Лишь бы успеть до шоссе... А там остановить любую машину. Сказать — заблудились... Перед городом сойти... Обойти стороной пост ГАИ и проникнуть в город через какую-нибудь тихую улочку... Ведь они наверняка сообщат в милицию: дескать, похищен ребенок...
Коньшин оглянулся. Погоня свернула с дороги и пошла по его следам.
— Эй ты! Стой! Все равно не уйдешь...
Коньшин прибавил ходу. Но бежать стало труднее. Ближе к лесу снег стал совсем глубоким.
Сзади ударил выстрел. Наверно, шарахнули вверх, для остротки.
— Папа? Они догонят...
Да. Они догонят... Снег был уже выше колен. Один раз Петр Кириллович провалился по пояс.
— Папа!!! Ладно. Ничего не получилось... Оставь меня, а сам беги... Потом придешь... Ночью. Я буду ждать. — Сын постучал по его шапке, как по кабинке автомобиля.
— Будешь ждать? — хрипло дыша, спросил Петр Кириллович.
— Буду.

— Сколько?
— Всегда.
Да, ничего не получилось... Эта затея была мальчишеством от начала до конца. Даже если бы им удалось уйти, все равно не добраться до Москвы. Поймали бы. Не в гостинице, так в автобусе, не в автобусе, так в аэропорту. Преступление-то очень серьезное — кража ребенка.
Петр Кириллович опустил Илью в снег.
— Ладно, прощай, сынок...
— Прощай, папа.
Коньшин поцеловал сына в лоб, секунду помедлил и, собрав последние силы, побежал в сторону близкого леса.
Отбежав немного, он оглянулся. Возле Вали-Ильи уже столпились люди, слышались возбужденные голоса, светили фонари, один луч был очень мощный. Этот луч метнулся в его сторону, но не прошел и половинки пути, запутался в нейлоновой сетке и упал на землю.
— Коньшин!
Петр Кириллович вздрогнул, споткнулся и чуть не упал.
— Коньшин, остановись...
Петр Кириллович остановился, невольно радуясь передышке. Он бежал из последних сил. Голос, который его звал, был женский. Он сразу узнал этот голос.
Таня спешила к нему, увязая почти по пояс в снегу. Она была похожа на раненую моржуху, которая спешила к своему детенышу, укрывала его, оставила в безопасности, а теперь преследовала врага.
— Петр, ты что это вытворяешь?!
Она произнесла это таким тоном, словно они все это время жили вместе, словно она его жена и он взял и отмолил глупую шутку.
— Сначала надо поздороваться, этому учат еще в садике, — сказал Петр Кириллович.
— Ну, здравствуй...
— Здравствуй...
Таня протянула варежку, к которой прилипла корка снега. Наверно, она часто падала, когда бежала.
— Варежку надо снимать, когда здороваешься, — опять назидательно сказал Петр и осторожно освободил ее руку. Так же осторожно пожал кончики ее пальцев. Варежка упала в снег. Пальцы были очень горячие, почти огненные.
— Ты бегаешь... как волк, — сказала она.
— Это от питания. Я хорошо питаюсь. Кроме того, я делаю зарядку.
Видно, из-за своих тетрадок и стихов блаженного мужа она мало двигалась. Таня дышала тяжело, всей грудью, как выброшенная на берег рыба. Из ее круглого рта с горячими алыми губами вырывалось белое облачко и тут же падало вниз, иссеченное жесткими нитями пурги, словно медуза под ударами удочек мальчишек-разбойников.
— Как ты живешь? — спросила она.
— Как видишь. Я в хорошей форме. Обвел вокруг пальца целую роту добровольцев. Это ты подготовила засаду?
Таня не смутилась.
— Вообще-то я догадывалась, что это ты...
— Еще бы. У вас же с Миркиным огромный опыт по части свиданий через окно, — не удержался Коньшин от язвительного замечания.
Таня пропустила ехидство мимо ушей.
— Конечно, не на сто процентов, но все-таки я предполагала, что это можешь быть ты.
— Поэтому вооружила всех ружьями.
— А как же ты хотел? А вдруг это вор!
— Что у вас воровать? Стихи Миркина?
— К стихам не цепляйся. Миркин — великий поэт.
— Не сомневаюсь.
— Вот... Но когда ты украл ребенка... — Таня опять задышала тяжело, словно мысленно побежала дальше по глубокому снегу. Глаза ее налились гневом. — Когда ты украл ребенка... Я уже знала точно... Это ты... Только ты способен на такое безумство... Если бы не Валя, я бы сама... дробью тебя по ногам!..
— Зачем же по ногам? Целила бы уж в грудь.
— Идиот... Тащить еще большого ребенка... Неужели ты не мог догадаться, что тебя сразу поймут? При современной технике. Мы же сразу сообщили и в район и в область. Везде патрули... Все дороги перекрыты... Ты всегда был чокнутым... Чокнутым и умрешь.
Таня замолчала. Коньшин подождал, не скажет ли она еще чего, но она молча смотрела мимо него, на колышущуюся завесу снега.
— Слушай, — сказал Петр Кириллович, — отдай мне сына.
— Это не твой сын.
— Мой. И ты это прекрасно знаешь.
— Не твой.
— Брось упрямиться. Это бессмысленно. Я чувствую сердцем, всем телом — это мое. Он и говорит и смеется, как я. Мои движения... Тебе же он все равно не нужен. У тебя есть Миркин, любимая работа, а у меня нет ничего.
— Кто же в этом виноват? — Таня говорила отрывисто, не разжимая губ. Дыхание ее как-то сразу успокоилось, волнение прошло.
— Конечно, не ты.
— Ясно, что не я.
— Нет, конечно, нет. Разве кто сказал «да»?
— Не паясничай.
— Виноваты гены. У нас с тобой гены несовместимые, у Миркина же гены оказались в самую точку, вот он и победил. Все научно. Так ведь? Выходит, виновата не ты, а тот, кто создал гены. Поскольку доказано, что бога нет, то виновата судьба. Как говорится, не судьба. Видишь, как все стройно и логично.
— Паяц. Мелкий паяц. Вся жизнь был мелким паяцем. Ты просто жалок со своим юмором. Со своими поступками. Додумался красть ребенка, как в шестнадцатом веке...
— В двадцатом тоже крадут, к твоему сведению. Например, в Чикаго... Там на детей — целый бизнес.
— Мелкий паяц...
— А насчет поступков... у тебя они тоже оригинальные. Ружья. Засада. Погоня. Облава. Как ты до собак не додумался? Погоня с собаками очень эффективна.

Бух — бух! Гав-гав! Ату, его! Впереди Миркин на белом коне с обнаженной шашкой. Кстати, где же он? Или он подстрелил сам себя? Я слышал выстрел. Это не он шарахнул?
— Ну хватит болтать, — сказала Таня устало. — Ты по-прежнему любишь потрепаться. Я, собственно, пришла к тебе, чтобы сказать... Я хочу тебя попросить...
— Попросить? Что же у меня можно попросить? Я отдал тебе все. — Коньшин пошарил по карманам. — Вот платок, но он грязный. Вот кошелек, но он пустой. Вот сердце, но оно разбито. Вот печень, но она больная. Вот голова, но в ней ничего нет. Только руки и ноги. Руки и ноги у меня хорошие, сильные. Хочешь?
— Ты стал еще большим трепачом. Сказывается влияние столицы. — Таня поморщилась. — Ладно, перестань. Я пришла взять с тебя слово...
— Ах, слово... всего-то навсего...
— Ты должен дать слово, что никогда не повторишь этого безумного поступка. И никогда не придешь в Покровское.
— А если меня пришьют в командировку?
— Ты должен понять, — продолжила Таня, не слушая бывшего мужа, — что такие встряски, как сегодняшняя, не могут пройти для мальчика бесследно. Эту ночь он, конечно, забудет...
— Не забудет.
— Забудет. Я ему внушу, что все это было во сне. Валя ведь еще совсем маленький...
— Илья...
— Какой Илья?
— Я его переделал в Илью.
Наступило молчание.
— Ты... и фамилию переделал? — голос у Тани дрогнул.
— Фамилию он не просил. А имя просил.
Бывшая жена заплакала. Она плакала тихо, горячо, страстно; Коньшин не знал, чего было в этих слезах больше: ненависти, страха, отчаяния или жалости к себе.
— Всю жизнь... Всю жизнь... Исковеркал... Живу в вечном страхе... Не знаю, что он выкинет... Эти письма... Телеграммы... Вызовы на почту... как бомбежки... Господи, да когда же я избавлюсь от тебя? Одна ночь... Одна глупая ночь в этом дурацком шалаше!.. Случайность. Слепая случайность... И вот исковеркана вся жизнь... Миркин... Он тоже мучается. Смотрит. Ждет. Бойтся... За себя, за меня, за сына... Вот придешь ты и что-нибудь выкинешь, поломаешь, разрушишь все.
Таня плакала и плакала, продолжая причитать, закрыв лицо руками: одна рука голая, другая в перчатке.
Коньшин был потрясен. Он не ожидал найти в жене столько ненависти. Он считал, что она давно забыла о нем думать, а оказывается, они помнят о его существовании ежеминутно: получается так, что он, Коньшин, постоянно отравляет им жизнь. А он-то думал, что несчастен только он; Петр считал себя благородным, потому что затаился в своей квартире, не надоедал, не требовал, не жаловался, не теребил. Он считал себя мучеником, а оказалось, что мученики — это они, Миркины.
Петр Кириллович поднял варежку, отряхнул ее и надел Тане на руку.
«А вдруг она меня еще любит? — нелепая мысль пришла Петру Кирилловичу. — Ведь так бывает. Разлюбила, а потом снова полюбила. Может быть, ей осточертел Миркин со своими нелепыми стихами».
Он взял бывшую жену за плечи и привлек к себе. Таня не сопротивлялась. Горячая волна побежала от сердца, через горло, ударила в голову. Петр Кириллович покачнулся.
— Милая моя... — прошептал Коньшин. — Поедем со мной, с сыном... Начнем все сначала... Мы так заживем... мы будем самые счастливые на свете... клянусь тебе... Я сделаю все...
— Я тебя ненавижу! Ненавижу! — Таня стала вырываться. — Ненавижу все: твой голос, твой запах! Твою глупость! Твое слюнотечение! Идеалист! Проклятый идеалист! Почему ты не грубый, не жесткий! Хотя бы раз ударил! Даже когда я с... Миркиным. Ты даже тогда вел себя не как мужчина! Меня надо было по морде, по морде! Поднять юбку, да ремнем, ремнем! А он смотался в Москву! Его высокоблагородие проклятьи!
Коньшин разжал руки.
— Ладно, — сказал он глухо. — Я больше не приеду. Живите спокойно. Бомбежки кончились. Но я сделаю это только при одном условии. Мальчик должен остаться Ильей.
— Никогда! Боже, какой нелепый бред! Какая чушь!
— Да, — твердо сказал Петр Кириллович. — Он должен зваться Ильей. Иначе я опять сделаю попытку его украсть. На этот раз по всем правилам. С применением техники. Сегодня ведь все получилось экспромтом, а если бы я подготовился, то Илью тебе больше не выдать. Но теперь я подготовлюсь.
Лицо Тани искажилось от ненависти и стало некрасивым.
— Да, — выдохнула она. — Я верю. Ты на все пойдешь, когда вобьешь себе в голову. Ты живешь в выдуманном мире и поступаешь, как псих... Ладно. Пусть Валя будет Ильей... И будь ты проклят!
Она повернулась и пошла к темной группе, где по-прежнему посвечивали фонарики и откуда ее уже звали: «Татьяна-на Сен-на! Поехали, Татьяна Сен-на!»
На дороге поджидала машина с яркими фарами — наверное, председательский «уазик».
— Эй, — крикнул Коньшин. — Эй!
Таня испуганно оглянулась. Вернее, она дернулась вправо и слегка пригнулась. Может быть, она думала, что он собирается выстрелить или кинуть в нее камнем. Она, наверно, и в самом деле считала, что он способен на самые сумасшедшие поступки.
Она стояла, утонув по колени в снегу, и смотрела в его сторону жалко и растерянно.
— Эй! Не забудь снять милицейские посты! Обязательно! У них и без меня работы по горло! Поняла?
Она выпрямилась и пошла к своим уже спокойно. Она знала, что теперь он не выстрелит и не кинет камнем.
От близкого леса тянуло запахом хвои, разлитым шампанским и почему-то маринованными грибами, как будто наступил Новый год...

Валерий ЛОКТЕВ
Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ
Специальные
корреспонденты «Смены»

аким образом, выбор оптимального режима для проявления текстовых диaposитивов, полученных способом фотонабора, значительно упрощается.— Лена положила мел и обернулась к комиссии.

Председатель дипломной комиссии доцент Полянский наклонился к директору «Детской книги» Назаровой.

— А что, Нина Дмитриевна, попробовали бы внедрить у себя. По-моему,

жение выверено, детально продумано. В их действиях чувствовалась хватка мастеров своего дела.

Запомнились слова Тани Козловой: «Нам в техникуме не только дали знания, но и научили применять их на практике. Нас учили работать...» Умение ориентироваться самостоятельно в сложной производственной обстановке, безбоязненно принимать решения — это, согласитесь, для выпускника техникума весьма важно.

Полиграфия — одна из сложнейших отраслей промышленности. Достаточно сказать, что до внедрения ЭВМ наборная машина — линотип — считалась са-

**ЧЕРЕЗ НЕСКОЛЬКО МИНУТ
 НАЧНЕТСЯ ЭКЗАМЕН.**

«Красные печатники»

из Дмитровского переуллка

метод весьма перспективный. Экономия и времени и материальных затрат, как говорится, налична...

Назарова улыбнулась.

— Куда идете работать? — обратилась к Лене.

— На фабрику «Детская книга».

— Ну, Нина Дмитриевна, — весело сказал Бобрович, главный инженер типографии Главполиграфпрома, — вам и карты в руки.

Защита дипломных работ в Московском издательско-полиграфическом техникуме имени русского первопечатника Ивана Федорова всегда событие неординарное. И дело тут не только в том, что наша отечественная полиграфия приобретает несколько сотен молодых квалифицированных специалистов, а еще и в том, что почти каждый диплом — это новшество в полиграфии, пусть и небольшое, но которое можно практически использовать сегодня же в цехах крупных типографий, печатных фабрик, в научно-исследовательских разработках ВНИИ «Полиграфмаш». Весьма показательный факт: ныне каждая третья дипломная работа студентов МИПТа внедряется в производство. Проще говоря, производственная деятельность молодых московских полиграфистов начинается еще на студенческой скамье.

Я разговаривал с Леной Гендибари на следующий день после защиты диплома. Защитила она его с отличием, а в решении комиссии было записано: «...материалы исследования дипломной работы рекомендовать к использованию в полиграфической промышленности».

— Конечно, рада! И что диплом мой найдет практическое применение и что работать буду на фабрике «Детская книга». Ведь это лучший полиграфический комбинат страны!

На той же фабрике «Детская книга» мне доводилось встречаться с выпускниками МИПТа, со студентами вечернего отделения. Я узнавал их по особой сосредоточенности, кажущейся неторопливости в работе, когда каждое дви-

мым хитроумным механизмом. Но ведь и линотип, как говорится, отживает свой век. И хотя в учебной типографии техникума сегодня мы еще видим и линотипы «Россия», и легендарную «американку» — плоскочечную машину высокой печати, и машины для офсетной печати типа «Ромайор», и оборудование «малой полиграфии» — ротарпринты, в аудиториях и на семинарах ребята изучают новые технологические процессы, полиграфию завтрашнего дня, которая целиком перейдет на фотонабор, фотополимерную технологию. Традиционный металл уйдет из книгопечатания. Его заменят фотопленка и полимерные формы.

Собственно, это уже происходит на «Детской книге» — базовом предприятии Московского издательско-полиграфического техникума.

Поэтому ныне выпускники техникума работают не только мастерами участков, но все чаще становятся к сложным полиграфическим агрегатам, которые порой включают в себя даже электронно-лазерные устройства. Автоматическая линия «Книга», вариоклишграф, цветокорректор — чтобы обслуживать эти машины, необходимы прочные теоретические знания. Управлять ими под силу лишь технику, а то и инженеру.

— Мы готовим специалистов для сегодняшней полиграфии, — говорит директор техникума Ольга Дмитриевна Абрамова, — но, безусловно, с заглядом в завтрашний день. Ведь перестраивать промышленную технологию книгопечатания предстоит им.

Ольга Дмитриевна — опытный полиграфист и педагог. Работала на производстве, была наставником. Немало ее учеников ныне трудится в типографиях страны. Милая, улыбающаяся женщина, она, когда что-то касается дел техникумовских, может быть твердой, неуступчивой.

— А вот как мы начинали. — Она протягивает мне альбом, своеобразную летопись этого техникума.

Я листаю ее страницы, и вдруг одна из фотографий кажется мне знакомой. Точно, я ее уже видел...

**НА ВЕРТИКАЛЬНОМ
 ФОТОАППАРАТЕ
 ПЕРЕСНИМАЮТСЯ ОРИГИНАЛЫ
 ДЛЯ ПОСЛЕДУЮЩЕГО МОНТАЖА.**

Лет пятнадцать назад в одной из районных типографий произошла у меня примечательная встреча. Вернее, это я сейчас говорю примечательная, а в ту пору не придавал ей особого значения.

Типография была, каких тысячи в небольших российских городках: не блистала она техникой, современными интерьерами — двухэтажный деревянный дом прочно врос в землю, словно дерево. Широкий типографский двор, густо покрытый невысокой северной травой, несколько тонких деревьев да

**В ЦЕХАХ УПМ РЕБЯТА
 ДЕЛАЮТ ПЕРВЫЕ ШАГИ
 НА СЛОЖНОМ ПУТИ
 КНИГОПЕЧАТАНИЯ.**

низкое белесое небо — вот и весь пейзаж. И все же чем-то уютным, домашним веяло от него. А чуть позже я убедился, что и отношения в рабочем коллективе тоже под стать природе — неторопливые, согретые доброжелательностью и радушием. Не было здесь излишней суеты, нервозности, свойственных порой большим предприятиям, а дело между тем шло прототлично — коллектив типографии считался одним из лучших в области.

В райкоме партии мне сказали: директору спасибо, отличный организатор, специалист крепкий и человек душевный...

В крошечном кабинете, где в углу стояло почетное Красное знамя, а стены были увешаны грамотами и дипломами, я увидел пожелтевшую от времени фотографию. В объектив напряженно смотрели парни и девчата в сатиновых косоворотках, ситцевых блузах. Были здесь люди и постарше: в гимнастерках, френчах, кожаных куртках...

Внизу на фотографии значилось: «Первый выпуск Московского полиграфтехникума. 1932 год».

ЛЮДА КОНСТАНТИНОВА — БУДУЩИЙ ТЕХНОЛОГ ПЛОСКОЙ ПЕЧАТИ. А СЕГОДНЯ ОНА ОТЛИЧНО УЧИТСЯ НА ТРЕТЬЕМ КУРСЕ МИПТА И АКТИВНО РАБОТАЕТ В СТУДЕНЧЕСКОМ ПРОФСОЮЗНОМ КОМИТЕТЕ.

— Не узнаете меня здесь? — спросил директор. — Впрочем, столько времени прошло!

...И вот нынче я смотрю на это же самое фото, вклеенное в огромный красочный альбом. Скуластый, чубатый парень глядит, чуть улыбаясь.

В 1929 году по Постановлению Совнаркома Российской Федерации в нашей стране был создан первый полиграфический техникум.

Семьдесят человек, имея мандаты направления, приехали сюда, в центр Москвы. Многие из них впервые попали в столицу. Ошеломленные, счастливые, они стояли в этом небольшом узком переулке, соединяющем Петровский пассаж с Пушкинской, словно на пороге новой, загадочной жизни.

Вчерашние типографские рабочие, печатники, фабзайцы, рабфаковцы, они пришли учиться в первый советский полиграфический техникум.

Их встретили педагоги, мастера, опытнейшие печатники — полиграфисты во главе со старым большевиком, директором техникума Павлом Ивановичем Каруниным. Его речь была краткой:

— Вы — будущие красные печатники! Народу нужны красивые, умные книги. Отлично изданные, отлично напечатанные. Они станут друзьями человека, он возьмет их в руки бережно, с любовью.

Научиться выпускать, делать именно такие книги — вот в чем ваша задача, ваш долг...

Наказ первого директора действен и поныне. Его вспоминали ветераны отечественной полиграфии, собравшиеся в прошлом году на «золотой юбилей» родного техникума. Наказ этот — своеобразный камертон и в жизни, учебе сегодняшних юных «красных печатников» из Дмитровского переулка.

За пятьдесят лет техникум выпустил более восемнадцати тысяч специалистов. В 1932 году его первые выпускники — шестьдесят дипломированных техников — стали ударным отрядом молодой советской полиграфии. Сегодня же на трех отделениях МИПТА занимаются свыше трех тысяч студентов. У техникума есть свои филиалы в типографиях издательства «Правда» и «Молодая гвардия». Открыты учебно-консультационные пункты в Краснодаре, Перми и Ростове-на-Дону.

Только в этом году около восьмисот парней и девчат получили дипломы

Московского издательско-полиграфического техникума по восьми специальностям. Нынче не найти в Москве типографии, издательства, где бы не работали выпускники МИПТА. Самые знатные полиграфисты страны — Герои Социалистического Труда Е. Е. Акиншин и Н. Н. Забелина — тоже учились здесь, в Дмитровском переулке.

— Техникум — это моя молодость, это самые светлые дни, — вспоминает Наталья Николаевна Забелина. — Учиться было трудновато. Порой над книгами до полуночи засиживалась. И бросать уж учебу собиралась: думала — не выдюжу. Спасибо преподавателям, мастерам — помогли сомнения перебороть, помогли силу в себе найти. С той, учебной поры, техникум для меня, как свой дом...

И не гостем приходит нынче в этот дом Забелина. Для всего коллектива, для студентов, мастеров, педагогов она добрый советчик и помощник. Немало ребят учатся у знатной печатницы мастерству. И для каждого есть у нее в запасе «золотое» слово — слово наставника и старшего друга.

Кто же нынче учится в этом техникуме? (В скобках отметим, поступить сюда, пожалуй, сложнее, чем в иной институт: восемь — девять человек претендуют на одно место!) Те, кто закончил восемь классов, учатся на технологов офсетной, высокой и глубокой печати. Их будущие места работы — цеха типографий, книгопечатных фабрик, лаборатории ВНИИ «Полиграфмаш». Ребята, поступившие в техникум с аттестатом зрелости, получают здесь специальности корректора, технического редактора, плановика полиграфического производства. В крупнейшей издательстве страны распределяются они после защиты диплома.

Техникум московский. Но учатся в нем парни и девушки из области, да и из других городов есть студенты. К сожалению, не всех желающих может принять МИПТ. И дело тут не только в высоком конкурсе, но и в том, что старшей техникум нашей полиграфии не имеет достаточно благоустроенного общежития. Аудитории его, классы, производственные мастерские ютятся, считай, по всей Москве. В Дмитровском — основное здание, которое, наверное, вдвое старше самого техникума. А семьдесят процентов необходимой техникуму учебно-производственной площади МИПТ арендует. (Но мне сказали: это временно. Уже заканчивается

изготовление всевозможных клише, фоторепродукции, печать, брошюровочные работы...

Будущие техники-технологи офсетной, высокой и плоской печати, наборного производства и фотомеханических процессов, мастера брошюровочно-переплетных участков здесь, в УПМ, овладевают полиграфическим производством с азав.

И разве это не заманчиво — самому набрать книгу, сверстать, отпечатать, сброшюровать, переплести и на обложке — «золотым тиснением» — вывести замысловатый вензель!

— Когда я впервые набрала на линолите текст, когда увидела, как слова, отпечатанные на машинке, превращаются в металлическую строку, то поняла — это чудо!

Гая Пересветова учится нынче уже на четвертом курсе. Преддипломную практику проходит в наборном цехе типографии «Правда». Позади и первые шаги в УПМ и практика на «Красном пролетарии», есть в активе дипломицы и «собственные» издания. Но на всю жизнь останется в памяти день, когда она впервые села за строкоотливную машину.

В УПМ студенты техникума не только учатся работать на полиграфических машинах, не только знакомятся с технологией «рождения» книги, но и выполняют важные, серьезные заказы. Книги, вышедшие из учебно-производственных мастерских МИПТА, награждены дипломами всесоюзных и международных выставок. Они экспонируются на ВДНХ. Золотыми, серебряными и бронзовыми медалями самой почетной выставки страны отмечены работы студентов из Дмитровского переулка. И среди них — миниатюрное издание книг, посвященных 60-летию ВЛКСМ: В. И. Ленин, «Задачи союзов молодежи», М. И. Калинин, «О воспитании и обучении», Н. К. Крупская, «О коммунистическом воспитании», Конституция СССР.

В содружестве со своими шефами, издательством «Молодая гвардия», МИПТ недавно выпустил в свет оригинальные мини-сборники стихов «Комсомольский билет», «Люблю!», «Красная площадь»...

— Смотрите... — заместитель директора Борис Николаевич Рожнин развернул передо мной широкие ватманские листы. — Это завтрашний день техникума.

Взметнулось к небу шестнадцатизэтажное здание общежития, четкими контурами, сверкая под солнечными лучами стеклом и металлом, рисуются на голубом фоне корпуса — учебный и производственный. Привольно раскинулся за общежитием спортивный комплекс — спортзал, стадион, бассейн.

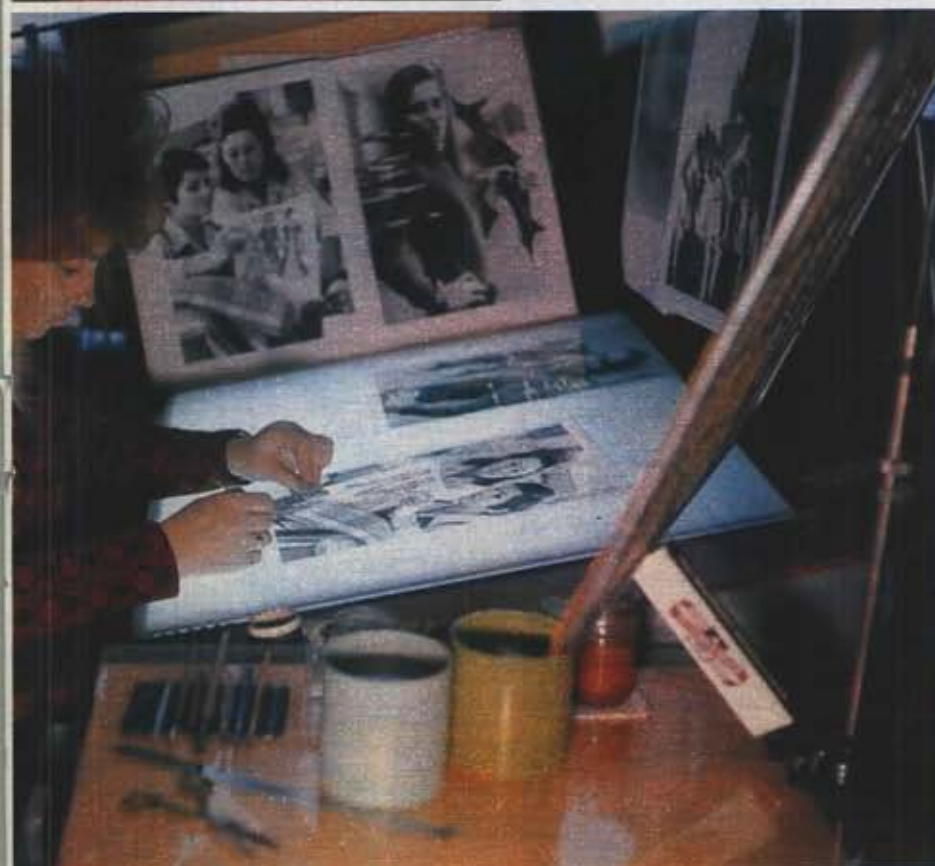
— Мы строимся возле платформы «Северянин», — говорит Рожнин. — Уже готов учебный корпус, заканчивается производственный, в котором будут установлены самые современные полиграфические машины.

Да, сегодня на тех площадях, что хватало с избытком полвека назад, техникуму никак не разместиться. Тесны стали прежние «одежки», а новые — кроются пока что, шьются...

Но если не подведут строители, через полтора — два года МИПТ справит новоселье. Издательско-полиграфический техникум, получив новые корпуса, оборудование, станет самым крупным средним учебным заведением в системе Госкомиздата СССР. Студенты будут иметь все, чем славится нынче отечественная полиграфия.

Гляжу на старую фотографию, на первых питомцев этого техникума. А рядом другое фото — сорок восьмой выпуск «красных печатников». Почти полвека разделяет их...

Впрочем, нет, не разделяет! Я вижу те же улыбающиеся молодые лица, ясные глаза. На меня смотрят «красные печатники» из Дмитровского переулка.

И ВОТ ДИПЛОМНЫЙ ПРОЕКТ ГОТОВ.

ИДЕТ МОНТАЖ НЕГАТИВОВ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ ФОРМ ПЛОСКОЙ ПЕЧАТИ.

строительство нового здания техникума. Современного, эlegantного, удобного.)

Можно смело сказать: МИПТ — это издательство в миниатюре, где, в сущности, сосредоточены все технические процессы книгоиздания: подготовка рукописи к печати и само книгопечатание. Учебно-производственные мастерские техникума — УПМ — позволяют ребятам пройти технологические ступени большой полиграфии: набор, верстка,

ЗЕМЛЯ БАМА НА РОДИНЕ ИЛЬИЧА

«Пусть земля БАМа ляжет рядом со священной землей Москвы, Сталинграда, Курска, как символ связи боевого и трудового подвигов молодежи разных поколений, как клятва верности делу Ленина». Эти слова выгравированы на капсуле, с землей с Северомуйского хребта, под которым сооружается самый сложный и длинный тоннель магистрали.

Комсомольцы автобазы управления «БАМтоннельстрой» отправили капсулу на родину Владимира Ильича Ленина, в Ульяновск, где уже покоится земля с героических мест Великой Отечественной войны.

А почетное право заполнить капсулу было предоставлено бригадирю лучшего комсомольско-молодежного коллектива В. Авхименеву.

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

ШЕЛОНЬ РАСКРЫЛА ТАЙНУ

В наш век открытий людей мало чем удивишь. Однако раскопки, в которых участвовали студенты исторического факультета Новгородского педагогического института, привлекут внимание знатоков и любителей археологии.

Группа искателей, руководимая профессором истории Сергеем Николаевичем Орловым, обнаружила крепость времен Александра Невского. Раскопки велись у речек Шелонь и Боровенка, поблизости от деревни Городок.

Еще в первой новгородской летописи было упоминание о том, что «в 1239 году князь Александр срубил городцы по Шелоне». Здесь, на древнем перекрестке торговых путей «из варяг в греки», сторожевой пост был особенно необходим. Мудрый и прозорливый полководец и политик, Александр

Невский решил именно тут возвести крепость, которая стерегла княжество от набегов воинственных западных соседей.

В ходе раскопок были найдены обломки керамики с орнаментом, остатки глиняной посуды, наконечники стрел, рыболовные крючки, остроги, железный топор, бронзовые пряжки и браслеты, чашечки от весов.

Судя по найденным предметам, в крепости жили воины-дружинники. Постройки крепости, к сожалению, не сохранились: они уничтожены пожарами.

Сейчас археологи исследуют Рюриково городище — в двух километрах от Новгорода, у моста через реку Волхов. По всей видимости, здесь Александр Невский провел свое детство.

Валерий ПЛЕШАКОВ

УВЛЕЧЕНИЯ

Романтики пятого океана

Успешно прошли испытания первого отечественного учебно-тренировочного дельтаплана «Славутич-УТ». Сейчас он уже запущен в серийное производство.

Скоро наши дельтапланеристы смогут в клубах и секциях сами оценить его летно-технические качества.

Виктор ТУРЬЯН.
Фото Анатолия КОВЕЛЯ.

КУШАЙТЕ НА ЗДОРОВЬЕ!

СЫР-РЕКОРДСМЕН

Издавна костромская земля знаменита мастерами-сыроделами.

И отнюдь не случайно в этих краях получался отличный сыр: травы на лугах, лесных полянах богатые, сочные, сено из них душистое. Коровы от таких кормов давали необыкновенно вкусное, ароматное, жирное молоко.

Более ста лет назад в этих местах началось и промышленное производство сыра. Его родиной стала небольшая деревня, которая сейчас находится на территории Сусанинского района. Крошечный заводик давал в год 400 килограммов продукции.

Ныне сыроваренное предприятие села Сусанино выпускает ежегодно 400—500 тонн сыра — костромского, пошехонского и сусанинского...

Прежде чем молоку превратиться в маслянистые желтые кирпичи и круглые головки, над ним колдуют мастера: его пастеризуют, охлаждают, добавляют всевозможные компоненты, доводят до сгустки. Потом масса разрезается. И сыр начинает зреть. Это, пожалуй, самый длительный процесс в его производстве, занимающий для отдельных сортов 50—60 дней.

Но вот на Сусанинском заводе решили создать такой сыр, срок созревания которого сократился бы в несколько раз. В этом поиске заводчанам помогли ученые. И вот результат — срок созревания нового сорта 10—12 дней при хороших вкусовых качествах. Его назвали сусанинским. Но стал он среди сыров рекордсменом не только по скороспелости, но и по аромату.

Игорь КОНСТАНТИНОВ

Вторая жизнь литературного героя

Пакетовоз «Павел Корчагин» — первое судно Министерства морского флота СССР, названное именем литературного героя. На воду его спустили судостроители Выборга.

Думается, что это судно положит начало доброй традиции — давать вторую жизнь героям любимых книг.

Фото Юрия БЕРЕЗОВСКОГО

ПРОЕКТЫ

В чем ошибался Эдисон...

— У переменного тока нет будущего! Кто с ним возится, только теряет время!

Кто это сказал? Невежда? Недоучка? Нет, эти слова принадлежат гениальному изобретателю Томасу Эдисону.

Это он внес на рассмотрение сената штата Виргиния законопроект, запрещающий пользоваться переменным током. Это он развернул яростную кампанию против внедрения этого тока.

И все же Эдисон проиграл. Переменный ток нашел себе широчайшее применение. Сегодня почти все линии электропередач в мире — на переменном токе, потому что он легко трансформируется в любое напряжение.

Действительно, у переменного тока скверный «нрав». Например, протекая по проводам, он частично самым настоящим образом улетучивается. ЛЭП длиной свыше 1000 километров становится экономически невыгодной — в ней столько теряется энергии, что проще уголь, сжигаемый в котлах тепловых станций, перевозить в железнодорожных вагонах. И тем не менее линии переменного тока строят. Более того, постоянно повышают напряжение (это неизбежный процесс, вызванный резким

повышением передаваемых энергопотенциалов). Вслед за знаменитыми «непростыми линиями» ЛЭП-500 в десятой пятилетке вступили в строй ЛЭП-750.

Быстрый рост потребления энергии в европейской части страны и трудности повышения ее выработки за счет местных ресурсов заставляют нас обратиться к энергетическим богатствам Центральной Сибири и Северного Казахстана. А помогут этому новые магистральные ЛЭП сверхвысокого напряжения.

На уникальной подмосковной испытательной электростанции Белый Раст идет «обкатка» ЛЭП. Ученые решают одну из главных проблем, связанных с этими линиями, — снижение потерь электроэнергии при транспортировке. Аprobируются опытные участки ЛЭП, ведутся эксперименты на мощном испытательном стенде по проверке силового оборудования, устройств управления и автоматики в реальных условиях. В общем, здесь будущие линии электропередач проходят хорошую «выучку».

Скоро этим линиям Белый Раст даст свое «добро». А пока на будущих сверхмагистральных идет подготовка трасс.

Леонид МЫСЛИВЦЕВ

Поселок на сваях

Гасан-Кули — небольшой поселок. Стоит он на берегу Каспийского моря. Что ни дом в поселке, то непременно на сваях. Дело в том, что не так давно, во время сильных приливов и штормов, волны, пенясь, раскалывались по улицам Гасан-Кули. Вот и приходилось людям прибегать к необычной архитектуре — строить дома «на ногах».

У всех гасан-кулийских домов свои подземные бетонированные бассейны. Мало в этих местах пресной воды, люди и соорудили своеобразный водопровод: поэтому трубы от бассейна идут на крышу дома. А во время осадков (они бывают чаще зимой) вода стекает с крыши в бассейн. Там ее собирают и хранят.

Погодив по Гасан-Кули, нетрудно определить занятие жителей поселка. У каждого дома на верандах вьются золотистая рыба, то там, то здесь развешены сети, на солнце проветриваются разноцветные ажурные ковры. Большинство мужчин поселка рыбаки, женщины — ковровщицы.

А недавно в пейзаж Гасан-Кули внеслись геологические буровые вышки. Близ поселка ведут разведку нефти. Может быть, очень скоро в Гасан-Кули рядом с рыбаками и ковровщицами будут жить и нефтяники.

Игорь СЕРГЕЕВ

А
ЧТО
У ВАС?

ПЛАЗМЕННЫЙ... БУТЕРБРОД

О дисплее сегодня уже слышали многие. Это устройство, представляющее собой гибриды телевизора с пишущей машинкой, предназначено для более удобного контакта человека с ЭВМ. С помощью клавиатуры дисплея можно быстро отстучать в машину запрос, и она тотчас же ответит: высветит нужную информацию на телеэкране.

Но вот беда, на примере домашнего телевизора мы знаем, что изображение на экране порой мигает, сбивается от случайных помех, обладает большой зернистостью... Все это во многом мешает работе оператора ЭВМ, из-

лишнее утомляет его. Вот поэтому группа студентов Рязанского радиотехнического института в своем конструкторском бюро решила вообще обойтись без электронно-лучевой трубки. Информация высветивается на поверхности плазменной, или, как ее еще называют, газозарядной, панели.

— Панель устроена так, — рассказывает один из участников работ, студент радиотехнического факультета Виктор Голофастов. — Представьте себе три плоские стеклянные пластины, склеенные словно бутерброд. На передней и задней панелях методом напыления наносится ряды прозрачных параллельных электродов...

Каждый такой электрод представляет собой тоненькую пленочку, скажем, из олова, индия или другого проводящего материала. На одной панели, являющейся анодом, такие электроды нанесены вертикально, на другой, катодной, — горизонтально. Стеклянная же панель между анодом и

катодом ичешная. Каждая из множества ее крошечных, как игольный прокол, ичеек наполнена инертным газом. Если приложить электрическое напряжение между какими-нибудь анодным и катодным электродами, то в ячейке, лежащей на перекрестке, возникает тлеющий разряд, примерно такой же, как в лампе дневного света. То есть, говоря другими словами, на экроне появляется светлая точка.

Чередую при помощи электронной системы управления светлые и темные точки в определенном порядке, можно получить ту или иную запись. Такое изображение и более устойчиво и более контрастно. А сам индикатор получается сравнительно небольших размеров — чуть побольше транзисторного приемника.

Пока на индикаторе рязанцев можно регистрировать лишь цифры и буквы, но подобный метод создания изображения очень перспективен. В будущем на его основе можно ожидать появле-

А ЧТО
У
ВАС?

ния больших плоских панно, которые, вероятно, заменят в наших квартирах в общем-то громоздкие ящики современных телевизоров.

Олег СЛАВИКОВ

Слово мудрости народной...

Учитель Р. Исхаков из наманганского кишлака Парамон — поэт, автор нескольких сборников. Поэтому вполне понятно его увлечение народным словесным творчеством. Недавно он представил в Институт рукописей Академии наук Узбекской ССР уникальное собрание из десяти тысяч пословиц и поговорок и шестисот народных песен, которые до сей поры были неизвестны ученым-исследователям.

Собирая эту необычную коллекцию, Исхаков исходил все селения Ферганской долины, побывал в сотнях домов, беседовал с тысячами старожил.

Фольклором Р. Исхаков увлекся еще в студенческую пору. А когда вернулся в свой кишлак, в родную школу, уже преподавателем, всерьез занялся собиранием народной мудрости.

Сейчас учитель, поэт, фольклорист завершает фундаментальный труд «Поэтика узбекской народной песни».

ДЕРЕВЯННОЕ ЗОДЧЕСТВО

«Рубить, как мера и красота скажут» — такую заповедь сохранил один из древнейших документов-обязательств, которые принимали строители земли русской. Воплощенная в дерево, эта красота влечет сейчас людей и на дальний Север и в Сибирь, в Новгород и Кострому. В разных краях России созданы теперь заповедники деревянного зодчества.

А Москва дала возможность познакомиться с этими шедеврами, не совершая дальних путешествий. Для этого надо было отправиться лишь на проспект Калинина в музей имени Шусева. Там организовали новую экспозицию — «Русское деревянное зодчество». Конечно, выставка не может дать ту полноту ощущений, которую испытывает человек, увидя воочию Кижский погост или старинную сибирскую деревню на берегу реки. Но одно несомненно — экспозиция дает поразительную картину многообразия и размаха, которого достигло деревянное зодчество в разных уголках нашей республики.

Среди экспонатов — первые свидетельства нелегкого труда строителей: на миниатюрах из рукописных книг древнейшие изображения русских мастеров за работой. Старинные гравюры дают панорамы первых деревянных городов Сибири.

На выставке увидите и то, что навсегда утрачено: дерево ведь не камень, прочность его невелика, упустишь время, и безвозвратно погибнет то, что, может быть, еще несколько лет назад стояло среди лесов и полей. Макеты, выполненные прекрасным мастером своего дела Владимиром Ивановичем Садовниковым (а маке-

тировал он по старым, сохранившимся рисункам, описаниям современников), знакомят посетителей с уже исчезнувшими с лица земли постройками.

Но не только сооружения прошлых веков представлены на выставке. Иногда, наверное, камень не заменит сельскому жителю теплую и душистую древесину.

Последний зал выставки, где представлены деревянные постройки современных зодчих, свидетельствует о преемственности традиций, о вечной красоте и силе, которыми обладает самый первый строительный материал на Руси — дерево.

Мария БОГДАНОВА
Фото Эдуарда ЖИГАЙЛОВА

ВЫСТАВКИ

Врач на крыльях

В Москве недавно закончила свою работу вторая международная специализированная выставка «Здравоохранение-80». Пожалуй, одним из наиболее обширных ее разделов был транспортный. Санитарные вертолеты и самолеты, автомобили службы реанимации, аэросани и вездеходы — все эти и многие другие средства транспорта поставлены на службу охраны здоровья человека. В любую погоду, через самое что ни на есть бездорожье они могут в кратчайший срок доставить больного в клинику, обеспечить оказание свое-

временной и квалифицированной медицинской помощи.

Вот что, к примеру, рассказал об одном из таких транспортных средств представитель конструкторского бюро имени А. Н. Туполева инженер Николай Перепелица:

— «Амфибия А-3», которую вы видите, представляет собой серийный образец, выпускаемый советской промышленностью. Мощный 360-сильный мотор приводит в движение пропеллер, а зимой амфибия, как аэросани, легко скользит по снегу и льду, развивая скорость до 100 километров в час. Поскольку кузов этого транспортного средства герметичен, летом аэросани безо всякой переделки превращаются в глассер, могущий пройти даже по мелко-водью и перекатам. Скорость движения по воде — до 76 километров в час...

Как показал патентный поиск, подобных транспортных средств нет больше нигде в мире.

На снимке:
санитарный вертолет К-26.

Станислав СЛАВИН
Фото автора

НАМ ПИШУТ...

ВРАГ — ДРУГУ?!

...Родился я и вырос в тайге. Тайга в суровое военное время была для нас и домом и столом обеденным. А кроме того, и врачевала нас — немало лечебных трав растет в ней. Это неверно, что человеку в тайге страшно. Доброму да чуткому она распахивает свои просторы, открывает дороги к кладовым.

Детство давно минуло, но я и сейчас живу в тайге (вернулся сюда после службы в армии, после работы в Средней Азии), в Кемеровской области. Вокруг — красота, приволье! И так обидно, когда на эту красоту поднимается рука с топором...

Меня тронула за живое статья заместителя министра лесного хозяйства РСФСР Р. Боброва «Лесные классы», напечатанная в «Смене». Очень своевременно, остро и принципиально говорит он о защите природы. Но вот здесь, в поселке Тутуяс, я увидел неправдоподобное: те, кто призван охранять лес, сами его губят.

Помню, как дорожили каждым кусочком дерева, каждой зеленой веточкой в Средней Азии. А тут — деревья вырубаются не глядя, походя — лишь бы выполнить план по черенкам для лопат и метелкам. Директор Мыскинского лесхоза и главный лесничий, конечно же, знакомы с технологией плаомерных вырубок и безотходных разработок лесных угодий. Но знания свои на практике почему-то не применяют.

Может быть, это письмо затронет их души: ведь человек не должен быть врагом своему лучшему другу — Природе.

С уважением,
Александр ЧЕБАКОВ
Кемеровская область, г. Мыски

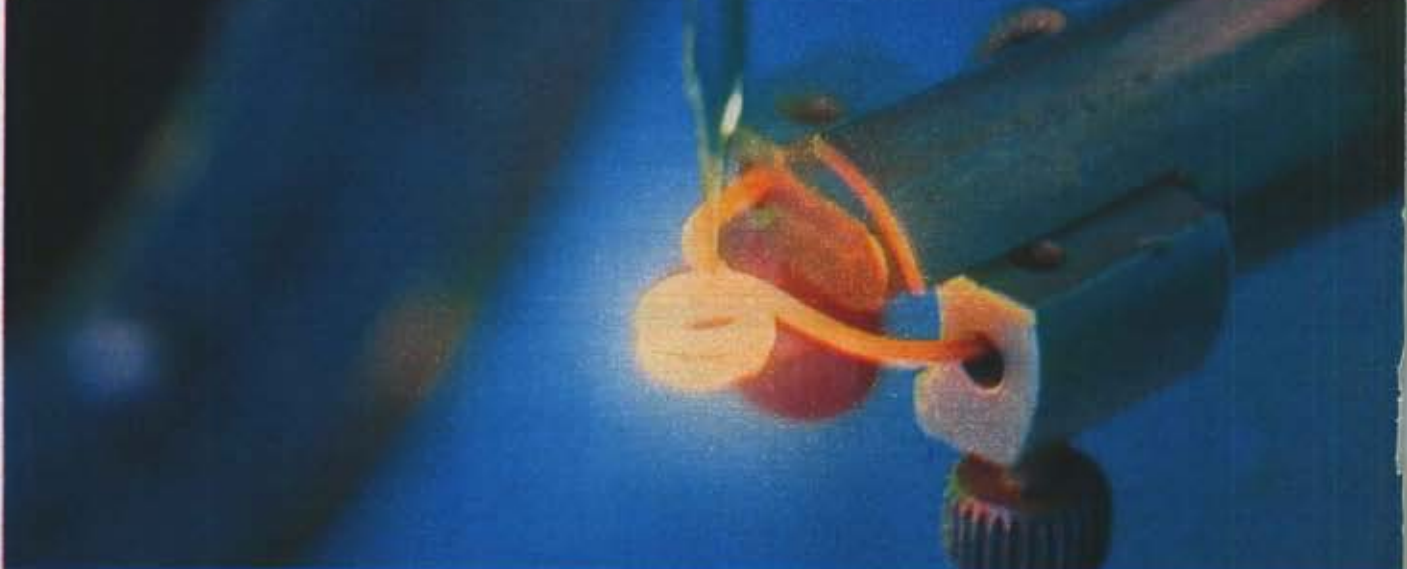
Репортаж
об интересном

КАК СДЕЛАТЬ УЖОЛ МИКРО

Станислав НИКОЛАЕВ,
инженер
Фото Юрия УСТИНОВА

Выпад был столь стремителен, что я, честно говоря, его попросту прозевал. Только приглядевшись, понял: дело сделано. Игла микроинъектора проникла сквозь оболочку клетки.
— Чистая работа!

**В РАСПОРЯЖЕНИИ УЧЕНЫХ
ЕСТЬ МАСТЕРСКАЯ,
ГДЕ ОНИ МОГУТ ИЗГОТОВИТЬ
МИНИАТЮРНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.**

— А иначе у нас и нельзя, — улыбнулся мой собеседник, главный инженер специализированного конструкторского бюро биологического приборостроения Анатолий Матвеевич Хохлов.

Аппаратура, разработанная конструкторами СКБ совместно с учеными Института биологической физики АН СССР, предназначена для операций... на живой клетке!

Чтобы наглядно представить «плацдарм» действий специалистов, скажу: средний размер клетки раз в сто меньше диаметра человеческого волоса. А чтобы проникнуть в нее, нужны, стало быть, еще более тонкие, тончайшие инструменты, ювелирная методика работы.

Еще лет десять назад биологи в своих исследованиях использовали лишь два инструмента: микроскоп и иглу. Ну и, конечно, собственные глаза и руки, умудренные опытом многолетних неудач. Именно многолетних. Только для того, чтобы набить руку, освоить навыки работы с клеткой, биологам приходилось действительно затратить не сколько лет труда. А уж терпения при этом расходовалось!..

Конечно, такое положение дел никого не устраивало. С ним приходилось мириться лишь потому, что техника до недавнего времени попросту не обладала средствами механизации, а тем более автоматизации операций такого класса.

Но прошло время, и вот передо мной комплекс из пяти приборов, каждый из

которых может быть использован и как самостоятельный аппарат. Все они предназначены для проведения микрохирургических и микроэлектродных исследований клеток и тканей. С их помощью познаются не только глубинные тайны жизни, но и создаются условия для устранения тех или иных ошибок, допущенных природой.

Каждая работа, как известно, начинается с изготовления необходимого инструмента. И вот в комплексе предусмотрена стеклодувная мини-мастерская, с помощью которой каждый исследователь может подготовить все необходимые ему инструменты и приспособления. Делаются они обычно из стекла, поскольку именно этот материал наиболее удовлетворяет предъявляемым требованиям: он тверд, прозрачен, легко стерилизуется, позволяет вытягивать тончайшие нити и трубочки...

Итак, за дело. Для того, чтобы подготовить необходимые заготовки, нам вовсе не придется осваивать все тонкости стеклодувного ремесла. Надо лишь ввести программу да нажать кнопку. И дальше все пойдет, как в сказке, само собой. За считанные минуты аппарат размягчит стекло, вытянет из него трубочки необходимой длины и диаметра, обрежет их и сложит аккуратной стопочкой.

Теперь нам нужно сделать из заготовок микрохирургические инструменты. Из стеклодувов перекавалифицируемся в кузнецов. Это ничего, что «кузница»

вовне свободно умещается на лабораторном столе. Под оком микроскопа, на крошечной наковаленке, уже после небольшой тренировки каждый желающий, словно заправский Левша, выкует миниатюрные иглы, крючки, скальпели — словом, все необходимое для операций на клетке.

Но вот инструменты готовы: можно еще раз сменить профессию. Теперь нам предстоит оперировать клетку-невидимку. Должен, однако, предупредить: хотя мы и вооружились необходимым инструментом, задача эта не из легких. Для начала нам придется стать детективами и подыскать подходящую для эксперимента клетку.

Какая именно клетка нужна? Это зависит от вида и характера проводимого опыта. Одних ученых интересуют законы обмена веществ, других — коды наследственности, третьих — тайны памяти...

Квадрат за квадратом внимательно осматривает исследователь район поиска. И в этом помогает ему техника: столик микроскопа, на котором лежит покровное стеклышко, при помощи микрометрических винтов может перемещаться на доли миллиметра в ту или иную сторону.

Но вот, наконец, нужная клетка обнаружена. Теперь надо изолировать ее от сотен подобных, перенести на чистую часть покровного стекла. И снова на помощь исследователю приходят надежные помощники — микроманипуляторы.

До того, как я побывал в Пушине, мои познания о манипуляторах были вполне традиционными. Манипулятор — это набор металлических штанг, шарнирно скрепленных между собой. С одной стороны они, эти штанги, имеют рукоятки для управления, с другой — захваты и приспособления для необходимых операций. Словом, это простейшие роботы — усилители и удлинители человеческих рук.

Но, оказывается, манипуляторы еще способны в сто и даже в тысячу раз уменьшать размах движения человеческой руки, одновременно во столько же раз повышая их точность. В СКБ созданы микроманипуляторы, прямое назначение которых — помогать биологам вести операции на отдельной клетке, делать уколы-инъекции микробам и бактериям!

А между тем сотрудники конструкторского бюро не видели в своей разработке ничего удивительного. Разговаривал ли я с Владиславом Тимофеевичем Суриковым, подходил ли к Юрию Алексеевичу Попову или к Вениамину Ивановичу Решетникову, каждый из них отвечал на мои вопросы примерно одно и то же:

— Ну что вы! Обыкновенная работа. Сначала сделали ориентировочный проект, потом его уточнили. Теперь ведем совершенствование получившихся конструкций...

Между тем удивляться здесь есть чему. Впрочем, попробую рассказать все по порядку.

АТТЬ ОБЪ

С помощью таких манипуляторов биологи обычно вводят в клетку различного рода микродатчики. Такие датчики должны часами, даже сутками сохранять одно и то же положение, передавая на самописцы информацию о процессах, протекающих в клетке.

Но вот микробиологу понадобилось разобрать клетку на части, чтобы выяснить ее устройство. Тут в помощники ему нужны устройства динамичные: быстрые, сразу реагирующие на каждое движение. Для этого созданы пневматические и гидравлические микроманипуляторы. Когда экспериментатор двигает рукой рычаг, тем самым приводится в движение поршень пневматического или гидравлического цилиндра. Давление газа или жидкости под поршнем меняется. Это изменение передается по воздушному или гидравлическому шлангу к мембране — поллой коробочке из тонкой жести, примерно такой же, как в барометре-анероиде. Мембрана связана с рабочим органом манипулятора. Как только начинает меняться ее объем, тотчас приходит в движение инструмент.

Но больше всего мне понравился электрический манипулятор. Уж очень оригинальное, красивое решение нашли конструкторы. Они использовали пьезокристаллы. Ну да, те самые, которые применяются в электропроигрыва-

телях для преобразования механических колебаний иглы, бегущей по бороздкам граммофонной пластинки, в электрический сигнал, который подается в усилитель, а затем и в динамик.

В микроманипуляторе это свойство пьезокристаллов как бы вывернуто наизнанку: для преобразования электрического сигнала в механическое перемещение. Чтобы микроперемещения были точно дозированы, две пьезоэлектрические пластинки склеивают вместе — получается биморфный блок. Если теперь на одну из пластинок подать «плюс» электрического напряжения, а на другую «минус» — блок изогнется, например, вправо. Поменяем полярность управляющих сигналов — получим микроперемещение в противоположном направлении. Амплитуда этого перемещения зависит от величины напряжения, которое, в свою очередь, определяется размахом движения руки экспериментатора, передвигающего рычажок реостата.

Каждый из трех биморфных блоков отвечает за перемещение по своей координате. Чувствительность микроманипулятора исследователь может отрегулировать по своему вкусу, в зависимости от требований выполняемой работы.

...Глядя в микроскоп, я попробовал самостоятельно управлять микроманипулятором. И убедился, что задача это не такая уж сложная. Пожалуй, я бы даже смог сам сделать укол какому-нибудь микробу — вживить в его оболочку трубочку микроэлектрода.

Раз — и готово! Потому что конструкторы как раз для этой операции предусмотрели специальное приспособление: нажимаешь кнопку, и электрический манипулятор, словно заправский фехтовальщик, делает неуловимо быстрый выпад острым кончиком пипетки-микробиоинъектора.

Точность же работы микроманипуля-

тора такова, что с его помощью можно сделать надпись в несколько строчек на волоске или на лапке мухи.

Приборами первой необходимости называл микроманипуляторы научный руководитель разработки, профессор Борис Николаевич Вепринцев. И добавил: «И первая модификация комплекта микроманипуляторов КМ-1 и вторая — КМ-2 во многом способны облегчить работу не только микробиологов, но и медиков, генетиков, специалистов по микроэлектронике... Словом, всех, кто имеет дело с миниатюрными телами и предметами».

...Но вот операция сделана. В стенку клетки вживлены стеклянные трубочки — микроэлектроды. Их кончики настолько тонки, что их удается разглядеть только при самом большом увеличении микроскопа.

Начался опыт. Чтобы он прошел успешно, надо постоянно следить за самочувствием подопытной клетки, точно и быстро оценивать ее реакцию на введение тех или иных веществ. Эту задачу конструкторы возложили на «АКСОН». Прибор этот, по сути дела, представляет собой автоматическую станцию скорой помощи. Ее устройства срабатывают по первому же сигналу клетки. Состояние «пациентки» контролируют осциллографы и самописцы, фиксирующие все основные параметры.

«Пожелания» подопытной клетки тотчас передаются в кибернетический «мозг», который своевременно включает устройство для микроинъекций, микроорганизм сразу получает необходимое ему лекарство.

А если потребуются срочное оперативное вмешательство и надо удалить из клетки вредные вещества или, скажем, сделать пересадку ядра — эти операции проводятся вновь при помощи микроманипуляторов.

...Вот так техника работает сегодня там, где еще вчера казалось ее применение невозможным. И как работает! Филигранно, быстро, безошибочно... Десятилетний труд ученых, конструкторов, инженеров, рабочих по достоинству оценен научной общественностью страны: авторский коллектив выдвинут на соискание Государственной премии 1980 года.

Спрос на устройства, разработанные специалистами СКБ, весьма велик. Приборами интересуются не только советские исследователи, но и ученые Польши, Болгарии, Чехословакии... Демонстрировавшиеся на выставках микроманипуляторы неизменно привлекали к себе внимание специалистов Югославии, Франции, ФРГ...

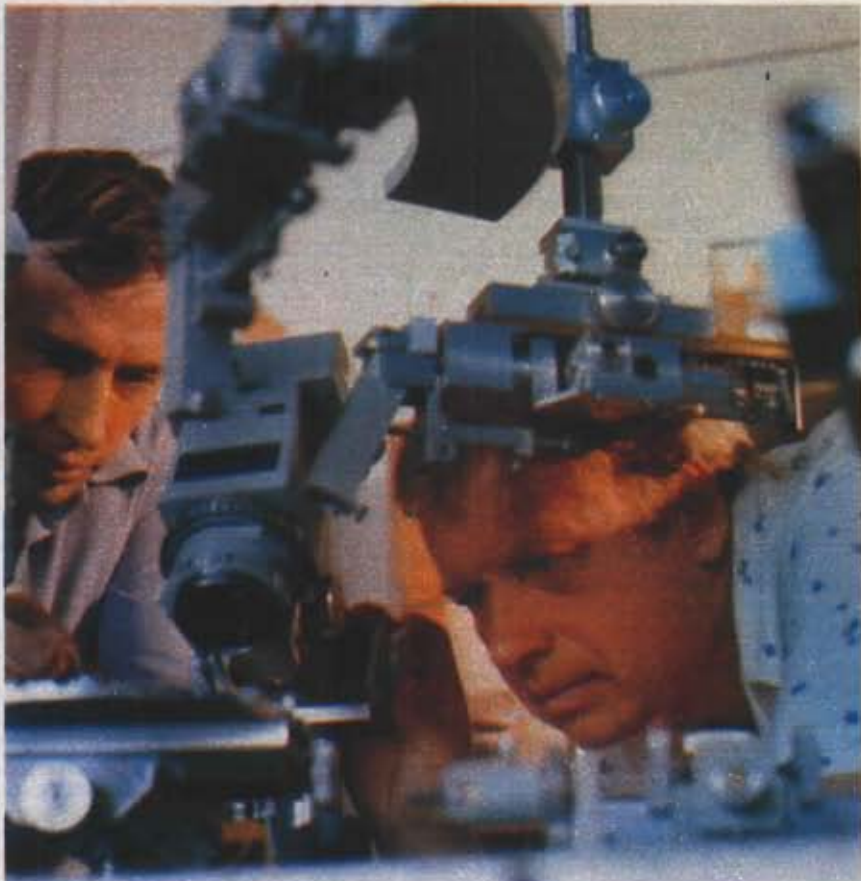
И такой интерес закономерен. Открытия современной науки проливают свет на сущность многих жизненных процессов. А жизнь, как известно, не может существовать сама по себе, она всегда связана с организмами. Любой же организм может считаться живым только в том случае, если он дышит и питается, растет и развивается... В свою очередь, все эти функции, характеризующие жизнь, не могут осуществляться независимо от клеток — основы жизни. Их структура и форма, особенности протекания тех или иных реакций — все это очень интересует ученых. Если мы поймем, как именно протекают эти процессы, научимся управлять ими, то это даст человечеству очень многое: спасение от болезней, сегодня неизлечимых, долгую плодотворную жизнь, а там, кто знает, возможно, даже вечную молодость...

Но прежде чем познать механизм действия любого устройства, надо изучить составляющие его детали, их соединения, последовательность сборки, вникнуть в суть сложной работы устройства. Именно с этой целью и исследуются биологами отдельные части и весь «механизм» в целом основы всего живого — клетки. И помогают им в этом умные приборы, созданные инженерами специализированного конструкторского бюро биологического приборостроения.

ВОТ КАК ВЫГЛЯДИТ ИНСТРУМЕНТ ПОД МИКРОСКОПОМ.

**МОЛОДЫЕ УЧЕНЫЕ
ЮРИЙ ПОПОВ
И ВЯЧЕСЛАВ ЛАРИН
ГОТОВЯТ ОБОРУДОВАНИЕ
ДЛЯ МИКРОИССЛЕДОВАНИЙ.**

ЖИВАЯ КЛЕТКА НА ОПЕРАЦИОННОМ СТОЛЕ (УВЕЛИЧЕНО В МИЛЛИОН РАЗ).

Микроманипуляторы делятся на два класса — статические и динамические. В статических манипуляторах движение руки преобразуется в микроперемещение поворотом микрометрических винтов. Подкрутил один винт — инструмент, зажатый в лапке манипулятора, в точном масштабе, например, 100:1, подвинулся на какие-то микроны вправо или влево. Повернул другой — инструмент на точно заданное расстояние подался вверх или вниз. Третий винт позволяет производить перемещения в глубину.

ЧЕРНАЯ КОЖАНИКА

ПОВЕСТЬ

Инизеро КРЕМАСКИ

Перевод с итальянского
Екатерины БОЧАРНИКОВОЙ

16

Анджела отрицательно качает головой, говорит: нет и нет. Мои руки сжимают ее запястья, она не защищается, повторяет одно:

- Я ничего не знаю.
- Где теперь пистолет?
- Я потеряла его недели две тому назад.
- Ты его сама купила?
- Подарок Стефано.

Нет смысла просить ее быть искренней, сознаться, что ее мучает совесть. Уж лучше угрозы.

- Ты умеешь стрелять, не так ли?

Мой вопрос не удивляет ее, она не протестует. Тихо и спокойно Анджела рассказывает, что несколько раз ездила за город и там Стефано учил ее стрелять по неподвижным целям, для нее это была забава.

— Как тебе кажется, не мог кто-то дать пистолет Бианке, чтобы направить улики против тебя?

- Кто, например?
- Любой из их шайки, хотя бы Стефано.
- Зачем ему надо было это делать? — Она помолчала, погрузившись в раздумье: — Думаешь, он хотел помочь Бианке? Понимаю. Пистолет мой, разрешение на ношение оружия на мое имя.
- А теперь открой мне свой ящик, — показываю на «косметичку», с которой она так упорно не хочет расставаться. — Покази, что в нем, или я сам загляну, выбирай.

- Что ты надеешься в нем найти?

— Кретинка, — ругаю ее сквозь зубы, — ты должна понять, что этот сундук может показаться подозрительным даже мальчишке, пасущему гусей.

- Что он может подозревать, этот мальчишка?
- Дай ключ, а не то я взломаю твой ящик.

Она умеет очаровывать и улыбаться, но ее внезапная улыбка обманчива. Откуда-то появляется крохотный золоченый ключик, она протягивает его мне, просит отпереть, не ломая замка.

Я потею и ругаюсь, ключик вошел в замок косо, и я долго не могу открыть, наконец мне это удается: поднимаю крышку. Вынимаю содержимое, расставляю на столе большие и маленькие бутылочки и флаконы: миндальное молоко для кожи, шампунь, карандаши для губ и для щек, кремы ночные и под пудру, черная краска для ресниц, одеколон и духи. Все необходимое для косметических процедур. И никакого двойного дна.

- Доволен?
- С ума сойти можно.
- А пистолет я потеряла.
- Разрешение на ношение оружия выдано тебе.

Не знаю, как ты сможешь выкрутиться.

Анджела воспринимает мои слова спокойно.

- И еще пятно на платье, которое ты сама отдала фельдфебелю.
- Это была не кровь.

— Установить будет нетрудно, достаточно немного реактива, который никогда не ошибается.

Анджела хочет выпить еще молока, я наливаю в стакан. Она объясняет мне невероятные перемещения пистолета.

— В марте я отдала пистолет Стефано, чтобы он сберег его для меня. Я боюсь держать оружие дома. Месяцем позже я подумала, что в нежилом здании он может пригодиться как мне, так и Сабине, и попросила Стефано вернуть мне его. С тех пор я держала его в ящике под полотенцами. И вот однажды я заметила, что его там нет. Я никому не говорила, что пистолет исчез.

— Можно потерять бумажник, зонтик, голову, но только не оружие.

— А я его потеряла, — пожимает плечами Анджела.

Надеваю форменный китель и смотрю на часы: надо поторапливаться, чтобы принять участие в операции лейтенанта Патта. Я должен указать патрулю дорогу к особнячку, в подвал, в игорный зал.

Анджела просит меня взять ее с собой. Посылаю ее к черту, выхожу и хлопаю дверью. Слышу, как она сверху зовет меня:

- Идешь заявить?!

В ответ называю ее трижды кретинкой. Анджела опять зовет меня. На улице дождь, мой мундир тут же промокает насквозь.

17

Сизку в «пантере» на заднем сиденье. Машина скользит по мокрому асфальту. Читаю сообщение в газете об операции. Надеюсь, что хотя бы мои инициалы упомянут. В газете есть и фотография, на которой я различаю свой левый глаз: на заднем плане подвал, на переднем Босси, зажаты между двух унтер-офицеров полиции, испуганное лицо игрока, а сзади черная точка — мой глаз.

Начинаю читать вслух:

— «После быстро проведенного лейтенантом Валентино Патта расследования...»

— Читай дальше.

— «Лейтенант Патта с пятью полицейскими проникли в игорный зал, расположенный в подвальном помещении нового здания на виа Стацио. За хозяином притона Себастьяно Босси, тридцати двух лет, с некоторого времени велась слежка».

Эмилио объезжает вокруг площади, спрашивает, жив ли я еще, почему он больше не слышит моего голоса.

— Я жив, — отвечаю ему. — А насчет слежки допущена неточность, следила за ним сыскная полиция по подозрению в убийстве.

Доменико называет меня придириой. Я продолжаю читать:

— «Поступили сообщения, что Босси содержит игорный дом. Его помощники подыскивали желающих испытать фортуна за рулеткой, пока полиция разыскала лишь одну — Лауру Дж., подвизающуюся в одном из центральных кабаре».

— Ты знаешь ее, эту Лауру?

— «Лаура Дж. и другие сообщники собирали информацию относительно финансового положения намеренных жертв, какими суммами в данный момент располагают, марки их машин...»

Я снова замолкаю, и Эмилио спрашивает:

- Тебе известно что-то другое?
- Эта Лаура — обыкновенная дура. Продолжать? «За столом рулетки сидело девять человек, и все проигрывали. Полиция ворвалась в игорный зал около одиннадцати часов вечера, на одиннадцати номерах стояли фишки, а в ящике у крупье было пять миллионов».

- Имя крупье?
- Должно быть, новичок. Раньше был он.
- Кто он?

— Мой друг, которого убили, — отвечаю я, чувствуя, как туман застилает мне глаза.

— «Всех находившихся в игорном доме отвезли на виа Фатенефрателли*. Игроки отделались штрафом за участие в азартной игре. Себастьяно Босси тоже должен будет уплатить штраф за недозволенное содержание игорного дома».

* Название улицы, где находится управление полиции и тюрьма предварительного заключения.

— Через месяц, — говорит Эмилио, — этот Босси зажжет огонек в другом месте. Штраф его только пощекочет.

Доменико приказывает остановиться. Иностранная машина цвета спелого помидора показалась ему подозрительной. Надо глянуть, в чем дело. Машина стоит одним колесом на тротуаре, дверца не заперта, внутри машины беспорядок, словно в ней рылись торопливые руки.

Доменико связывается по телефону с инспектором Финати. Подозрение оказалось вполне обоснованным, машина украдена для перевозки товара из ограбленного текстильного магазина.

Принимаем сигналы, звучат голоса, названия улиц, постепенно вхожу в игру, становлюсь внимательнее. Двое парнишек на мотоцикле выскакивают из-за угла, чуть не падают, мы устремляемся за ними, короткое преследование — и они у нас в руках. Совсем еще мальчишки, даже жалко заносить их в список неблагонадежных, но югчего не поделаешь, Финати ждет нас, и мы везем к нему двух начинающих бандитов. Не люблю ловить такого рода преступников.

Мое дежурство кончается, иду домой.

Анджела ушла, оставила ключи и записку в почтовом ящике. Я переодеваюсь, надеваю почти совсем еще новый костюм, голубой в узкую зеленую полоску. Записка Анджелы предельно коротка: «Уезжаю. Спасибо за все». Звоню Мигчике, его заместитель информирует меня, что пистолет найден в мусорном баке у дома Джулиано. Им уже известно, что он принадлежит Анджеле. Спрашиваю, знают ли они о ее внезапном отъезде.

— Да, знаем, мы за ними следим. Они уехали в Градо.

— С кем она уехала?

Внезапный вызов прерывает наш разговор. С кем уехала Анджела? Я чищу ботинки. Какая она все-таки дура, нашла время уезжать из Милана. Нечего будет удивляться, если уже выписан мандат о ее задержании и вместе с приятелем. Могла ведь подождать денек, посоветоваться со мной, а не доверять слепо мошеннику, носящему имя Стефано Платани. От волнения не могу завязать галстук, смотрюсь в зеркало — ну и видок! — лицо у меня цвета снятого молока, я устал, и нервы не в порядке, вздрагиваю от удара грома. Черт с ним, с галстуком...

..Наблюдаю за входом в «Белый гусар», но войти не решаюсь. Можно, конечно, пойти в кино, но смотреть детективный фильм в киношке второго разряда мне кажется унизительным, предпочтительнее следить за теми, кто входит и выходит из кабары. Прислоняюсь спиной к витрине напротив, свет фонарей отражается в лужах, курю непрерывно, машинально зажигаю одну сигарету за другой, мне очень хочется спать, и это мешает размышлять, усиливает неуверенность.

Захожу в бар, чтобы выпить кофе, наткнувшись там на бухгалтера Ренато Кастелли, он радушно приветствует меня, приглашает за свой столик. На нем плащ небесно-голубого цвета, новенький, с иголочки.

Бухгалтер заводит со мной разговор о погоде, о сырости в Милане, о том, что полиция почему-то штрафует лишь владельцев малолитражных машин. Разговор из вежливости, бухгалтер спокоен, словно и не было двух убийств совсем рядом.

Иду предлог, чтобы перевести разговор в нужное мне русло, предлог возникает, когда внезапно напротив зажигается световая реклама: огромный стилизованный гусар. При ярком освещении замечаю на тротуаре Марини.

— Что-то они рано сегодня зажгли, — говорю бухгалтеру.

— Реклама. В этот час синьоры едут обедать, позже они могут вспомнить светящегося гусара и заглянуть сюда. В городе много соломенных вдовцов, сейчас как раз для них сезон.

— А куда они заглядывают чаще — в кабары или в игорный зал?

Отвечает, что у него нет никаких дел с азартными играми. Меня его ответ не убеждает, я уверен, что оба убийства совершены из-за борьбы интересов, связанных с запретными игорными домами.

— При нормальных делах никто никого не убивает.

— Мнения бывают всякие. — Бухгалтер играет словами, старается показать свою незаинтересованность. — Я лично доволен, что моя деятельность проходит далеко от жирного пирога. Я пария. Жалованье часто привязывает человека к одному месту, но дает уверенность.

— Конечно. Но жалованье не должно мешать жить. Вам не жаль, например, бедняжку Сабину?

— Безусловно.

— Такая молодая. Такая беззащитная, — нахожу наконец подходящее для провокации слово. Наблюдаю, как будет реагировать Кастелли.

Вижу, что углы губ у него поднимаются. Что это, улыбка?

— Да, бедняжка, у нее были большие возможности, и она, конечно, заслуживала...

Бухгалтер не уточняет, чего заслуживала Сабина. Пытаюсь снова спровоцировать его:

— Убили-то ее не потому, что она была хорошим счетоводом.— Мои хитросплетения не вызывают ответной реакции, бухгалтер молчит, и я вынужден продолжать: — Сабина знала слишком много, не так ли? Гораздо больше, чем полагается знать счетоводу. Что вы об этом думаете?

— Ничего. Она была старательна, тактична. Но круг ее деятельности не выходил за рамки счетоводства. И мой тоже. Я так и заявил в полиции.

— Как вы делили между собой работу?

— Пополам.

Спрашиваю, кто установил такой порядок, может быть, Бианка Виери?

— Каприче охотно уволила бы Сабину немедленно.

Ему не надо было этого говорить. Спохватывается, разводит руками, ищет путь к отступлению, утверждая, что он не в курсе всех мелочей.

— Бианка боялась конкуренции Сабини? — спрашиваю его не без задней мысли.

— В каком смысле? Не понимаю.

— Сабина могла бы войти в союз с Эрнесто Виери: в качестве компаньонки, любовницы или как-то иначе. В любом случае Бианка оказалась бы на втором плане. Наша Каприче очаровательна, но уже не слишком молода. Чтобы не потерять королевских регалий и мужа, она могла прибегнуть и к крайним мерам.

Ренато не знает. Не может себе представить Каприче в роли убийцы, не скроена она для такого.

— Убийцы,— строго говорит он,— люди, обладающие индивидуальностью, я так считаю. Их качества могут быть отрицательными, но волевыми. Каприче — женщина слабая, многие неудачи сделали ее истеричкой.

Возражаю, что неудачи могут толкнуть на отчаянный поступок даже слабохарактерного человека. Ренато соглашается, но добавляет, что отчаявшаяся женщина теряет напористость, ей больше нравится плакать и чувствовать себя жертвой.

— Каково ваше мнение о Джулиано?

У него нет мнения, поверхностное знакомство. Друг Стефано Платани, вот и все, что он может сказать.

— Бегал за юбками, потом, смиренный и раскаявшийся, возвращался под крыльшко к Сабине, как сын-лоботряс к строгой, но справедливой матери.

— А что вы скажете об Анджеле? Она может быть причастна к убийству?

— Вы снимаете подозрение с Каприче?

— Да. Теперь меня интересует Анджела.

— А завтра Стефано?

— Анджела и Стефано — пара. Это не случайно.

— Намекаете на пистолет калибра 6,35?

— А вам что известно о калибре 6,35?

На мгновение воображаю, что поймал его.

— Факт, всем известный, дорогой Сандри. Как это ни странно, Стефано подарил его Анджеле ко дню рождения.

Бухгалтер встает, расплывается за себя и за меня, извиняется, что ему пора вспомнить о своих обязанностях. Провожая его, спрашиваю еще раз:

— Об Анджеле вы так мне ничего и не хотите сказать?

— Уж если вам так хочется, так и у нее характер слабый. Она ведь только притворяется роковой девицей, а сама... как лист на ветру. После двух допросов она совсем сдалась. Ее отъезд в Градо на самом деле бегство.

— Так вам известно, куда уехала Анджела? — пытаюсь снова поймать его.

Бухгалтер крепко жмет руку, обещает рассказать, если узнает что-то новое.

— Можешь на меня рассчитывать, чем смогу, удружу тебе,— внезапно и без предупреждения переходит на «ты».

— Ты мне так и не ответил, откуда тебе известно о бегстве Анджелы?

— Но ведь это так просто: все служащие обязаны сообщать, куда они уезжают отдыхать. Каждый из них может внезапно понадобиться. И следить за этим должен я.

Все правильно. Бухгалтер выскальзывает из моих рук, быстрым шагом пересекает улицу и исчезает за дверью служебного входа. Ужинаю в «Гротта Пьемунтеза», съедаю булочку с колбасой и горчицей. Около полуночи я упрямо стою на страже возле «Белого гусара». Мне почему-то совсем не хочется идти домой, хотя мои обязанности «сыщика в свободное от работы время» сведены к нулю.

Прогуливаюсь, не удаляясь слишком от кабаре. Проходя перед открытой дверью, вижу внизу Джильдо с подносом, уставленным бутылками и бокалами. В шестой раз здороваюсь с Марини, неподвижно стоящим на углу.

— По-моему, этот притон надо было закрыть.

Рисунок
Аллы
СОЛОВКИНОЙ

— Из-за связи с игорным домом?

— Они все в этом деле замешаны.

— Трудно сказать. Думаю, что кабаре имеет официальное разрешение от полиции.

Угостить коллегу чашечкой кофе — маленькая любезность, Марини охотно принимает мое приглашение зайти в бар напротив.

Кладу вторую ложечку сахара в кофе, когда с улицы доносится хорошо мне знакомый шум и треск. Мы оба высказываем из бара вовремя, чтобы увидеть машину ядовитого зеленого цвета, сворачивающую за угол, и не успевший еще рассеяться дым у входа.

Из кабаре, ругаясь, высказывает Джильдо, за ним Ренато Кастелли и Бианка. Боязливо высовываются головы двух посетителей, за которыми видны яркие наряды Клодет и Мартины. Джильдо подсчитывает ущерб, нанесенный налетчиками, Бианка меня не замечает, Кастелли здороваётся сухим кивком головы.

— Какая точность,— говорит Марини.

Фотографии в витрине сметены, как порывом ветра, одна висит на кнопке, тротуар усыпан битым стеклом, автоматная очередь проникла и в помещенье кассы, кассирша легко ранена осколком дерева.

У входа в «Белый гусар» собирается толпа ночных гуляк, Марини, действуя энергично, прогоняет их, я звоню в полицию, вернувшись, проверяю повреждения, нанесенные очередью из промчавшей мимо машины.

— Как в гангстерском фильме,— говорит кто-то из толпы.

— Я перестал ходить в кино,— отвечает другой.— С некоторых пор такие спектакли можно увидеть бесплатно.

— Милан превратился в Чикаго,— острит третий.

— Чикаго, Чикаго! — напевает прогуливающаяся по тротуару девушка.

Через несколько минут на «пантере» прибывает унтер-офицер с тремя агентами и приступает к сбору показаний. Я сообщаю для протокола, что видел машину марки «бентли», когда она поворачи-

вала за угол, подозреваю, что стреляли из этой машины, но я сам этого не видел.

Марини подтверждает мои показания. Женщина, шедшая по тротуару, говорит с большей уверенностью: стреляли из машины большой и широкой, ядовито-зеленого цвета.

Захожу в кабаре. Сеньора Виери уже пишет заявление, обвиняя неизвестных в покушении на кабаре, бухгалтер консультирует ее. Джильдо на этот раз на меня не рычит, ругает пока еще неизвестных гангстеров.

— У кого из ваших есть «бентли» ядовитого зеленого цвета?

— У мошенника Себастьяно,— отвечает Джильдо в стиле героя кино.

До сих пор официанту удалось избежать моих вопросов, сейчас, конечно, не лучшее время для диалога между нами, трудного для меня и, может быть, щекотливого для него. И все-таки мне хочется огоршить:

— Где вы находились в вечер первого убийства?

— Попытайтесь-ка угадать. Я полгода жду совпадения, чтоб оказаться рядом с женой. Она работает днем, я ночью, и мы с ней никогда не встречаемся.

— Как вы считаете, Себастьяно Босси мог убить Сабину и Джулиано?

— Этот толстый кабан убил бы и собственного отца, если у него вообще был отец. Но надо, чтоб это ему было выгодно.

Выхожу из «Белого гусара». Марини все еще рассматривает выбитые стекла, расстроенный, словно оскорбление нанесено ему лично. Беру его под руку.

— Себастьяно Босси все еще на Фатене-фрателли?

— Думаю, что да.

— Значит, на машине был другой представитель шайки. Правильнее сказать, двое других.

Два представителя враждебной супругам Виери шайки, а это значит, что их можно вычеркнуть из списка подозреваемых. Мне предстоит найти связь между двумя убийствами и стрельбой в витрину «Белого гусара».

Специальные корреспонденты «Смены»

Звонко ударил молот о наковальню. Звук этот, чистый, серебряный, рванулся ввысь, а вслед ему эхом поплыли частые «подголоски» — видно, в кузне отбивали литовки, готовились к косьбе. Травы нынче уродились сочные, густые, и тут главное — не упустить момента, не дать им полечь под солнцем, выцвести.

— Дедко Микола, а дедко Микола, может, мне каганец наладишь?

ром швейцарский ученый Чарльз Бонстентген не спеша прогуливался по тропинкам Королевского парка в Северной Зеландии. Природа располагала к размышлениям, и ученый подумал, что неплохо было бы создать на берегу моря в тенистом еловом лесу английский парк, «где стояли бы до-

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ ВСЕГДА ТРЕПЕТНЫ.

МУЗЕИ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Из кузницы выглянул старик. — К вечеру загляну, Агриппина. А литовку свою забирай.

Дед был приземист, широкоплеч и, по всему виду, еще крепок.

На голове — выдавший виды войлочный брыль, кожаный кузнечный фартук порыхлел от времени и от горнового огня. Прикрывая глаза ладонью, он глянул вверх.

— Как бы не задождило...

— Не должно, — успокоила Агриппина, — вои как небо по закату высветило чисто... Пожойный день будет.

Она стояла, опершись о тын, возле перелаза. На плечи поверх нарядной голубой кофты накинута праздничная свита — легкое шерстяное пальто, расшитое замысловатыми яркими узорами.

День клонился к закату. И хотя еще солнце припекало, в воздухе уже чувствовалась предвечерняя свежесть, и с прудов тянуло прохладой.

...Я вздрогнул, услышав звук, столь неуместный, неправдоподобный сейчас, — звук мощного автомобильного мотора. «Икарус» — сверкающий лаком, никелем, яркий, стремительный ковчег двадцатого века — круто развернулся на заасфальтированном пятчке.

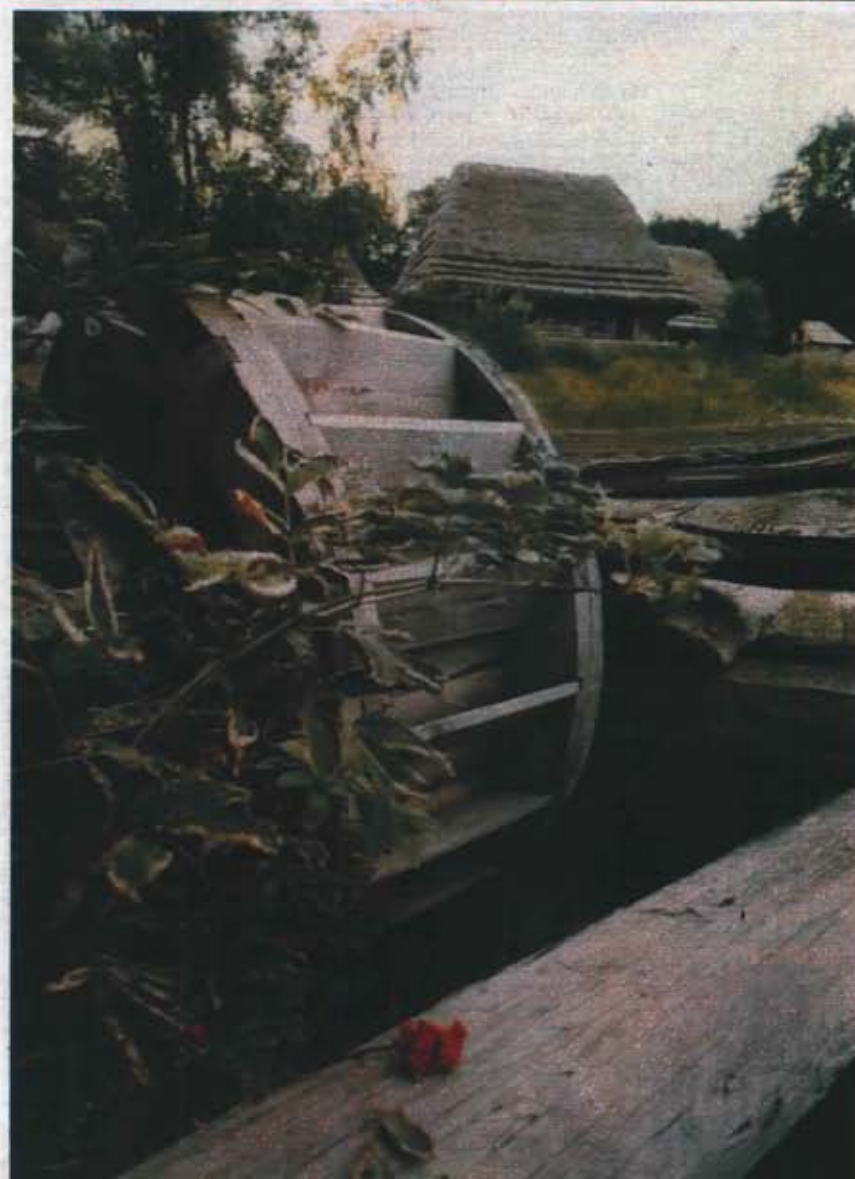
Гид, девушка в джинсовом костюме, золотоволосая, улыбчивая, будто высвеченная изнутри солнечным теплом, спрыгнула с подножки автобуса.

— Мы с вами находимся в Музее народной архитектуры и быта Украины, — сказала она экскурсантам, которые спешно нацеливали объективы фото- и кинокамер на необычные экспонаты.

Чуть помедлив, девушка-гид добавила:

— Это один из крупнейших в Европе музеев под открытым небом...

Почти таким же тихим летним вече-

мики лапландцев, мешканцев с Фарерских островов, крытые камышом, зеленоватые дома исландцев в народном стилизованном убранстве...». Мысль эту он записал в дневник, став таким образом первым теоретиком музеев под открытым небом. А практически идею эту осуществил столетие спустя, в 1891 году, ученый-этнолог Газелиус. Шведский «Скансен» — первенец в долгом и солидном роду этномузеев и этнопарков мира — и поныне один из лучших.

Первым отечественным музеем под открытым небом мы можем считать Московскую сельскохозяйственную и кустарно-промышленную выставку 1923 года. Это была поистине вся Страна Советов в миниатюре. С рублеными крестьянскими избами Сибири соседствовали здесь калмыцкие кибитки и киргизские войлочные юрты. В шалашах-чумах «жили» самоеды, остяки, тунгусы... В воздухе замирали протяжные крики ишаков и мычание российских буренушек. Лихой украинский гопак перемежался с ритуальными танцами якутов и чукчей. В нежное грузинское многоголосье вривалась лихая, занозистая частушка волгарей.

Но постоянно действующий этнографический музей под открытым небом был создан лишь год спустя в Латвии. «Бривдабас» и считается старейшиной среди сорока подобных ему музеев нашей страны.

В Риге и Каунасе, под Ленинградом и Новгородом, возле Горького и Улан-Удэ бережно, любовно воссоздается зримый облик Прошлого.

Разработка единой методологии организации таких музеев — одна из ос-

**СКОЛЬКО ВОДЫ УТЕКЛО,
А ВСЕ ЖЕ ЖИВО И ТРУДИТСЯ
ЭТО МЕЛЬНИЧНОЕ КОЛЕСО.**

М НЕБОМ

новых задач отдела музеев Министерства культуры СССР. Этим сегодня заняты крупнейшие архитекторы, художники-реставраторы, историки и специалисты музейного дела. Создание обширных заповедных зон народной архитектуры и быта стало ныне насущной заботой и ученых-этнологов.

Ведущий инспектор отдела Виленна Ивановна Корчагина, археолог по образованию и ревностный ценитель национальных традиций по своей душевной сути, рассказывая мне о делах этих уникальных музеев, заметила:

— Эстонский, Литовский, Новгородский — это отлично организованные республиканские и региональные музеи под открытым небом. Но подобного Киевскому у нас еще не было. Здесь можно познакомиться с прошлым, увидеть настоящее и заглянуть в будущее. Он занимает около двухсот гектаров. И на этой территории вы можете увидеть село старой Киевщины, избы Полесья, хутор Полтавщины, селения Закарпатья, хаты Вольщины... И все воссоздано с научной скрупулезностью, тщательностью, вплоть до внутреннего убранства горниц, различных предметов крестьянского обихода. Хозяйственный инвентарь, утварь, сами постройки — это не мертвые музейные экспонаты. Они подчеркивают реальность обстановки, времени, быта — короче, самого духа той эпохи, к которой принадлежат. Вам кажется, что вы пришли не в музей, а перенесены фантастической машинной времени в прошлое, которое знакомо было вам до этого лишь по книгам и картинам.

...Я пригибаюсь и захожу в хату. Вначале ничего не вижу. После яркого, солнечного полдня глаза не могут привыкнуть к полумраку: свет еле пообивается в узенькое оконце, заты-

**ТАКОЙ ВИДИТСЯ
АРХИТЕКТОРАМ СОВРЕМЕННАЯ
ХАТА УКРАИНСКОГО СЕЛА.**

нутое воцеленой бумагой. Постепенно начинаю различать очертания предметов.

— Сюда проходите, — говорит женщина ласково, певуче, словно горошины пересыпает. Сама худенькая, прямая. Одета в домотканую, до пят, юбку и выбеленную холщовую блузу — воскресный наряд полесских крестьянок. — Сидайте на лаву. — И жестом указывает мне на широкую выскобленную лавку в красном, под Николой-чудотворцем, углу.

Сволоок — балка, что потолок держит, — почернел от времени и дыма. Ведь хата бедняцкая, курная — без дымохода, топится по-черному. Такие вот избы стояли в полесских лесах, близ Белоруссии, и, пожалуй, не было на всей Украине более тяжелого житья крестьянам, чем в тех местах. Каждый клочок пахотной земли отвоевывался у леса с превеликим трудом.

Разглядываю нехитрый скарб: на

жердке старое радио да кобыляк — пальто мужское, выдавшее виды. В углу, возле печки, ночва, бодня, коряк, прач — все, что нужно хозяйке для большой стирки. У стены скриня — сундук, где хранятся скромные наряды да милые сердцу безделушки.

Нет здесь повитка, где скот держат, нет каморы, где хлеб хранят, нет и соломенницы под зерно... Это все — в хатах крестьян зажиточных, «справных», где и горницы пораздольней и дым глаза не ест — в бовдур, дымоход, вытягивается.

На соседнем дворе за гончарным кругом сидел молодой парень, синеглазый, чубатый. Он негромко напевал: «Ой, ты, Галя, Галя молодая...» А его длинные сильные пальцы плавно оглаживали кусок глины, насаженной на круг. И было видно, как из этого бесформенного комка вырастает тонкое кувшинное горлышко. А на тыну уже были развешены готовые после обжига глечики, горшочки, рыночки, горшки...

...Я шел по проселочной дороге, трогая рукой налитые колосья пшеницы; пил родниковую воду, оглушенный звонкоголосьем птиц; смотрел, как поворачивает вслед солнцу свою оранжевую голову подсолнух. Я входил в беленькие мазанки, крытые соломой, и в рубленые, под тесовой крышей избы. Я шел по всей Украине, из области в область, из села в село, от хутора к хутору. И все вокруг кипело жизнью.

На взгорье неторопливо шумел ветер, его огромные лопасти отбрасывали тень, похожую на крылья неведомой птицы. В перелеске над смолокурней вился голубоватый дымок, возле

крупорушки толпились мужики, дымя самосадам, а веселая ребятня с любопытством глядела, как пегая кобыла раскручивала помольный круг.

И на лугу, и в поле, и на огороде, и в каждом дворе вершилась в этот урочный час сельская работа. Обыденная, та самая, без которой и каравай хлебный на столе не появится и крыша над головой не сложится. Стучали в горницах ткацкие станки, крутилось веретено прялки, на маслобойке давили подсолнечное масло, тяжело вздыхали в кузне мехи, раскаляя горно, поднималось в квашне тесто для пирогов, и из открытого окна хаты уже пахло смолистым запахом — там, видать, ладил печь для этих самых пирогов...

Какое это время? Век восемнадцатый, девятнадцатый — серп да литовка, кузнечный молот да крупорушка. На селянах самотканые платья, в клунях (сараях, что на подворье) висят выделанные кожи, ветряная мельница мелет рожь, отбитую цепами, — мука упругим ручьем идет в дерюжные объемистые мешки...

И тут, не зная отчего, но вдруг вспомнились мне пустые, брошенные деревни русского Севера — Беломорье, Вологодчина... Да что говорить, когда и в ста километрах от Москвы доводилось не раз видеть осиротевшие избы, поросшие бурьяном огороды, крестьянские дворы, где гулял лишь ветер, разметывая остатки прошлогодней соломой. Только гулкое эхо откликлось на мой голос. Я оглядывался окрест, и во мне, городском жителе, вдруг просыпалось щемящее чувство утраты — словно опоздал я на свидание, которое уже никогда не случится.

Я заходил в избы, благо двери были раскрыты настежь, трогал рукой отполированные временем, почерневшие бревна, ощущая слабое, уже еле уловимое дыхание человеческого жилища. Оно уходило отсюда, растворяясь в ближнем лесу, в полях, в горьковатом на вкус сентябрьском воздухе.

Те деревни скорее напоминали музейные залы — своей тишиной и слегка печальной торжественностью.

А здесь, в музее, была самая настоящая жизнь с ее повседневными заботами. Одно было необычно: словно обнажились пласты времени — резная, в стиле барокко, церквушка восемнадцатого века, а рядом церковноприходская школа начала нашего столетия.

**ТВОРЕНИЯ РУК
НАРОДНЫХ УМЕЛЬЦЕВ
И В БЫТУ ПРИГОДНЫ,
И ДОМ УКРАШАЮТ.**

**СТАРЫЕ МАСТЕРА КУЮТ
ПОДКОВУ НА СЧАСТЬЕ,
ЧТОБЫ УКРАШАЛА ОНА
ВХОД В УКРАИНСКУЮ ХАТУ.**

Инспектор Финати дает мне недельный отпуск, на который, собственно говоря, я имею полное право. Наскоро привожу в порядок свой «фольксваген», заправляю его бензином и маслом, меняю покрышки и отбываю в сторону ведущей в Венецию автострады.

На рассвете передо мной открывается вид на озеро Гарда. Опускаю стекло, вдыхаю утренний воздух, до Градо еще далеко. Я не забыл Джулиано, но будущее сулит мне надежды, принимаюсь напевать слова модной песенки.

18

На дамбе, соединяющей Градо с материком, вношу изменения в уже имеющийся у меня план, совершенствую его. С обеих сторон дамбы сверкает вода лагуны, перед машиной пролетает чайка, замечаю на ее белизне одно черное перо, настроение у агента уголовной полиции Сандри поднимается, он наконец согласен со мной в том, что нельзя отступать в битве, даже если противников тысяча на одного.

Мост, журнальный киоск, покупаю две газеты. На первой странице большими буквами: «Белый гусар» — притон гангстеров. Комиссар полиции распорядился о немедленном закрытии кабаре. Судебное ведомство ведет расследование случаев разврата и коррупции. Себастьяно Босси протестует против обвинения в двойном убийстве. Сыскная полиция разыскивает лиц, участвовавших в нападении на кабару.

Первый раз в хронике городских происшествий появляется имя Камилло Сандри, агента уголовной полиции, представившего ценные данные для поимки бандитов. Листаю дальше. Автоинспекция мобилизована в целях опознания машины марки «бентли» ядовито-зеленого цвета.

Продолжаю читать газеты за столиком кафе, люблю мирным покоем острова, заказываю кофе с молоком, булочки и сыр. Утренний туман поднимается, солнце и отблески на воде окрашивают в сиреневый цвет страницы газеты.

Чаще других упоминают имя Босси. Репортер пишет, что тучный спец по рекламе и всякой темной вселенной уже давно высказывал намерение создать мощную организацию, нечто вроде треста ночных заведений Европы.

Оказывается, я недооценил толстяка, по видимому, он ловкач, особенно когда представляется возможность пощипать денежного человека. И вот он на первом плане, освещенный софитами пронырливых газетных хроникеров.

Ем булочки и читаю: сеть Босси должна покрывать четырехугольник: Женева, Париж, Лазоревый Берег, Милан.

Вкусный кофе с молоком фриульской коровы. Даю официанту четырехста лир чаевых, благодарит, словно перед ним великий визиер.

— Не за что, — говорю ему. — Позже мне могут понадобиться некоторые сведения.

— К вашим услугам.

— Хорошо.

Очень хорошо. Во главе угла, значит, стоит Босси, а не бесцветные фигуры супругов Виери, владельцев пошатнувшегося ночного кабары. И не человек с высшим образованием Стефано Платани, по-настоящему влюбленный в искусство, оплачивающий свою учебу доходами от коммерции ювелирными изделиями и часами. Но ведь в конечном счете именно я показал пальцем на Себастьяно. Остается выяснить его участие в двух убийствах. Ответ нахожу в газете: полиция не спит, можно быть уверенными, что убитые Сабина и Джулиано были членами шайки, отчаянно сопротивлявшейся агрессивным планам Босси. Две пешки, обреченные на смерть лишь потому, что им были известны планы Себастьяно.

Журналист, очевидно, во многом прав, но его умозаключения поднимают во мне волну горечи с примесью чувства собственной вины. В заключение он гремит победными литаврами: мираж объединения в одну семью ночных заведений больше не существует, полиция идет по правильному пути и очень скоро поставит все точки над «i», хоть и приходится двигаться в среде, где трудно надеяться на чистосердечные признания.

Все это, конечно, так, а конкретно что? Никто еще ни в чем не признался. Все они, свернувшись в клубок, выставляют, как ежи, иглы, отрицают и увиливают, стоят на страже своей порядочности.

— Если только... — начинаю высказывать вслух свои мысли.

— Что вам угодно, синьор? — спрашивает официант.

— Ничего.

Надо избавиться от привычки думать вслух. Что может быть смешнее, когда агент уголовной полиции идет по улице, рассказывая вслух о своих делах всем встречным и поперечным. Складывая газеты, на их страницах отсутствуют еще два имени: Франко Питтадуга и Паоло Рикка. Паралитик и бывший летчик, безусловно, принадлежат к Большой семье, я в этом уверен. Питтадуга — компаньон или соперник неудавшегося императора, а Рикка, дружку Бианки, не так-то легко будет доказать свою непричастность.

Пора переходить к действию, обращаюсь за топографическими сведениями к официанту, который дарит мне карту острова. Внимательно рассматриваю ее: большинство гостиниц сосредоточено вокруг собора в старой части города, но в стороне Триеста виднеются среди зелени ряды новых отелей.

Ведя машину на самой маленькой скорости, начинаю поиски среди вывесок, лип и реклам крема для загара. Мимо дамбы сворачиваю на дорогу вдоль пляжа, но тут же приходится повернуть обратно — дорога непроезжая. Кручусь по переулкам и наконец ставлю машину у ограды сада, где цветут розы. Квартет Бианка — Эрнесто — Анджела — Стефано, очевидно, подозревает преследование, и я должен вести себя соответствующим образом — искать их в толпе, в которой они захотят затеряться, или в укромных местечках, подальше от обычных мест гулянья.

Одиннадцать часов утра — идеальное время для поисков: отдыхающие принимают солнечные ванны на пляже, и я имею возможность зайти в каждый из отелей и проверить списки проживающих. Хозяйка гостиницы первой категории встречает меня в штаны.

— Чего вы суете мне под нос свое удостоверение? Так или иначе, но я сомневаюсь в вашем праве вмешиваться в частные дела проживающих в отеле лиц.

— Клиенты вашей гостиницы находятся в настоящее время вон там, — показываю я в сторону моря, — и я никому из них не могу помешать.

Очень неохотно, но она все же показывает мне книгу регистрации. Ни одного из четырех имен в ней нет, перехожу в следующий отель на углу улицы. Для начала контролирую гостиницы первой категории.

В час дня мне еще не удалось найти никакого следа, сажусь в машину и еду к главным воротам городского парка: девушки в бикини, полные дамы в купальных костюмах, юноши и синьоры средних лет в шортах, старики в длинных трусах, дети в маленьких трусиках, женщины в легких платьях, мужчины в купальных халатах — вся эта армия неизвестных торопится спрятаться в тени холлов или занять место в красно-желтых открытых вагончиках узкоколейки. Через полчаса площадь у входа на пляж пуста.

Мой «фольксваген» под палящим солнцем превращается в душегубку, включаю четвертую скорость, спешу укрыться в тенистой аллее. В глубине меня очаровывает вид колокольни среди зелени, тихий уголок, настоящий земной рай, который так необходим людям нашего века. Не задумываясь, сворачиваю с асфальта на пыльную немощеную дорогу в рытвинах и ухабах, а в конце этой немислимой дороги вижу одинокое здание, похожее на отель. Торможу у проволочного ограждения с железной калиткой и бумдой с окномцем у входа. Ищу въезд, начиная сомневаться, не попал ли я случайно в военный лагерь. Но это действительно отель.

Администратор в рубашке и подтяжках распаивает передо мной регистрационную книгу, не ожидая моей просьбы. Ему оказалось достаточно взглянуть в мое служебное удостоверение. Вожу пальцем по строчкам, вижу имя Эрнесто Виери, а на следующей странице: Анджела Феррари, Бианка Виери, Стефано Платани — вот они, все нужные мне имена. Подожду их возвращения с пляжа.

— Они придут со стороны кемпинга, — подсказывает мне администратор, его любезность подбадривает меня.

Еще одна калитка выходит непосредственно на берег моря, и я нахожу место для наблюдения на веранде бара.

Выглядят они по-семейному, впереди идет Бианка, то и дело оборачиваясь к следующему за ней мужчине, худому, как скелет, неловко шагающему в деревянных пляжных сабо; Стефано поднимается по лестнице, держа за руку Анджелу. Удерживаюсь от соблазна броситься им навстречу, они меня не замечают, Анджела крепко прижимает к себе неуклюжую «косметичку», кажущуюся еще более неле-

пой в курортной местности. Стефано предлагает ей свою помощь, она отрицательно трясет головой.

Плачу за аперитив и, скрываясь за деревьями, следую за их компанией. Они входят в лифт, у меня еще остается время спросить, есть ли свободный номер, администратор сообщает, что сегодня утром уехал живший здесь фокусник — фортуна ко мне благосклонна. Мальчик-носильщик подхватывает мой обшарпанный чемодан, я прячусь за колонной.

Любуюсь картинками с видами моря, невольно сравнивая их с рисунками Джулиано. Мой друг не увлекался волшебством закатов, предпочитая изображать ужас, всегда чудившийся ему в глазах людей. Курю, отдыхаю. Тем временем с верхних этажей спускаются курортники. Причесанные, переодетые, они направляются в ресторан. Со своего места я хорошо вижу и лестницу и лифт.

Анджела в ярко-красном платье все еще держит в руках свой нелепый ящик, ведь это же смешно, чтобы девушка постоянно таскала с собой во все часы дня и ночи не менее пяти килограммов кремов и всевозможной косметики. Может быть, она «тронутая»? Стараюсь подметить, нет ли в ее жестах безумия, когда она садится за стол и опускает «косметичку» на пол таким образом, чтобы постоянно чувствовать ее у ноги. Супруги Виери тоже усаживаются, пересмеиваясь со Стефано.

Сажусь за столик, который мне зарезервировал метрдотель за три тысячи лир чаевых. Сажу спиной к квартету, отгороженный от них огромным комнатным растением, и радуюсь проявленной мною ловкости, воображая себя сыщиком типа Мегрэ.

Слышу голос худого, как скелет, Эрнесто: — Люблю говорить вещи, если придется, прямо в лицо и могу сказать без обиняков, что ко всему этому мы не имеем никакого отношения.

Бианка. Он обещал и не сдержал слова. Хорошенькая взаимопомощь!

Эрнесто. Если не считать вынужденного закрытия, а мне на это наплевать, никаких неприятностей у нас нет. Отчасти мы можем быть благодарны Стефано.

Бианка. Спроси у Себастьяно, какого он мнения?

Эрнесто. Он совсем запутался. Стефано прямо сказал ему: Джулиано умер, Инноченце в больнице, не может же он один быть и музыкантом и дирижером оркестра.

Голоса Стефано не слышно, словно речь идет не о нем.

Анджела. Не знаю, что вы вообще находите здесь хорошего. Я бы сюда ни в коем случае не приехала, если б не работа.

Эрнесто. С работой можешь распрощаться, считай, что ты уже безработная.

Бианка. Джильдо утверждает, что распоряжение о закрытии скоро будет снято.

Эрнесто. Даже если снова разрешат открыть, кабару и плевка не будет стоить.

Стефано. Хотите от него избавиться?

Бианка. А почему мы должны от него избавиться?

Эрнесто. Ты слабоумная, вот уже три года, как я настаиваю закрыть его.

Бианка. Если б я тебя послушала, мы оказались бы без гроша в кармане.

Анджела. Или в тюрьме.

Стефано. А ты заткнись.

Бианка. Кому мы можем уступить кабару?

Эрнесто. Тому, кто его создал. У меня больше нет никакого желания им заниматься.

Тут они углубляются в подробности администрации и налогов. Решают уволить весь персонал, кроме верного бухгалтера.

Эрнесто. Срок договора с оркестром еще не истек.

Бианка. Уплатились неустойку. Останемся в стороне. Нам приходилось и похуже.

Эрнесто. Но с полицией нам никогда не пришлось иметь дела.

Бианка. Что нам могут вменить в вину?

Анджела. А со мной что будет?

Эрнесто. Ты всегда говорила, что чувствуешь себя актрисой. Вот и предложи услуги киношникам.

Анджела. Вам хорошо говорить.

Бианка. Самый ловкий из нас, как всегда, Стефано.

Эрнесто понижает голос, мне не удается расслышать, но предполагаю, что речь идет о двух убитых. Джулиано и Сабина имеют право быть ими упомянутыми, они полатились жизнью за соблюдение интересов шайки.

Стефано. Хотите свалить на меня всю ответственность? Вы с ума сошли.

19

Анджела тащит за собой «косметичку» в лодку, вешает ее на уключину, чтобы не замочить. Стефано в нескольких метрах от нее плавает и отдувается.

Подхожу к ним по воде, едва доходящей мне до щиколоток, избегая мест, обозначенных указателями: «Осторожно! Глубоко!» Весело здороваюсь, поднимая вверх руки, словно выздоровевший от тяжелой болезни. Жду, что они испугаются, поблещут. Ничуть не бывало, ведут себя так, словно мое присутствие здесь, в пятистах километрах от Милана, радостная неожиданность.

— Вот так сюрприз! — восклицает Анджела, а Стефано треплет меня по плечу и называет «старой короной», тут же, смеясь, объясняет мне, что во Франции так зовут полицейских. Что ж, спасибо за комплимент.

Анджела изучает меня, я ее. Она улыбается не мне, а Стефано, который в это время говорит:

— Мы не приглашаем тебя в лодку, она выдерживает только двоих, третий в ней лишний.

— Тем более, что этот ящик весит порядочно, — отвечаю я.

— Анджела прячет в нем клад, — поясняет Стефано. — Никогда не расстаюсь с ним, даже когда предаюсь любовным утехам.

— А ты откуда это знаешь?

Стефано обнимает девушку, целует ее в губы, не обращая внимания на мое плохое настроение, а я чувствую комок в горле и стискиваю зубы. Это замечает Анджела:

— Надеюсь, ты не ревнуешь, Камилло?

В некоторых случаях я сбрасываю с себя маску доброго малого, глотающего обиду и покорного.

— Можешь целоваться хоть с премьер-министром, если тебе захочется.

Голосовые связки изменяют мне, когда перехожу к сообщению, что приехал сюда не развлекаться, а по делам службы и в кармашке купальных трусов у меня служебное удостоверение.

— Вот оно. А теперь я снова хочу проверить содержимое этого сундука.

Они рассматривают мою карточку на удостоверении, настолько выцветшую, что я совсем на себя непохож. На губах у Анджелы ледяная улыбка неизбранной вторично «мисс».

— Пожалуйста, Камилло, но не здесь же, на воде. Позже придешь в мой номер и там сможешь вторично удовлетворить свое глупейшее любопытство.

Соглашаюсь с ней и поворачиваюсь к Стефано: — В качестве покровителя игорного дома вы, кажется, потерпели крах.

Голос еще плохо меня слушается, а кроме того, я не имею права глумиться над допрашиваемыми. Постараюсь держаться с большей профессиональной серьезностью. Стефано не теряет спокойствия:

— Дорогой друг, ты должен знать...

Жду продолжения, но Стефано больше сказать нечего.

— Твое молчание, дорогой Стефано, подтверждает мое предположение.

— А кто с тобой спорит? Но тебе неизвестно, что я перевернул страницу, рассказав полиции все, что знал. И заплатить мне пришлось. Чего еще тебе от меня надо?

— Джулиано стоял у вас на стреме?

— Да, но основное занятие у него было другое. Он действительно заплатил слишком дорого. Я не успел прийти ему на помощь, не повезло ему.

Стефано обладает великолепной техникой убеждения. Когда он говорит: «Я этим больше не занимаюсь», — возразить ему невозможно, хочешь не хочешь, а поверишь. И я действительно убеждаюсь, что его покровительство игорным домам — дело прошлое. Он делится со мной тайной:

— Не пройдет и недели, как взорвется и gambling house Питаллуги.

— «Игорный дом» по-английски. А американцы называют его hell, что значит «ад». Сравнение игорного дома с адом должно тебе понравиться.

— Вы из Большой семьи и орудуете сотнями миллионов.

— Когда появляется большая нужда в деньгах, совершаются большие ошибки. Кто умеет понять, тот может и простить.

— Я не священник.

— Разговор о деньгах начал ты. У меня не так-то их и много. Почему ты не обратишься со своей моралью к Паоло Рикке?

— С такими капиталами можно было построить десяток школьных зданий.

— И двадцать детских садиков.

— Не шути.

— Взятый меч от меча и погибнет, то же самое и с моралью.

— Ты покинул своих вчерашних друзей, погрязших в грязи. Твоя память — продажная девка.

Теперь он не смеется, это его манера реагировать на оскорбление. Потом спрашивает:

— От кого я это слышу, от мальчишки Камилло или от полицейского Сандри?

— От мальчишки Камилло, — отвечаю, опустив голову. — Я говорил с Джулиано. Думаете, я примчался в Градо из-за дела с игорными притонами? Наплевать мне на ваши обираловки, ведь деньги вы таскаете из карманов таких же дельцов, как вы сами.

Он охотно меня прощает, жмет мне руку.

— Пойдем поплаваем, — предлагает Стефано. — Мне кажется, что не стоит пребывать в постоянном волнении. Ты плохо выглядишь и нуждаешься в отдыхе.

— Я выполняю свой долг не как агент уголовного полиции, а как друг Джулиано.

— Понимаю тебя. И давай больше не говорить об этом.

— Ваше нежелание говорить о нем — это уже почти преступление.

Снова клянутся, что знают не больше меня. Анджела целует спрятанный на груди крестик. Стефано добавляет, что виновники двух убийств — те же самые, кто подорвал коммерцию ювелирными изделиями, довел до банкротства три ночных заведения, а в завершение преступной деятельности стрелял в витрину «Белого гусара».

— Мы прочитали об этом в газете.

Сажусь на корме лодки рядом с Анджелой.

— Пистолет калибра 6,35 замешивает и вас двоих в дело об убийствах.

Стефано клянется, что они рассказали мне всю правду: пистолет был украден у Анджелы в квартире, где она жила вместе с Сабинио. Из этого можно сделать абсурдный вывод, что взяла его или Сабина, или Джулиано.

— В Джулиано я уверен, — говорит Стефано, — а что касается Сабинио, я считаю это вполне возможным. Она была решительна в осуществлении своих намерений. И очень упорна.

Комета предположений продолжает крутиться, кусает себя за хвост. В конечном счете оказывается, что подозрение в преступлении больше всех тяготеет над Сабинио, а это все равно, как если бы убийца и убитая были одним и тем же лицом. У меня начинает кружиться голова.

Нырью вслед за Стефано в теплую воду, переворачиваюсь на спину, поднимаю голову, чтобы посмотреть на Анджелу, сидящую в лодке в позе восточной принцессы. Посылаю ей воздушный поцелуй сквозь водяные брызги, когда Стефано, повернувшись спиной, удаляется от нас, Анджела отвечает неопределенным жестом руки.

Внезапно вспоминаю, что мое служебное удостоверение купается вместе со мной в кармашке моих трусиков, и стараюсь как можно быстрее вылезти на берег. Прав был Джулиано, когда советовал мне переменить профессию: слишком легко забываю я о своих обязанностях. Стоит мне подняться на ноги на мелководье и положить сушиться на солнце мокрое удостоверение, как меня снова охватывает жажда расследования. Подхожу к Анджеле. Стефано, заметив что-то неладное, возвращается на берег.

— С меня хватит. Хочу еще раз заглянуть в этот ящик.

— Ты маньяк, — отвечает Анджела.

— И опасный маньяк. Кто угодно стал бы им, увидев, как ты цепляешься за свою «косметичку», тащишь ее за собой всегда и всюду. Что ты там прячешь? Сокровище? Может быть, драгоценности, золото, деньги, уран? Открой!

Анджела приподнимает крышку. Сокровище все еще состоит из флаконов и тюбиков. Перерываю все до дна, одна из бутылочек падает в воду — миндальное молоко для протирания кожи, едва сдерживаю ругательство, укладывая флакончики обратно в ящик, трясую тюбик с кремом: а вдруг в нем что-нибудь спрятано?

Нет, ничего, только пальцы вымазал жирным кремом. Анджела расплывается в улыбке:

— Признаться, Камилло, что чувствуешь ты себя по-идиотски. Почему и не признаться?

— Ты права. Но выглядит все это так, словно ты скрываешь в ней бомбу или государственную тайну. Извини меня.

Анджела укладывает тюбики и флакончики в «косметичку», Стефано забавляется, а я, направляясь по мелководью к пляжу, оборачиваюсь, чтобы сказать:

— Я по горло сыт вашими штучками.

Анджела и Стефано обнимаются, я больше не оборачиваюсь, ускорю шаги, вода доходит мне до щиколоток, по дну из-под моих ног разбегаются рачки. Девочка со спасательным кругом в виде утки смотрит на меня и испуганно бежит к матери. Больше всего я хочу спрятаться, быстро вытираюсь и спешу в гостиницу, в это время там никого нет, все отдыхающие спасаются от жары на искусственном острове.

Хочу подняться на верхнюю террасу, чтобы там в одиночестве несколько успокоиться, но администратор останавливает меня у лифта и сообщает,

что из Милана вызывают по телефону супругов Виери, может быть, я хочу ответить.

— А Виери где? — спрашиваю у него.

— Уехали часа два тому назад.

Благодарю его и едва сдерживаюсь, чтобы не заключить в свои объятия. Закрываюсь в телефонной будке, говорю «алло!», всеми силами стараюсь подражать интонации Эрнесто. Напрасная надежда, бухгалтер Кастелли сразу узнает меня.

— Рад тебя слышать, дорогой сеньор сыщик. Отдыхаешь в Градо?

— Нет.

— Значит, продолжаешь расследование? Молодец. Нет ли там рядом с тобой Эрнесто?

— Нет.

— А Бианки?

— Они уехали.

— Очень хорошо.

— Какие-нибудь новости?

— Да. Кабаре закрыто по распоряжению начальника полиции.

— Я уже читал об этом в газете. Виери его больше не откроют.

— Ты знаешь больше меня. Но и у меня есть для тебя маленькая новость. Я звонил к тебе домой прошлой ночью, но мне никто не ответил.

Чувствую, что он вот-вот повесит трубку, но я хочу знать, какие у него для меня новости.

— «Белый гусар» закрыт по приказу властей, — говорит Ренато.

— Я подумал, что ты хочешь мне сообщить кое-что поновей.

— Свежие новости? Но ведь ты информирован лучше меня, разбойник. Скажи, почему Виери не хотят больше открывать «Белого гусара»?

— Лучше ты скажи мне: почему супруги Виери столь внезапно возвращаются в Милан?

Кастелли медлит, что-то бормочет, потом вдруг решает.

— Ах, все равно ты узнаешь об этом из утренних газет. Сейф взломан, и драгоценности исчезли.

— Чьи драгоценности?

— Каприче.

— Кто это обнаружил?

— Я. Как только вошел в служебное помещение, чтоб забрать личные вещи. К счастью, со мной был офицер полиции.

— Ну и не везет «Белому гусару»!

— Вот именно. За последние годы три раза я спасал их от банкротства. Но на этот раз очень боюсь, что больше не смогу ничего сделать.

— Думаешь, что грабеж как-то связан с убийствами?

— Надо скорее искать связь с выстрелами в витрину. Кто-то хочет погубить Виери, это совершенно очевидно.

— И ему это удастся?

— Уже почти удалось. Эрнесто придется здорово изворачиваться, если он действительно хочет закрыть кабаре.

— Не понимаю.

— Чтобы рассчитывать с персоналом, ему придется продать кабаре, а при создавшемся положении больше пяти миллионов он не получит, да и на том спасибо.

Кастелли, сославшись на дороговизну телефонных разговоров, прощается со мной.

Выхожу из гостиницы, иду к сосновой рощице, скрывающей кемпинг. Стрельба, кража, ненависть к супругам Виери. Пожалуй, нет, ненависть не может быть серьезной причиной, даже вообще причиной. Скорее, денежные интересы. Спекуляция. Погоня за быстрым обогащением. Пять миллионов за ночное заведение, которое стоит не менее пятидесяти. Вот так и создаются империи. Себастьяно Босси продолжает свою игру из-за решетки. Его ничто не остановит: перенесся в Италию методы чикагских гангстеров, он добьется своего.

Доктор Антеноре Франки слишком медлит с созывом пресс-конференции для сообщения хороших новостей. Полиция не спит, я это знаю, но и гангстеры начеку.

Зато сплю я, сидя за столиком бара, газета соскальзывает мне на колени. Будит меня Стефано, осторожно прикасаясь к моему плечу. Они оба садятся за мой столик, Анджела ставит «косметичку» к себе на колени и подзывает официанта.

— Ты сошла с ума, — говорю я ей, — пора тебе избавиться от коробки и от мании.

— Если тебе так хочется, теперь я могу ее оставить у себя в номере.

— Почему теперь, а не раньше?

Стефано советует нам перестать ссориться из-за такой нелепости. Поднимает бокал с пино и пьет за наше здоровье.

Окончание следует.

Жду Александра Калягина за кулисами Художественного театра. Репетиция окончилась, все прошли, а Калягина нет. Спрашиваю о нем актеров.

— Наверно, укатил на съемки.

— Может, взлетел? Александр Александрович — человек одаренный.

Спускаюсь в нижний вестибюль. Почти через полчаса ко мне подходит молодой актер.

— Он в гримерной, в шахматы играет.

В полутемной гримерной сидят двое. Играют молча, сосредоточенно и не замечают, что за ними наблюдают. Неожиданно это оказывается интересным — наблюдать. Но не за самой игрой, а за переменчивостью лица Калягина, на котором отражаются чувства и мысли, связанные с шахматной партией. Наблюдать увлеченность, погруженность в игру и удивляться, что эти качества актера проявляются не только на сцене, но и в шахматной партии — разрядке между репетицией и вечерней киносъемкой.

Наблюдение наблюдением, но журналистское задание нужно выполнять, пользуясь моментом, что неуловимый Калягин попался-таки. И так я растерялась от подобного везения, что все оригинальные вопросы из «домашних» заготовок куда-то улетучились, а остался один, шаблонный-прешаблонный: «Почему решили стать актером, именно им?» Задала и перепугалась: ну все, такой вопрос вгонит Калягина в скуку, и не получится интересного разговора. Но Калягин задумался, а потом с каким-то удивлением, как бы разглядывая себя со стороны, ответил:

— Я уверен, что есть какая-то внутренняя сила, внутренняя убежденность в своем призвании, пусть и не осознанная до конца... Во мне с детства живет неистребимое желание быть на сцене. И до сих пор непонятно, на чем оно держалось. Но эта мысль была со мной с детства: лишь бы быть на сцене! Лишь бы играть!

Всепоглощающая страсть к сцене не была только детской мечтой, а подкреплялась делом: занимался в студии художественного слова в Доме пионеров. Симпатичного мальчика выбирали читать стихи на торжественных заседаниях и праздниках. Начинать учиться играть на скрипке, но по-настоящему увлек кукольный театр, который сам и организовал в своей коммунальной квартире. Тогда же появился интерес к Чарли Чаплину и Аркадию Райкину. Пытался подражать, стремился понять и научиться их мастерству.

— Помню, стою перед зеркалом. В руках лыжная палка — это тросточка. Усы — выкрашенная бумага. Котелок и, конечно, ботинки. Может быть, в их преувеличенности, в их утиных носах найду разгадку

И БОЛЬШОЮ ЧУЖОЙ ОЩАЛИТЬСЯ

его походки... Я смотрел по телевизору передачи о Чаплине. Читал и перечитывал «Жизнь Чарли». С максимализмом, свойственным детству, страстно желал узнать, как, каким образом он это делает. И почему это так смешно и производит столь ошеломляющее впечатление.

Саша покупал в магазине ВТО театральные маски. Это была дань увлечению Аркадием Райкиным. В общем-то застенчивый мальчик чувствовал себя легко и свободно перед ровесниками и товарищами, которые стали его первыми зрителями. Игра, искусство представления все больше захватывали его, и наступил момент, когда хотел бросить школу и идти на сцену. Он написал письмо Аркадию Райкину, но отправлять все не решался. Потихоньку от него письмо на почту отнесла мама.

— Аркадий Исаакович ответил мне прекраснейшим письмом на двух страницах и прислал фотографию. Все это я бережно храню. С Райкиным мы теперь знакомы лично, и, хотя у нас разные жанры, я считаю его своим крестным отцом в искусстве.

Несмотря на то, что увлечение сценой росло, Саша по настоянию родственников окончил медицинское училище. Работа на «Скорой помощи» научила состраданию, стала хорошей жизненной школой.

С годами все крепче верил: «Неприменно стану актером!» Но в театральном училище имени Щукина ему сказали:

— Мальчик, у вас слабый голос. И это в 19 лет! Без справки от врача не приходите.

Такой прием мог обескуражить любого абитуриента, ведь фактически усомнились в пригодности к профессии. Но у Саши так велика была вера в свое призвание, что он повел себя в данной ситуации довольно парадоксально: вышел из Щукинского училища, постоял в задумчивости, махнул рукой и сказал

себе: «Досадно... Ну что же, поступим на будущий год». А через год... Прямо с консультации его допустили на третий тур. Читал программные стихи хорошо. А потом ректор училища Борис Захава построил абитуриентов в ряд и сказал:

— Вы пришли в фотографию. Ну, а вы, молодой человек... Как ваша фамилия? Калягин? Так вот, вы будете фотографом.

И тут он понял, что пропал. Одно дело «забежать в фотографию» на несколько минут и совсем другое — быть на сцене в течение всего этюда и общаться со всеми абитуриентами. И главное, не знал, какие миниатюры они разыграют для себя.

— Я пытался выяснить, кто с чем будет приходить в «фотографию», но все занимались только собой. Помню, я стоял у окна, сердце бешено колотилось, и состояние было самое безнадежное.

Он так и не сумел ничего придумать заранее и начал этюд в состоянии полной обреченности. И тут произошло чудо: любимый им многие годы, неунывающий Чарли пришел на помощь растерявшемуся абитуриенту. Это не он, Саша Калягин, был фотографом, не он суетился, рассаживал клиентов перед объективом фотоаппарата, мимировал и пантомимировал. Нет, это неизменный друг его детских игр и представлений, загадочный и недостижимый Чарли как бы вселился в него на короткое время экзаменационного этюда. После экзамена ректор спросил:

— Где этот мальчик учился пантомиме?

Прошли годы. И вот недавно Александр Калягин вернулся в стихию своей старой привязанности, к «великому немому», к мастеру смеха Чарли Чаплину. В телевизионном фильме «Здравствуйте, я ваша тетя» он воплотился в безработного бродяжку Бабса Баберля из знаменитой пьесы Б. Томаса «Тетка Чарля».

Но вернемся ненадолго в театральное училище имени Щукина. Блистательное поступление не спасло Александра Калягина от обычных бед многих первокурсников актерского факультета, и как он сам вспоминает: «Меня хотели выгнать с первого курса, потому что был дико стеснительным. А со второго курса я внутренне расковался и до конца училища проучился как на крыльях».

К этому хочется добавить: в училище было принято называть курс именем лучшего студента. Курс, на котором учился Александр, называли «курсом Калягина».

После окончания училища он два года работал в Театре драмы и комедии на Таганке, где было много друзей из Щукинского училища. Главный режиссер

Ю. Любимов поощрял самостоятельную работу актеров. Можно было просто выйти на сцену и показать, на что способен. И все-таки из этого театра он ушел, потому что по-иному мыслил самую суть актерской профессии.

— К тому времени у меня уже сложилось представление об актере как создателе уникальных образов по законам школы переживания. На Таганке тоже создавались интересные образы, но по другому пути: от пластики, от ритма. И я понял, что потеряю школу, которую приобрел в училище.

Он стал актером Театра имени Ермоловой, где сыграл много интересных ролей и среди них Поприщина в «Записках сумасшедшего», моноспектакле, где полтора часа оставался на сцене один на один со зрительным залом. Исповедальный характер роли впервые выявил способность Калягина к большой внутренней наполненности при внешних скупых выразительных средствах. И сейчас, когда сыграно более полусотни ролей и в театре и в кино, Калягин считает:

— Поприщин — лучшая моя роль. Благодарен тем, кто и сейчас подходит ко мне и вспоминает эту роль. Я понимаю, что в актерской судьбе важен талант, трудолюбие. И все-таки элемент везения должен присутствовать. Я бы давал каждому молодому актеру роль, в которой он смог бы себя проявить.

Именно с роли Поприщина произошло открытие Александра Калягина театром, кино, телевидением. Сам актер считал, что его внешность не подходит для экрана, так что первое приглашение на кинороль стало открытием и для него самого. Правда, в кинофильме «Николай Бауман» это была практически не роль, а лишь короткое появление на экране. В тот период он брался нередко за случайные роли, которые по-настоящему его не устраивали. Актерская индивидуальность Александра Калягина в кинематографе раскрывалась постепенно. Особенно часто его приглашали на роли комедийного плана, в частности в журнал «Фитиль». Популярность принес Дани Бийчук из фильма «Черный принц». Актера стали узнавать на улице, особенно доставалось ему от насмешливых мальчишек. За детективным сюжетом фильма и смешной фигурой Дани в исполнении актера появилось и иное: предыстория, дозвонная жизнь полууголовника Бийчука и иронически-пренебрежительное к нему отношение самого Калягина.

— Я всегда плохо относился к людям сытым. Если человек сытый, благополучный, по-моему, из него не выйдет толку. Чтобы человек раскрылся по-настоящему, он должен пережить что-то сильное в жизни. Главное, как ты раскрываешься в несчастье. После того как мы прошли через переживания, в нас что-то потухло, а что-то зажглось. А если сытости и равнодушию подвержен молодой человек, я не думаю, что из него получится личность.

реализует свои мысли и чувства, воплощает мечты и желания, оценки и представления. В беседах с Александром Калягиным мы не раз возвращались к проблеме взаимосвязи личности художника и его творчества. И в одной из таких бесед Калягин признался:

— В моей жизни было большое горе, когда в один год умерли жена и мама, а я остался с пятилетней дочкой. Приходила мысль бросить профессию актера, потому что она забирала у меня все силы и время, а ведь все это было необходимо моей дочке. Прошли годы, жизнь взяла свое, но зарубки в сердце остались. И я знаю, как бы счастлив я ни был, эта боль не даст мне зачерстветь душой. Меня всегда волнует проблема человеческой чуткости, отзывчивости, духовности. И в нашей актерской профессии для меня необыкновенно важна атмосфера на репетициях, на съемках, доброжелательность и понимание со стороны режиссера. По-настоящему интересно, с полной отдачей работаешь только с режиссерами-единомышленниками, которые понятны в работе, которым веришь.

Необыкновенно плодотворной стала встреча молодого режиссера Никиты Михалкова и молодого актера Александра Калягина. В первой режиссерской киноработе Михалкова, в фильме «Свой среди чужих, чужой среди своих», Калягину была поручена эпизодическая роль Ванюкина, ставшая в интерпретации актера трагикомическим вариантом негодая. Во втором фильме, «Раба любви», Калягин был занят в одной из ведущих ролей. Он сыграл режиссера немого кино, почти своего тезку, Александра Александровича Калягина. Внешний рисунок роли с ленивой, изысканно-томной пластикой органично вписался в мелодраматический жанр киноленты. И надолго запомнилась фраза: «Есть хочется, худеть хочется, все хочется». Фраза скорее забавная, чем значительная. Но именно в ней и в пластическом решении роли актер передает трагедию одаренного художника, понимающего, что отдал свой талант на потребу толпе в обмен на дешевой успех.

Самой дорогой, трудной и значительной для Калягина стала роль Платонова в третьем фильме Михалкова — «Неоконченная пьеса для механического пианино».

Именно здесь сотрудничество режиссера и актера вылилось для Михалкова в его лучший фильм, а для Калягина в его лучшую кинороль. Авторы фильма и не мыслили в роли Платонова другого актера, она писалась непосредственно «на Калягина».

Но для того, чтобы сыграть эту роль, актер должен был радикально изменить свою внешность. В короткий срок сбросить лишний вес. Эта идея режиссера не понравилась Александру.

— Если вам нужен худой актер, пригласите кого-нибудь другого. А меня принимайте таким, каков я есть.

И все же его отправили домой, напутствовав: «Делай что хочешь, а двадцать килограммов сбрось». Времени до начала съемок оставалось совсем мало, поэтому Александр подумал, что если роль писалась именно для него, то ее все равно никому не дадут, так зачем же напрасно себя мучить. Не предпринимая никаких попыток изменить внешность, он тем не менее приходил на студию и, показывая на свое по-прежнему пухлое лицо, страдальчески говорил: «Посмотрите, ну как?.. У меня уже щеки просвечивают». Худобы, естественно, никто не замечал. И когда его лукавство поняли, авторы фильма вынуждены были пойти на крайние меры. Домой к Александру приехал помощник режиссера и любезно попросил вернуть его экземпляр сценария. Это означало, что роль будут предлагать другому актеру. Но Калягину так страстно хотелось сыграть роль Платонова, что пришлось-таки по-настоящему голодать: в течение недели пить только минеральную воду.

И вот перед изумленными взорами съемочной группы предстал стройный, с огромными, необычайной голубизны глазами и впалыми щеками молодой человек. Это был Александр Калягин.

В роли Платонова впервые в кинематографе выявилась вся полнота и глубина его актерских возможностей. В ней как бы сконцентрировались чеховские мотивы, тонкие перемены настроений, передаваемые актером в неуловимой смене стилей и в то же время внутренней свободой и легкостью. Экранная жизнь Платонова — меньше одного дня, но Калягин за это время проживает ее всю. Жизнь — с высокими стремлениями и крушениями, с обманувшей любовью, несостоявшейся судьбой, с идеалами, затопленными серостью и повседневностью. Жизнь — в страшном обнажении души, когда становится ясно, что предал не только любовь и мечту, но прежде всего предал себя сам. Роль Платонова стала не просто одной из страниц актерской биографии Александра Калягина, а осталась с актером навсегда, стала частью его жизни.

Снимали фильм в Пущине. Никите Михалкову удалось от репетиции к репетиции, от съемки к съемке создать то особое настроение дружбы и взаимопонимания, которое объединило всю съемочную группу. После павильонов «Мосфильма» на съемках в деревне стояла необыкновенная тишина, только из маленького магнитофона все время лилась тихая музыка Вивальди, Моцарта, Доницетти. Калягин вспоминает: «Ощущал этот живой фон, как дыхание».

Итак, в кино Калягин становится «своим среди своих» — его приглашают режиссеры, зрители ждут встречи с ним. Ждут с нетерпением и, дождавшись, как, например, в недавних совсем фильмах «Верой и правдой» и «Допрос», не обманываются: на экране — любимый ими Калягин, отвечающий на эту любовь всякий раз неординарной работой.

Да, в кино Калягин уже давно и прочно свой среди своих, но не дома. Дом Александра — театр; последние годы — МХАТ. Можно, конечно, запастись заплатами, перечислить образы, созданные актером в этом театре, расставляя те или иные оценочные словечки. Но хочу выбрать только один — пусть и субъективно это, — тот, который заявлял бы громко: «На сцене МХАТа — Александр Калягин». Ведь как это много — на прославленной сцене не растерять себя, не раствориться в подражании великим.

И вот образ диспетчера Лени Шиндина из «Мы, нижеподписавшиеся» А. Гельмана. Герой Калягина одержим одной мыслью, одним стремлением — добиться назначения на ответственный пост человека, который заботится только об общем благе, забывая о себе и друзьях. Актер ведет роль, как всплеск души, создавая трогательный образ современного Дон Кихота. В нем присутствуют любимые актером трагикомические нотки, когда после взрывов смеха в зале наступает тишина, когда зрителям в пору заплакать. Александру Калягину присущ редкий и дорогой дар — заставлять людей и смеяться и задумываться. Он умеет по-доброму заглянуть во внутренний мир своих героев, с душевным изяществом раскрыть глубины человеческой психологии. Создаваемые им образы всегда противоречивы, многогранны, богаты мыслями и чувствами, как богаты ими реальные люди, как богата ими сама жизнь.

У него много знакомых и друзей. Естественно, что после работы все, в том числе и актеры, спешат по своим делам. И времени у всех мало. А у Калягина его ничуть не больше, а скорее даже и меньше. Потому что в один день часто и спектакль, и съемка, и театр, и телевидение, а то еще и радио, и концерт. А ведь еще есть семья, дочка, которая его всегда ждет с таким нетерпением, с которой он, пользуясь короткими перерывами между съемками, непременно несколько раз в день говорит по телефону, расспрашивая и советуя, напоминая и объясняя.

Остаться одному у Александра почти никогда не получается, потому что выясняется, что у всех к нему есть дела. Калягин смотрит на часы, что-то высчитывает, решает: успеет или не успеет? Но уже кто-то тянет его в сторону и очень энергично предлагает провести время вместе. Но с другой стороны кто-то шепчет на ухо: «Саша, Саша, послушай...» И вот он стоит и слушает, кажется, это действительно что-то важное, судя по выражению его лица. Кажется, разговор закончен, и Калягин наконец-то идет по своим делам. И тут же к нему навстречу бросается приятель: «Я тебя очень прошу... Пожалуйста, поедем со мной. Успеешь, успеешь, тут рядом. Понимаешь, такого и возму. Едем, Саша». И Александр Калягин всем улыбается, всех слушает, всем кивает головой. Нет, конечно, он не поедет со всеми. Это просто физически невозможно. «Ребята, — говорит он. — Мне самому надо... И я не успеваю». И чаще все получается наоборот: кто-то едет с ним. И, наверное, не это самое главное — кто с кем. Важнее получить, как подарок, улыбку, немного тепла от человека, чье сердце распахнуто навстречу людям.

— Наша актерская профессия — это общение душ, — говорит Александр Калягин. — Свои мысли, все самое главное в роли я передаю людям и счастлив, если зрители понимают меня. Ведь актер работает сердцем.

КАДРЫ ИЗ КИНОФИЛЬМОВ:
«СВОЙ СРЕДИ ЧУЖИХ, ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ»,
«ВЕРОЙ И ПРАВДОЙ»,
«НЕОКОНЧЕННАЯ ПЬЕСА
ДЛЯ МЕХАНИЧЕСКОГО ПИАНИНО».

В фильме «Подранки» образом Дениса актер еще раз подтверждает свою мысль. Голодное военное детство не помешало младшему брату Алексею стать писателем, а вот у «сытого» и благополучного с детства Дениса в исполнении Калягина сам природный талант, творческая профессия архитектора как бы подернулись жирком равнодушия. Дениса мало волнует, какой будет больница, строящаяся по его проекту, но вот «лосятинка с грибами»...

Равнодушие и мастерство — понятия несовместимые. В творческой профессии трудно скрыть изъяны души. Ведь в творчестве художник максимально

ПЕЧАЛЬНЕЙШАЯ ИЗ ТАЙН

Николай МОЙКИН

названием сразу заговорили в прессе, на приемах, в гостях. Ключ к ее популярности был именно в типичности затронутой темы. То, что происходило в семье главных персонажей телеочерка Билла и Пэт Лаудов, писали в те дни американские газеты, происходило — так или иначе, рано или поздно, в большей или меньшей степени — в семьях миллионов американцев. В «сценах из семейной жизни» Лаудов они

НЕ ПРАВДА ЛИ, «НЕЖНЫЕ» ВЗГЛЯДЫ У ЭТОЙ ЮНОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ЧЕТЫ? ВОТ ТАК ЧАСТО НАЧИНАЕТСЯ СЕМЬЯ НА ЗАПАДЕ: ФУНДАМЕНТОМ ОТНОШЕНИЙ СТАНОВЯТСЯ ХОЛОДНЫЙ РАСЧЕТ И ВЕРА В ОДНО-ЕДИНСТВЕННОЕ БОЖЕСТВО — ЧИСТОГАН...

увидели отражение собственных семейных неурядиц, драм и трагедий. Американская публицистка Энни Ройф заметила, что телефильм помог глубже проникнуть в «печальнейшую из тайн — американскую семью».

В телеочерке, помимо истории самой семьи, нарисован довольно многоцветный социальный фон, окружающая среда, которая питала семейное древо Лаудов. Эта среда не удовлетворяет Лаудов. 50-летний Билл и 45-летняя Пэт, разочаровавшись друг в друге и в детях, не могут найти настоящего, живого контакта с другими людьми, с остальным миром. Созданный ими «домашний рай» оборачивается духовной тюрьмой, в которую они замуровали себя, изолировавшись от всех внешних социально-политических и морально-этических событий и потрясений. В течение семи месяцев, пока они жили под «всевидящим оком» кинокамеры, продолжало полыхать пламя вьетнамской войны, а в самой Америке каждодневно давали о себе знать нерешенные проблемы безработицы, нищеты, преступности и расовой дискриминации. Но ничто из того, что происходило вне крепости Лаудов, не интересовало и не волновало их.

Такая изолированность, отчуждение, духовное усыхание характерны не только для Лаудов. И беда эта касается не только семьи. Это общечеловеческая трагедия в мире капитала в целом, где, по сути, все отношения между людьми, в том числе семейные, все порывы и духовные устремления приобретают, по выражению Маркса, овеященный коммерческий характер. Американский социолог Льюис Мамфорд еще четверть века назад так писал об этом овеяствлении жизни в капиталистическом обществе: «Внешний порядок — внутренний хаос. Внешний прогресс — внутренний регресс. Внешний рационализм — внутренняя иррациональность... Проблема нашего времени в том, чтобы уберечь человечество от

МИР КА РАСП С

Среди множества морально-этических, духовных ценностей, созданных человечеством за тысячелетия, не много найдется таких, которые бы неизменно во все времена волновали всех людей без исключения. Одна из таких непреходящих универсальных ценностей — институт семьи. Без него не обходилась еще ни одна эпоха, ни одно государство, ни одна нация. Брачные отношения и неразрывно связанные с ними вопросы любви, нравственности и продолжения самого рода людей не оставляют равнодушными никого из обитателей нашей планеты, независимо от цвета кожи или возраста, политических убеждений или вероисповедания.

В публикуемой очерке речь идет об институте семьи современной капиталистической формации, а еще точнее — об американской семье, представляющей собой во многих отношениях типичную модель буржуазного брака второй половины XX столетия. Эта модель испытывает сегодня серьезные «перегрузки». Кораблю американской семьи становится все труднее сохранять устойчивость в беспокойных, мутных водах нынешней буржуазной морали; старая обшивка на нем начинает угрожающе трещать, а спешно поднимающаяся на его борт «команда» из авторитетных ученых, социологов, всевозможных экспертов по семейным проблемам не может пока предложить каких-то эффективных мер по спасению этого корабля от окончательной катастрофы. «Наше современное, мобильное, вседозволяющее общество ослабило семейные узы, что привело в последние десятилетия к неслыханному росту числа разводов и удвоило число самоубийств среди подростков... Когда в институте брака возникают неполадки, правительство должно предпринимать какие-то действия. Действия нашего правительства оказываются порой ошибочными. Осуществляя широкие программы, оно забывает подчас о человеке»

В Нью-Рошелле, живописном пригороде Нью-Йорка, где мы с женой и сыном снимали квартиру в многоквартирном доме, под нами жила американская семья из шести человек — муж, жена и четверо детей. Почти каждый вечер внизу, как по партитуре, разыгрывалась одна и та же пьеса: громко или не очень громко ссорились супруги, которых тщетно пытались разнять дети и собака. Поначалу обстановка в семье наших соседей поражала нас, потом мы привыкли к их «темпераментам». Тем более что днем при встрече в лифте или во дворе они всегда приветливо, как ни в чем не бывало, улыбались, их лица, особенно у Дженни, светились радостью. Уже за несколько дней до моего отъезда в Москву Стэн, муж Дженни, за рюмкой «кровоавой Мэри» (так в Америке называют водку, смешанную с томатным соком) с грустью поведал мне свою семейную историю. С женой они прожили вместе почти четверть века, нажили детей и кое-какое состояние. Типичная среднеамериканская семья: есть потомство, работа, машина и прочие материальные блага. Но нет благополучия семейного.

Впрочем, и сама семейная драма наших соседей была, оказывается, тоже типичной для «средней» Америки. В этом я вскоре убедился, посмотрев по телевидению передачу «Американская семья». О 12-часовой документальной киносерию под таким

ПИТАЛА: АД ЕМЬИ

совершения духовного самоубийства именно в тот момент, когда нас возносят на гребень ликования наши односторонние механические победы».

Приступая к созданию телеочерка «Американская семья», его продюсер К. Гильберт хотел уяснить для себя и для миллионов других американцев, каким образом «огромные технические, социальные и культурные изменения последних 50 лет повлияли на каждодневную жизнь американской семьи». Он намеренно избрал ареной своих документальных съемок Калифорнию — Мекку «новой жизни», колыбель новых веяний в Америке. И если Гильберту не удалось до конца уяснить, по-научному обнажить перед зрителем социально-философские корни семейной драмы Лаудов (которые в конце концов разводятся), зато ему удалось нарисовать вполне убедительную общую картину того, как материально-технический прогресс в США и связанное с ним усиливающееся овеществление отношений между людьми все больше и все сокрушительнее наваливаются на институт брака.

В книге социолога Б. Уоттенберга «Настоящая Америка» указывается, что самую большую угрозу для семейной жизни в США представляет собой «матери-

тысячи детей, 15 тысяч становятся калеками, а в общей сложности не менее 2 миллионов малышей и подростков оказываются жертвами различных форм жестокости. В стране взято на учет более миллиона беспризорных детей, 2,5 миллиона детей-наркоманов. Около миллиона малолетних американцев так или иначе вовлечены в проституцию и «кидди-порн» — порнографический бизнес на детях. В одном только Лос-Анджелесе насчитывается, по данным полиции, 30 тысяч детей (многим из них нет и пяти лет), которых используют при изготовлении порнографических книг, открыток, фильмов. Некоторые дети, по существу, продаются или «сдаются в аренду» для этих целей самими родителями.

ПОДОБНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ЗАВЕРШАЮТСЯ ЧАШЕ ВСЕГО ВОТ ТАК...

ализм». Под «материализмом» ученый имеет в виду «погоню за вещами и деньгами», которые все заметнее оттесняют на второй план остальное, в том числе духовную близость. Журнал «Ю. С. Ньюс энд Уорлд рипорт», размышляя о разрушении традиционных семейных ценностей, упоминает «новые формы» семейного времяпрепровождения, такие, как совместное посещение супружескими парами секс-клубов, добровольный «обмен женами» и прочие методы «экзотической бракотерапии», что в конечном итоге приводит к дестабилизации семьи, росту числа разводов и отсутствию нормальных условий для воспитания и жизни детей.

По данным бюро переписи США, в 1973 году в стране насчитывалось более 54 миллионов семей, при этом число разведенных составляло около 4 миллионов человек. В 1977 году число разведенных в США достигло уже 8,1 миллиона, а число семейных пар сократилось до 48 миллионов. С 1970 по 1977 год число разводов в Америке увеличилось почти на 80 процентов. По числу разводов Соединенные Штаты прочно держат пальму первенства среди развитых капиталистических стран. Четверо из каждых пяти разведенных американцев снова вступают в брак, однако 40 процентов повторных браков вновь распадаются. По данным того же бюро переписи, в 1977 году число американских детей в возрасте до 18 лет, воспитывавшихся в семьях без отцов, возросло по сравнению с 1970 годом на 3 миллиона человек.

Бесспорно, положение детей красноречивее, чем какие-либо иные показатели, отражает ситуацию в семье и в обществе в целом. Так вот, по свидетельству американской прессы, 10 миллионов детей в США не имеют возможности пользоваться регулярным медицинским обслуживанием. Ежегодно в Америке от родительских побоев погибают примерно 2

Дестабилизации семьи, росту числа разводов и травмированию психики ребенка способствует другой фактор — сам образ жизни, характерный для Соединенных Штатов. Сегодняшнюю Америку недаром называют «нацией на колесах». Около 40 миллионов американцев (пятая часть населения страны) по крайней мере раз в год меняют место жительства. Средний американец в течение жизни совершает примерно 14 переездов (средний британец переезжает с места на место в течение жизни 8 раз, японец — 5 раз). Одна из причин такой мобильности — стремление преуспеть, не отстать от других, угнаться за «длинным долларом», ибо деньги, по выражению Б. Уоттенберга, есть «основное мерило положения человека в американском обществе».

Коммерческий «материализм» в США оттесняет все дальше на второй план такие человеческие качества, как порядочность, моральная чистота, он все больше разьедает саму основу полноценного брака — любовь. В романе американского писателя Г. Роббинса «Искатели приключений» изображено несколько семейных пар, судьба которых довольно показательна для современного буржуазного брака не только в Америке, но и вообще на Западе. Один из изображенных в романе семейных союзов (Марсель Кэмпин — Энн Эбайджан), созданный исключительно по расчету отцом Энн, богатым судовладельцем из

ской личности и действует напропалую» — это признание Джими Картера, президента США.

Автор публикуемого очерка, журналист-международник Николай Мойкин, несколько лет проработавший в США, на основе собранного им материала показывает кризисное состояние, которое переживает сегодня институт буржуазного брака в США (равно как и во многих других странах Запада), делится своими наблюдениями, почерпнутыми из американской действительности, приводит суждения и оценки специалистов.

Разрешима ли вообще проблема семьи в буржуазном обществе? Можно ли отыскать ключ к этой «печальнойшей из тайн» в мире капитализма?

Основоположения марксизма-ленинизма, проследившая историю возникновения и развития семьи от времен варварства до современной фазы цивилизации, писали, что предпосылкой истинного семейного счастья является прежде всего «полная свобода при заключении брака». В поисках ответа на вопрос о «печальнойшей из тайн» вспомним рассуждение Фридриха Энгельса из его знаменитого труда «Происхождение семьи, частной собственности и государства»: «Полная свобода при заключении браков может... стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранил все побочные, экономические соображения, оказывающие теперь еще столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше никакого другого мотива, кроме взаимной склонности».

А пока страницы прессы Запада, эфир и экран заполнены фактами и цифрами, подводящими к выводу: распад семьи стал одним из явлений повседневной жизни в мире капитализма, и действенных средств борьбы с ним буржуазное общество не в силах найти.

Нью-Йорка, и тщеславным молодым бизнесменом Марселем Кэмпбином, в конечном итоге распадаются. На процессе при расторжении брака Амос Эбайдижан, надевшийся с помощью денег обеспечить счастье дочери, вынужден с горечью признать, что зять в корыстных целях «использовал его капитал и его дочь», а когда добился желаемого, то решил «вышвырнуть» жену. Еще резче отзывается о Марселе Энн: для нее он — человек, «обезумевший от жажды наживы и власти». Другая семья (Серж Найкович — Сью Энн Дейли) — тоже плод сделки. Оказавшись в затруднительном финансовом положении, Найкович, «человек без гражданства», без родины, женится на любвеобильной американке Сью Энн только потому, что у нее богатое наследство. Засомневавшись было на миг в своем шаге, Серж спрашивает Сью Энн, достаточно ли ей одного только физического удовлетворения, чтобы выйти за него замуж.

«Для меня достаточно. Что нужно еще, когда мужчина и женщина подходят друг другу так, как мы с тобой?» — таков ответ Сью Энн.

«Есть нечто, называемое любовью».

«Ты начинаешь рассуждать, как идиот. Может быть, ты объяснишь мне толком, что такое любовь?».

Серж, не любивший Сью Энн, промолчал.

Дополнительный штрих к этому диалогу в известной степени характеризует отношение «среднего» американца к браку. В церкви, где происходит венчание Сержа с Сью Энн, один из присутствующих американских репортеров говорит другому:

«Подумать только! Через десять минут он выйдет отсюда уже не разорившимся неудачником, а богачом с 50 миллионами долларов в кармане!»

«Завидуешь?» — спросил приятель.

«Завидую, черт побери!».

Брак С. Найковича и С. Э. Дейли также заканчивается разводом.

Разговор о судьбе семьи в Америке будет неполным, если не остановиться на некоторых предпосылках и причинах семейных катастроф, связанных с чисто американской спецификой историко-политического, социально-экономического и культурного развития.

В книге историка и социолога Ф. Слэйтера «Преследование одиночества» есть такое рассуждение: «Америка заселялась... людьми, которые по своим личным качествам не могли добиться успеха в социальных условиях родной страны и которые бежали от этих условий, надеясь на лучшую жизнь в других местах. Вследствие этого происходил сложный процесс отбора. Мы всегда — прямо или косвенно — подчеркиваем положительную сторону этого отбора, отмечая, что судьба ниспослала Америке необычайно много энергичных, расторопных, целеустремленных, оптимистически настроенных людей... Однако очень мало внимания обращается на отрицательные аспекты этого отбора. В нашу страну приезжали люди не только энергичные и дерзающие, но и такие — и они составляли львиную долю иммигрантов, — которые нигде не имели пристанища и не брезговали никакими средствами, люди, которые ставят деньги выше человеческих отношений, а самовозвеличивание — выше любви и порядочности».

Ф. Слэйтеру вторит и развивает его аргументы американский писатель Гор Видаль: «Боюсь, что Соединенные Штаты всегда были страной, заселенной предприимчивыми дельцами из торев и глухих мест старой Европы... Я полагаю, что система американского общества на своей нынешней стадии загнивания недостойна сохранения. Первоначальный успех Соединенных Штатов был, по существу, случаен. Богатый, почти пустынный континент стали эксплуатировать хищные европейцы, превращая африканцев в рабов, а индейцев — в трупы».

Итак, прагматизация, овеяние человеческих отношений, в том числе семейных... Созданные впоследствии «предприимчивыми дельцами» и действующие поныне политические, социальные и юридические институты США лишь закрепили и увековечили коммерческий дух сложившихся морали и этики.

По мнению многих политических деятелей, ученых и «рядовых американцев», вся нынешняя система общественных институтов в стране и последствия, связанные с их функционированием, вызывают недовольство у широких слоев населения. Известный публицист Том Уикер писал, что в Америке «отсутствует качество жизни сверху донизу». Сенатор Эдвард Кеннеди отмечал: «Куда бы я ни поехал, всюду я обнаруживаю, что американцы — бедные, из среднего класса или богатые, белые, чернокожие или метисы, в больших городах, сельской местности или в пригородах — все испытывают глубокую неудовлетворенность жизнью». При широком опросе общественности в 1971 году 64 процента американцев заявили, что страна «катится по неправильному пути».

Если говорить конкретно, то «среднего» американца беспокоят больше всего, как утверждают социологи, три проблемы: непрекращающаяся инфляция,

преступность и эрозия традиционных ценностей. Последняя вызывает тревогу не только у «средних» американцев. Одна из служб по изучению общественного мнения США обратилась к группе бывших однокурсников Гарвардского университета — представительей весьма состоятельной и привилегированной прослойки общества — с вопросом: какая из общих проблем Америки, на их взгляд, самая серьезная? Ответом было: «Падение морали».

Разумеется, климат общей неудовлетворенности, разочарованности «американским образом жизни», распространившийся на многие слои общества, не может не оказывать негативного влияния и на сферу семейных отношений. Семья, как одна из традиционных ценностей, страдает от эрозирующей «новой морали» капиталистического общества в первую очередь.

Но как же уберечь семью от мутных волн и ветров этой «новой морали»? Как укрепить ее корни, оздоровить питающую ее почву? Что надо сделать, чтобы человек смог прожить отведенный ему короткий промежуток времени, называемый жизнью, счастливо? Ответы на эти вопросы неустанно ищут сегодня миллионы американцев, которых волнует собствен-

обитатели вынуждены были вернуться в реальный мир, к прежнему беспокойному семейному существованию или безысходному одиночеству.

Нежеланный удел многих американцев — бессемейное одиночество — стал предметом изысканий группы исследователей, стремящихся по-своему разрешить кризис современной американской семьи. Они предложили такой выход: вообще упразднить брак, заменив его «счастливым холостяцким (незамужним) одиночеством». Молодой американский публицист С. Льюис защищает идею безбрачия на том основании, что-де жизнь в одиночку «становится все более популярным и жизнеспособным стилем существования, избранным 48 миллионами взрослых американцев». Судя по всему, культ безбрачия в США действительно стал заметным социальным веянием. Специально для одиночек строятся жилые комплексы и дома отдыха, открываются бары и загородные клубы, организуются научные и культурные ассоциации. На какое-то время безбрачие стало «модной» темой в кино, театре, газетах, в программах телевидения. «Живи, наслаждаясь. Не связывая себя никакими обязанностями» — такова несложная аргументация сторонников безбрачия.

Свидетельствует
пресса Запада:
«СКАНОРАМА»
(Швеция)

РАЗВОД С МАМО

«Необходимо подготовить закон, который гарантировал бы детям право отделиться от родителей, если последние не разделяют их убеждения и идеи и их совместная жизнь стала невозможной». Это предложение, которое является беспрецедентным в юриспруденции, было сделано 52-летней шведкой по имени Ула Якобсон, профессором права и депутатом парламента. Проект закона был представлен в Северный совет и вызвал оживленные комментарии печати и массу протестов. Ассоциация родителей Швеции, политические партии и различные общественные организации квалифицировали подобное предложение, как попытку грубого вмешательства в семейные дела добропорядочных граждан. Но... в то же время Улу Якобсон поддержали многие адвокаты, психологи и учителя, которые в принципе согласились с тем, что молодежи надо дать право отказываться от родителей, если последние их не устраивают. А такое, как известно, стало чем-то вполне обыденным.

Мать троих детей, профессор Ула Якобсон решила довести до конца свой крестовый поход. Она организует собрания, читает лекции и проводит широкую разъяснительную работу. «Мы привыкли к тому, что взрослые могут ссориться и расходиться. — заявляет она. — Грустно, что все считают это в порядке вещей. Но если двое взрослых сами решают вопрос о том, жить им вместе или разойтись, то нет никаких юридических и просто человеческих причин для того,

ная семейная судьба и судьба их детей. Ищут выход из «семейного тупика» и ученые.

Ряд американских социологов полагает, что для того, чтобы спасти накренившийся корабль семейного благополучия от окончательной катастрофы, нужно обеспечить для супружеских отношений «пробную, временную» основу. Другие предлагают сделать институт брака как таковой «открытым» — настезь распахнуть его двери, снять все замки и засовы, мешающие проявлению «свежих эмоций и порывов».

Еще одну категорию исследователей привлекает идея группового брака или семьи-коммуны. Одна из наиболее известных в США брачных коммун под названием «Туин оукс» (в переводе — «Дубы-близнецы») была организована в 1967 году в штате Вирджиния. Состав ее был непостоянным. Люди, в основном молодые супружеские пары или одиночки, приходили и уходили, некоторые жили в коммуне по несколько месяцев, другие по несколько лет, но все старались соблюдать заведенные правила и законы. Между обитателями коммуны не существовало никакого разграничения в отношении работы. И мужчины и женщины готовили пищу, мыли посуду, убирали помещения, нянчились с детьми, водили грузовики и тракторы, чинили забор, возили сено, забивали скот. В «Туин оукс» в соответствии с философией «открытого брака», по сути, не было никаких сексуальных ограничений. Секс в любых его формах был наряду с работой, прогулками, едой или игрой на гитаре частью «здорового образа жизни».

Просуществовав пять с лишним лет, коммуна распалась. «Мир в миниатюре», «идиллия», «утопия», как характеризовали ее социологи, не выдержала испытания временем и самой жизнью, и ее бывшие

Впрочем, в конце концов даже к самым убежденным «безбрачникам», как правило, приходит глубокое разочарование. Я позволю себе привести характерные высказывания молодых американок, прошедших через «огонь и воду» длительного и активного безбрачия (две из них — жительницы Нью-Йорка, третья — из Калифорнии).

«Когда я приехала в Нью-Йорк, все мне казалось сенсационным. Я не хотела выходить замуж. Восемь лет я посещала бары и летние дома отдыха в Хэмптоне и Файер-Айленде, бывала на вечеринках, открытых и закрытых... Я попросту растратила все это время впустую».

«Места, где собираются одиночки, похожи на аукционы скота. Все время, пока находишься здесь, чувствуешь себя каким-то товаром, выставленным в витрине. В конце концов от этого ничего не выигрываешь, а уважение к самой себе теряешь быстро».

«В жизни наступает момент, когда нужно очнуться и согласиться с тем, что быть одиночкой — это отнюдь не значит ощущать всю полноту жизни».

Начав в Нью-Йорке собирать материал об американской семье, я специально посетил в городе несколько мест, где встречаются одиночки — и молодые и старые. Признаться, атмосфера, царящая в этих местах, поначалу действительно может показаться привлекательной, располагающей. Но когда присмотришься, прислушаешься к собеседнику, понаблюдаешь — заметишь и другое: большинство посетителей этих мест отличают явный или заgrimированный пессимизм и разочарование. Наигранная бодрость и «жизнелюбие» особенно заметны у бессемейных за всегдатаев «Роузленда» — самого, пожалуй, большого в Нью-Йорке танцевального зала на 52-й улице

близ Бродвея. Публика тут очень пестрая, но преобладают люди более чем среднего возраста. Много нарумяненных старушек и сухих, будто накрахмаленных старичков. У многих — грусть в потухших глазах...

Американский философ Эрик Фромм в своей книге «Искусство любви» писал: «Полное удовлетворение всех инстинктивных потребностей не только не составляет основу для счастья, но даже не гарантирует здорового восприятия вещей». В определенной степени эта мысль может быть отнесена и к людям, которые ищут счастье в бессемейном одиночестве, полностью раскрепощая свои инстинкты. Характерно в этой связи замечание американского психотерапевта Э. Маргенау, лечившего обитателей жилых комплексов для одиночек в Калифорнии. «Мужчины и женщины, поселяющиеся в этих огромных комплексах», — говорил он, — надеются избавиться от своих внутренних недугов, анестезируя себя стилем жизни, суть которого в том, чтобы с ритуальной размеренностью напиваться, одурманиваться наркотиками и делить с кем-то постель. Сам характер их взаимоотношений в этих домах не подразумевает связи с чем-то реальным, даже связи с собственными чувствами».

Есть и другие свидетельства, позволяющие провести небезынтересные параллели между теми, кто

включают среди прочего беспокойство, отчаяние, обезличивание, апатию, социальную неорганизованность, пессимизм, потерю веры в извечные человеческие ценности, включая искусство, любовь, семью. Некоторые специалисты по проблемам брака полагают также, что культ бессемейного одиночества — это неосознанный стихийный протест против типичной буржуазной семьи, являющейся в своей основе коммерческой сделкой...

Среди исследователей, ищущих пути разрешения или облегчения семейного кризиса в США, определенное место занимают сторонники брачного маклерства. По их мнению, прочность семьи зависит прежде всего от ее «закваски», от правильности подбора будущих супружеских пар. Для того, чтобы этот подбор оказался оптимальным, надо использовать, считают специалисты, не только традиционные «сватовские» методы — брачные конторы, объявления, консультации и т. п., но и самые новейшие достижения науки. Особые надежды возлагаются на техническое чудо XX века — компьютер.

Упомянутый Дж. Бернارد рассматривает компьютеры как «наиболее эффективное средство решения вопросов, ответы на которые молодежь старается найти сама с помощью «дедовских» методов на

личном опыте убедился, какие пути ведут к счастью, а какие могут привести к несчастью.

Несколько лет тому назад американские ученые Э. Пьетропипто и Ж. Сайменор провели опрос 4 тысяч мужчин, представлявших все возрастные группы, социальные прослойки и географические зоны Соединенных Штатов. Заданные вопросы касались взглядов на семью и любовь. 70,4 процента опрошенных выразили убеждение, что самое надежное и естественное состояние для мужчин — быть женатым. Для одной трети любовь была «самой важной вещью в жизни», для других 30 процентов она была обязательным условием нормальной половой жизни. Лишь 6 процентов заявили, что любовь изжила себя. В общей же сложности более 90 процентов из 4 тысяч опрошенных американских мужчин считают, что любовь и семья «необходимы и важны» для человека.

Подобный же опрос был проведен и среди американских женщин. Молодая журналистка Натали Гиттелсон исколесила полстраны, проинтервьюировала около тысячи американок и написала на основе собранной информации интересную книгу. Среди полученных ею разнообразных ответов на вопрос о значении семьи лейтмотивом звучала фраза: «Брачные узы — это одна из самых фундаментальных потребностей человечества». Н. Гиттелсон не нашла универсального рецепта семейного счастья, но вот как она суммирует свои рассуждения: «Настоящие браки имеют свои времена года — и засушливые и урожайные; свои температурные перепады — от жары до заморозков; свою погоду — и солнечные дни и ненастье. Настоящие семейные союзы переживают всю гамму человеческих эмоций со взлетами, сомнениями, порывами, вечным бурлением. В этом они отличаются от других долго сохраняющихся браков, которые, кажется, застыли на полубезжизненных, не изменяющихся равнинах».

Американской журналистке вторит ее соотечественница Айвэдин Клейком из Пенсильвании. Ей 67 лет, из них 51 год она замужем. Вместе с мужем они до сих пор работают, владея небольшой фирмой по перевозке грузов между штатами. Им помогают дети — у них их семеро. «За полвека нашей супружеской жизни у нас были и взлеты и падения», — заявила Айвэдин в интервью журналу «Ридерс дайджест». — Но мы все выдержали. Секрет прочности нашего брака — во взаимных усилиях. Нужно давать, а не только брать. Нужно быть честным и уметь соглашаться. Брак — превосходная вещь, когда два человека понимают друг друга».

В том, что для большинства американцев дороги семья и любовь, я убеждался, живя в США, не только по газетам и журналам. Почти все люди, с которыми мне довелось беседовать на тему семейных отношений, верили в брак и любовь, верили в их непреходящее значение и всеисцеляющую силу. Характерно, что о семье как о «самой важной вещи на свете» отзывались не только те, кто был счастлив в браке, но и те, кто потерпел семейную катастрофу.

Однажды по стечению обстоятельств мне пришлось познакомиться с американской пианисткой — назовем ее Мэри. На вид ей было немногим за 40, несколько лет назад она развелась, 12-летний сын с ее согласия остался с отцом, а она — одна — одна в трехкомнатной квартире на Парк-авеню (фешенебельная улица в Нью-Йорке). Мэри оказалась интересной, искренней собеседницей. Чувствовалось, что у нее наболело на душе и ей хотелось, как это бывает в таких случаях, поделиться с кем-то своими мыслями, своим настроением. Когда мы расстались после беседы в кафе, я тут же почти слово в слово записал основное содержание «исповеди» американки в блокноте. Вот эта запись:

«...Я одинока. Хочу встретить человека, который бы полюбил меня и который был бы приятен и верен мне. К мимолетным встречам я охладела. Мне нужна полная отдача и преданность, а не приключения ветреной молодости. Я верю в отношения между двумя людьми — им и ею, а не в полигамию секса... Я чувствую, что до конца дней останусь в одиночестве, не выйду больше замуж. И многие другие в Америке проводят жизнь в таком же одиночестве. Я знаю многих, кто разводится. Спасают друзья, работа...»

Да, институт брака в США переживает трудные времена. Наблюдения и исследования показывают, что от кризиса современную американскую семью не спасают ни «пробная, временная» основа в супружеских отношениях, ни освобождение брачных уз от всех «замков и засовов», ни семейные коммуны, ни электронные свахи, ни тем более культ безбрачия. Ученым и специалистам, стремящимся разработать оптимальную формулу брачного благополучия, не удается пока хоть как-то приблизиться к эффективному разрешению семейной проблемы.

Но разрешима ли в принципе, для всех и каждого, проблема семьи в буржуазном обществе с его коммерциализацией человеческих отношений? Можно ли отыскать ключ к «печальнойшей из тайн» в мире капитала?

И И ПАПОИ?

чтобы не отнести это правило к детям, поскольку их родители даны им природой».

Государственная организация в защиту прав молодежи выступила в поддержку этого предложения. «Мы уже очень давно ждем подобного закона», — заявила ее председательница Гуниель Лине. — Личность многих детей подавляется родителями, которые зачастую внушают им устаревшие взгляды. Конечно, добра своим чадам желают все родители, но само понятие добра часто трактуется ими по-разному. Далеко не все родители являются в душе педагогами, и ребенок при всей своей любви к матери и отцу отчетливо видит их недостатки и может сделать соответствующее сравнение. Такие дети могли бы уйти от родителей, и закон должен тут стоять на страже их интересов».

В дебаты включился и бывший министр юстиции Швеции Руно Густавсон. «Если такой закон будет принят», — говорит он, — то дети получат чудесное оружие для борьбы с родителями. Ваш сын может совершенно спокойно заявить вам: или покупайте мне мотоцикл, или я с вами развожусь. Фундамент такого важнейшего социального института, как семья, получит новую опасную трещину. А семья, как известно, — первичная ячейка любого общества. Имеем ли мы право нанести ей еще один опасный удар?»

На эти критические замечания Ула Якобсон отвечает, что ее проект предусматривает довольно сложную процедуру его реализации. Дети, желающие «отлучить» от себя родителей, должны подать соответствующее заявление в отдел по делам несовершеннолетних своего административного района. Предоставлять право «на развод», по мнению Улы Якобсон, следует детям начиная с 15 лет.

Еще одна дискуссия на тему «Быть или не быть семье?». Не очень-то веселая дискуссия.

вечеринках для одиночек, во время круизов холостяков, в бюро знакомств, через объявления и т. д.».

Основная трудность при использовании ЭВМ для сватовских целей — определить, по какому принципу составлять для них программы. Специалисты по проблемам брака считают, что при разработке таких программ исходить нужно не из пожеланий и требований будущих супругов, а из опыта бывших супружеских пар. Нужно выяснить, какие семейные пары выдержали испытание временем и сохранили брак, а какие не выдержали и распались.

Эксперты по проблемам брака подчеркивают, что компьютеры могут оказаться особенно полезными для женщин. Они смогут тогда брать инициативу в свои руки, смогут сами решать, с кем знакомиться, кого выбирать в мужа. По крайней мере, считают ученые, услуги компьютера позволяют женщине без ущемления чувства собственного достоинства, без напрасной потери лет прополку сорняков на значительной площади, прежде чем ей по-встречается нужный мужчина».

Разумеется, при этом подчеркивается: цель, которая ставится при использовании ЭВМ в практике брачного посредничества, заключается не в том, чтобы вообще исключить из жизни неудачные браки (что совершенно невозможно), а в том, чтобы свести эти неудачи к минимуму.

И все же, несмотря ни на что, многие и многие американцы оптимистично смотрят на будущее семьи и брака — особенно те, у кого семейная жизнь сложилась удачно, кто огражден от семейных бурь и трагедий в силу своего характера или обстоятельств судьбы, кто, прожив долгую жизнь, на

придерживается вековых традиций семьи, и теми, кто эти традиции заменил на безбрачные эксперименты в области наркомании и «практической» сексологии. Джордж Гильдер в своей книге «Сексуальное самоубийство» делает вывод, что любовь и семья гарантируют психологическую стабильность в обществе и что на долю одиноких американских мужчин, развлекающихся холостяков, которые придерживаются теории «потока наслаждений», выпадает так или иначе самый горький жребий: ими заполняются «от 80 до 90 процентов категорий социальной патологии». В США процент самоубийств среди мужчин-одиночек почти в два раза превышает процент самоубийств среди семейных мужчин.

Газета «Нью-Йорк таймс» писала как-то, что «в любом цивилизованном обществе семья на сегодняшний день остается основным социальным звеном» и что она «стоит того, чтобы ее сохранить — ради нее самой, ради детей, ради продолжения рода человеческого». Подобный же вывод делает в своей книге «Будущее брака» профессор Дж. Бернанд, посвятивший изучению проблем семьи более 40 лет. По его убеждению, «сама природа общества, цивилизованного или находящегося на стадии племенного развития, обязательно требует какой-то формы брака».

Кстати, многие американские социологи считают, что культ безбрачия, потеря веры в семью — это одна из граней человеческого отчуждения, являющегося в буржуазном мире «главным результатом воздействия капитализма на личность». Под «отчуждением» в капиталистическом обществе подразумевается целый ряд различных психосоциальных нарушений и сдвигов в мировосприятии человека. Эти нарушения

ОЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТОКОВ

ПОДВОДЯ ИТОГИ

Итак, финишировал «Олимпийский турнир знатоков», организованный редакцией нашего журнала в преддверии московских летних Игр.

Напомним читателям, что этот массовый заочный конкурс для знатоков олимпийского движения и любителей спорта проходил в три тура. Вопросы и задания публиковались начиная с первого номера этого года и вызвали у нашей молодежной (и не только молодежной) аудитории живой интерес. Редакция получила свыше 10 тысяч писем. Причем это была не обычная журнальная почта. Было прислано много альбомов, авторы которых собственноручно иллюстрировали их и заполняли разнообразными сведениями. А Михаил Гетман из села Червоноармейское Болградского района Одесской области прислал даже целый планшет, или плакат, словом, нечто размером с конструкторскую чертежную доску.

Оговоримся сразу, что жюри «Олимпийского турнира знатоков», испытавшее немало трудностей при изучении конкурсной почты, хоть и обращало внимание на оригинальность и красочность оформления ответов, все же гораздо большее значение придавало правильности и полноте сообщений. И здесь надо отметить одну существенную деталь. Дело в том, что вопросы и задания каждого тура распадались на две части: три вопроса по истории спорта и олимпийского движения и два задания, требовавшие от участников прогнозов на Олимпиаду-80. Выбирая именно такой вариант, мы стремились к тому, чтобы в турнире участвовали и побеждали не только те, кто умеет внимательно читать спортивные книги и справочники, но и настоящие болельщики, которые из года в год следят за развитием олимпийского движения и способны предугадать наиболее вероятные итоги Игр в Москве.

Однако незадолго до Олимпиады-80 произошли события, которые трудно было предвидеть. В результате бесцеремонного политического давления администрации Белого дома в Москву не смогли приехать атлеты из США, ФРГ, Японии и некоторых других государств. Но бойкот, целью которого было торпедировать не только Игры в Москве, но и саму благородную идею олимпизма, потерпел крах. Состязания в нашей столице прошли триумфально — как с организационно-технической, так и с сугубо спортивной точки зрения. Небывалый «золотой дождь» мировых, олимпийских и национальных рекордов — тому подтверждение. Олимпиада оставила самые яркие и оптимистические впечатления о себе — у всех, кто способен был объективно и честно оценивать итоги московского форума спортсменов планеты. Благодаря искреннему дружелюбию советских людей, благодаря огромным, истинно всенародным усилиям, направленным нашей страной на подготовку Олимпиады-80, благодаря нацеленности на справедливую спортивную борьбу всех участников Игр, главным соревнованиям четырехлетия не помешали никакие искусственно созданные политические «риффы и мели».

Жюри приняло во внимание сложность задачи, возникшей перед участниками конкурса. Главным фактором в оценке читательских писем стала точность и глубина ответов прежде всего на исторические вопросы. Что же касается прогнозов, то искали не идеальных «попаданий», а наиболее близких к «истине», понимая, что в такой ситуации почти невероятно угадать подлинный результат.

И вот наша «судейская коллегия», в которую вошли спортсмены, журналисты, преподаватели и студенты Государственного центрального ордена Ленина института физической культуры, подвела итоги и назвала имена обладателей первых

призов — ТРЕХ СКЛАДНЫХ ДОРОЖНЫХ ВЕЛОСИПЕДОВ МАРКИ «КАМА», вторых призов — ДЕСЯТИ ОЛИМПИЙСКИХ МИШЕК и поощрительных наград — ПЯТНАДЦАТИ ПОДАРОЧНЫХ АЛЬБОМОВ «ОТ АФИН ДО МОСКВЫ» с автографами советских спортсменов — олимпийцев.

Первого приза удостоены:

Давид ДАВЫДЯНЦ, инженер-электрик из Ставрополя,

Ирена ИКАУНИЕК, инженер-математик из Латвии.

Ольга ГРАЧЕВА, 14-летняя школьница из города Орска.

Второй приз присужден:

Константину ВАСИНУ, сотруднику милиции из украинского города Луцка, **Анатолию ГРОМОВУ**, инженеру-конструктору из Кирова, **Михаилу ГЕТМАНУ**, директору Дома культуры села Червоноармейское Болградского района Одесской области, **Валентине ДЕМИНОЙ**, пенсионерке из Барнаула, **Юрию ЕФИМОВУ**, военнослужащему из Туркменистана, **Галине СЕМЧЕНКО**, студентке из Смоленска, **Валентину ГУЖОВУ**, главному агроному колхоза имени В. И. Ленина, Архангельской области, **Любови ЗАХАРОВОЙ**, студентке из Якутска, **Александру ПУСТОВАЛОВУ**, термисту из подмосковного города Электросталь, **Борису ТИЛИШЕВСКОМУ**, фрезеровщику из Ростова-на-Дону.

Всех победителей турнира редакция пригласила в Москву, и 26 сентября им были в торжественной обстановке вручены наши призы. В церемонии награждения приняли участие известные советские спортсмены, журналисты и представители предприятий, безвозмездно изготовивших и передавших в дар победителям конкурса велосипеды и мишек.

Жюри назвало также имена обладателей поощрительных призов — альбомов «От Афин до Москвы», высланных нашим лауреатам по почте. Ими стали:

Александр ПЕТРОВ, школьник из села Новомихайловка Коченевского района Новосибирской области, **Владимир ВЛАСОВ**, студент из Кемерово, **Александр ТАРАСОВ**, студент из села Дьяково Октябрьского района Курской области, **Игорь ПАРАМОНОВ**, корреспондент газеты «Волжский автостроитель» из Тольятти, **Сергей ХРИСТОФОРОВ**, студент из Казани, **Владимир РЕГУНСКИЙ**, учитель истории из села Буканка Мамонтовского района Алтайского края, **Николай РУДЯКОВ**, инструктор физкультуры из Волгограда, **Виктор ТРЕГУБОВ**, школьник из Кемерово, **МОЩИЦКАЯ** (к сожалению, не указавшая своего имени), пенсионерка из Иркутска, **Василий ИВАНСКИЙ**, старший инспектор уголовного розыска из поселка Вычегодского Котласского района Архангельской области, **Резва СЕМИАШВИЛИ**, аспирант из Краснодара, **Владимир МАМЕДОВ**, бурильщик из города Небит-Даг Туркменской ССР, **Анатолий ФИРСОВ**, старший мастер ПТУ из Ташкента, **Фаат ФАХРУТДИНОВ**, инженер из Москвы, **Геннадий ХРЯЧКОВ**, учитель физкультуры из Ленинграда.

Кроме того, по предложению жюри «Олимпийского турнира знатоков» редакция наградила почетными дипломами за успешное участие в конкурсе еще 23 человека — дипломы также высланы по почте.

Жюри конкурса и редакционная коллегия журнала «Смена» горячо поздравляют победителей турнира. Вы уже доказали, друзья, что любите и знаете спорт как болельщики. Можно только пожелать вам, чтобы вы знали его еще и «изнутри» — как физкультурники и спортсмены.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ КОНКУРСА

I ТУР

1. На первом конгрессе, посвященном возрождению Олимпийских игр современности, обсуждалось несколько вопросов. Какие это были вопросы и когда проходил конгресс?

2. Назовите имена двух олимпийских чемпионов, которым воздвигнуты памятники в одной стране.

3. Сколько медалей советские спортсмены завоевали в своем первом выступлении на Олимпийских играх? Когда и где состоялся наш олимпийский дебют?

4. Ваш прогноз: кто из бегунов станет победителем Олимпиады-80 в беге на 100 метров?

5. Попробуйте назвать обладателей всех трех комплектов медалей в мужском волейбольном турнире.

1. По инициативе французского общественного деятеля барона Пьера де Кубертэна 23 июня 1894 года в Сорбонне был созван первый Международный спортивный конгресс, на который прибыли представители 13 стран, а еще 21 страна прислала письма, приветствующие намерение возродить Олимпийские игры. Программа конгресса состояла из двух основных вопросов: 1. Любительство и профессионализм. 2. Олимпийские игры.

Конгресс образовал Международный олимпийский комитет и постановил провести первые Олимпийские игры на родине этих состязаний — в Греции. На конгрессе была утверждена Олимпийская хартия, определены основные принципы и правила проведения игр, а также цель и задачи, стоящие перед Олимпийским комитетом, и его функции.

2. Финляндия славится памятниками, воздвигнутыми в честь выдающихся соотечественников-спортсменов.

В парке города Куопио возведен памятник самому выдающемуся из финских бегунов — трехкратному олимпийскому чемпиону Ханнесу Колахмайнену. Он

стал героем Стокгольмской Олимпиады 1912 года, выиграв три золотые медали в беге на 5000 и 10000 м и в кроссе на 8000 м, а кроме того, серебряную медаль в марафонском беге.

При жизни памятник был сооружен великому финскому стайеру Пааво Нурми, участвовавшему в трех олимпиадах — 1920, 1924 и 1928 годов. Дважды (в 1920 и 1924 годах) он был признан лучшим спортсменом Игр. Нурми завоевал девять золотых и три серебряных медали. На VIII Олимпийских играх в Париже он пять раз поднимался на высшую ступень пьедестала почета. Бегун 22 раза устанавливал мировые рекорды на дистанциях от 1500 м до 20 км.

В Хельсинки перед входом на Олимпийский стадион стоит бронзовая скульптура Нурми, созданная прославленным финским скульптором Вяйне Аалтоне-ном.

В Финляндии прижизненный памятник сооружен также победителю зимних олимпиад — конькобежцу Класу Гунбергу, удостоенному в 1924 и 1928 годах пяти золотых, одной серебряной и одной бронзовой медали. Имя его гремело в двадцатых годах на катках Европы и мира. Гунберга называли «Нурми на льду», а Нурми — «Гунбергом на гравевой дорожке».

3. В начале 1951 года Олимпийский комитет СССР был признан Международным олимпийским комитетом, и в 1952 году советские спортсмены впервые выступили на Олимпийских играх в Хельсинки, которые проходили с 19 июля по 3 августа.

Несмотря на отсутствие опыта участия в подобных соревнованиях, спортсмены СССР с честью выдержали боевое крещение. Выступая во всех видах программы, кроме травяного хоккея, советские спортсмены установили два мировых и шесть олимпийских рекордов, получив 22 золотые, 30 серебряных и 19 бронзовых медалей, и набрали в неофициальном командном зачете одинаковое количество очков (494) со спортсменами США.

4. Победителем Олимпиады-80 в беге на 100 метров стал спортсмен из Великобритании Аллен Уэллс со временем 10,25 секунды.

5. В мужском волейбольном турнире Игр XXII Олимпиады обладателями трех комплектов медалей стали команды СССР, Болгарии и Румынии.

II ТУР

1. Как определялись победители Олимпийских игр древности?
2. В истории Олимпийских игр был беспрецедентный случай, когда олимпийские медали, завоеванные легкоатлетом, были отобраны расистами. Назовите имя этого спортсмена и расскажите его историю.
3. Кто из советских легкоатлетов-мужчин стал первым олимпийским чемпионом?
4. Попробуйте предугадать состав олимпийской сборной СССР по футболу.
5. Назовите имя будущего обладателя золотой медали Олимпиады-80 в плавании на 100 метров вольным стилем среди мужчин.

1. Олимпийские победители в Древней Греции определялись следующим образом: в беге спортсмены, как и теперь, соревновались на скорость, дискоболы — в длине броска, а вот копьеметатели — в точности попадания копья в цель, прыгуны — в длине прыжка (прыжки в высоту в программу соревнований не входили), в борьбе победителем становился тот, кому удавалось трижды повалить своего противника. Общим победителем пентатлона (пятиборье: бег, прыжки в длину, метание копья, метание диска и борьба) считался тот, кто побеждал в трех его видах. В случае, если ни одному участнику это не удавалось, победитель определялся по результатам последнего вида — борьбы. А в гонках на колесницах победителем объявлялся не фактический участник гонки, а владелец лошадей и колесниц.

2. На играх V Олимпиады в Стокгольме американский индеец Джим Торп

завоевал две золотые медали в сложнейших видах легкой атлетики — пятиборье и десятиборье. Вручая ему лавровый венок, король Швеции Густав V сказал, что он считает его величайшим атлетом всех времен. Но поборникам расизма пришлось по вкусу победа индейца. Не прошло и года, как в американской печати появилась заметка, где говорилось, что за два года до Олимпиады Джим Торп играл в бейсбол в составе полупрофессиональной команды и получал за это деньги. Олимпийский комитет США обратился с письмом к Олимпийскому комитету Швеции, где сообщил о дисквалификации спортсмена-любителя Д. Торпа и просил пересмотреть порядок занятых призовых мест.

Ныне медали Торпа хранятся в Олимпийском музее в Лозанне: они были переданы туда на хранение после того, как норвежец Ф. Бое и швед Х. Висландер, объявленные чемпионами в результате дисквалификации Торпа, наотрез отказались принять незаслуженные награды. Наследники Джима Торпа и по сей день борются за то, чтобы имя атлета-индейца было восстановлено в списках олимпийских чемпионов, а медали переданы его семье.

3. Первым советским легкоатлетом — олимпийским чемпионом стал на Олимпиаде в Мельбурне (1956 год) Владимир Куц. Мельбурнская Олимпиада и вошла в историю как «Олимпиада Куца». Он выиграл сразу две золотые медали на стайерских дистанциях 5000 и 10000 м, установив новые олимпийские рекорды. В том же году В. Куц был признан лучшим спортсменом мира.

4. Состав олимпийской сборной по футболу: Ренат Дасаев, Тенгиз Сулаквелидзе, Александр Чивадзе, Вагиз Хидиятуллин, Олег Романцев, Сергей Шавло, Сергей Андреев, Владимир Бессонов, Юрий Гаврилов, Федор Черенков, Валерий Газзаев, Владимир Пильгуй, Сергей Валтача, Хорен Оганесян, Александр Прокопенко, Реваз Челебадзе, Сергей Никулин, Константин Бесков (тренер).

5. Обладателем золотой медали в плавании на 100 метров вольным стилем среди мужчин стал Йорг Войте (ГДР), показавший время 50,40 секунды.

III ТУР

1. Почему Олимпийские игры 1980 года официально называются «Игры XXII Олимпиады»? Расскажите о традициях и ритуалах Олимпийских игр, восходящих к древности.
2. Назовите имя олимпийской чемпионки, которая стала лауреатом премии Парижской консерватории.
3. Кто из советских спортсменов завоевал на Олимпийских играх в Монреале наибольшее количество наград?
4. Определите имена трех призеров в предстоящих олимпийских состязаниях среди мужчин по прыжкам в высоту и результат, который покажет чемпион.
5. Сколько советских спортсменов выйдет в финал соревнований Олимпиады-80 по боксу и кто именно?

1. Четырехлетний промежуток времени между Играми называется Олимпиадой. В связи с тем, что из-за войн Олимпийские игры не состоялись в 1916, 1940 и 1944 годах, официальное название последних Олимпийских игр звучит так: «Игры XXII Олимпиады».

В современных Олимпийских играх сохранены традиции, уходящие корнями в

глубокую древность олимпийского движения. Как и много веков назад, Олимпийские игры символизируют дружбу и мир между народами. Во время Игр проходят праздники искусства и культуры. Многие олимпийские ритуалы современности берут начало из древней Эллады: зажжение Олимпийского огня у храма богини Геры, клятва спортсменов и судей, торжественное награждение спортсменов.

2. Три медали получила в Лондоне на XIV Олимпийских играх французская пианистка, лауреат премии Парижской консерватории Мишлен Остермайр: в метании диска и толкании ядра — золотые, в прыжках в высоту — бронзовую.

3. Наибольшее для советских спортсменов количество медалей завоевал на Играх в Монреале гимнаст Николай Андрианов — четыре золотые, две серебряные и одну бронзовую.

4. Победителем в прыжках в высоту на Играх XXII Олимпиады стал спортсмен из ГДР Герд Вессиг. Он установил новый мировой и олимпийский рекорды — 236 см. Второе и третье места заняли Яцек Вшола (Польша) и Йорг Фреймут (ГДР), покорившие высоту 231 см.

5. В финал олимпийского турнира по боксу вышли семь советских спортсменов: Шамиль Сабиров, Виктор Мирошниченко, Виктор Демьяненко, Сергей Конакбаев, Александр Кошкин, Виктор Савченко, Петр Заев. Как известно, золотую медаль завоевал только один из них — Ш. Сабиров. Остальные удостоены серебряных наград.

Линия отреза

СМЕНА-81

ЗАОЧНАЯ ЛЕТУЧКА ЧИТАТЕЛЕЙ

В конце прошлого года в нашей заочной летучке приняли участие тысячи читателей. Присланные в редакцию ответы на анкету представили нам широкий круг интересов читателей, показали их заинтересованность в творческом решении самых разнообразных жизненных проблем. Редакция внимательно изучила критические замечания, советы и предложения, высказанные в адрес журнала, стремилась учитывать их в работе по подготовке к выпуску каждого номера «Смены». В течение 1980 года связь с читателями возросла. Почти вдвое увеличился приток писем. Читатели активно откликались на многие наши публикации, принимали участие в различных конкурсах и олимпиадах. Редакция сердечно благодарит всех за добрую помощь в работе.

Сейчас мы работаем над планами 1981 года. Год этот особенный — год XXVI съезда КПСС. Советские люди стремятся успешно завершить десятую пятилетку, достойно встретить съезд партии, намечают новые рубежи в хозяйственном и культурном строительстве.

Очередная заочная читательская летучка поможет редакции полнее учесть многообразные интересы юношей и девушек, выявить наиболее острые вопросы, а следовательно, лучше скоординировать редакционные планы на 1981 год.

Друзья, приглашая вас на всесоюзный заочный редакционный совет, мы ждем ответы на следующие вопросы:

1. Помочь выработать у каждого молодого человека активную жизненную позицию борца за коммунизм — важнейшая задача ВЛКСМ. Каковы, по вашему мнению, наиболее эффективные формы и методы решения этой задачи? Публикации какого рода могли бы оказать здесь действительную помощь?

2. Расскажите о ваших друзьях и знакомых, чья активная жизненная позиция служит для вас образцом.

3. В течение года под рубрикой «Коллективный критический анализ: работа в тягость, работа в радость» были опубликованы материалы, затрагивающие проблемы труда и жизни молодого рабочего. Какие из них оказали вам помощь в повседневной работе и о каких новых проблемах следует редакции повести разговор в 1981 году?

4. Ряд серьезных тем был обсужден в нашей традиционной рубрике «Беседы об экономике». Какие еще темы были бы вам интересны?

5. В мире науки происходят свершения, еще вчера казавшиеся фантастикой. О каких открытиях в науке вы хотели бы узнать, с кем из ученых встретиться на страницах журнала?

6. «Красота родной земли», «Жемчужины отечественной культуры», «Молодые города» — иллюстрированные очерки, публикуемые под этими традиционными для «Смены» рубриками, помогают читателю побывать в разных краях нашей страны. Подскажите нам новые адреса путешествий.

7. Какие проблемы современной международной жизни представляют для вас наибольший интерес? Как вы оцениваете материалы,

Рисунок
Льва ГУЛИНА
и Александра
СОЙФЕРА

Рисунок Владимира СОЛДАТОВА

ЛОБИТЕЛИ ШАХМАТ НА СТАРТ!

КОНКУРС «СМЕНА-80»
(Продолжение.
Начало в №№ 12—20
журнала.)

ДЕСЯТЫЙ ТУР

XVII

Сколько ходов понадобится белым, чтобы поставить мат черному королю? (3 очка).

XVIII

Ход черных. Как, по вашему мнению, должен закончиться эндшпиль при наилучших действиях обеих сторон? (4 очка).
Письма на десятый тур отправляются в редакцию «Смены» только в период с 1 по 15 января 1981 года.

63 МУЖЧИНЫ И ОДНА ДЕВУШКА

В отборочных турнирах Всесоюзного мужского шахматного первенства демонстрировали свое искусство 64 сильнейших мастера и гроссмейстера из разных городов страны. Были выявлены 8 участников первой лиги и 4 участника высшей лиги чемпионата СССР. Сенсационным оказалось выступление 19-летней чемпионки мира Майи Чибурданидзе. На состязаниях в Таллине она стала вторым призером и завоевала одну из «путевок» в первую лигу мужского чемпионата страны.

Перед вами позиция, сложившаяся после 18-го хода черных в партии, которую чемпионка мира играла белыми с одним из лучших ленинградских шахматистов, международным мастером Вячеславом Осносом.

Несколькими энергичными маневрами белые стесняют действия соперника и завоевывают пешку.
19. b4—b5! a6:b5 20. c4:b5 Cc6—e8 21. Kc2—b4 Фb7—a8 22. Kb4—a6 Лb8—b7 23. Kc3—a4 Ke5—d7 24. Лc1—c6! e6—e5 25. Фd4—e3 Kf6—h5 26. Ka4:b6 Kd7:b6 27. Лc6:b6 Kh5—f4 28. Ce2—f1!

Почтительно проследить, как Майя использует минимальное материальное преимущество.

28. ...Ce7—g5 29. Фе3—b3 Лb7—d7 30. Ka6—b4 Лd7—c7 31. Лb6:d6 Лd8:d6 32. Лd1:d6 Cg5—e7 33. Лd6—d1 Фа8—c8 34. b5—b6! Неудержимый марш этой проходной пешки быстро решает судьбу поединка.

34. ... Лc7—c1 35. Kb4—d5! Ce7—c5 36. Лd1:c1 Cc5:f2+ 37. Kpg1:f2 Фc8:c1 38. Фb3—c3! Фc1—b1 39. Kd5—b4, и черные капитулировали.

Из четырех победителей, удостоенных права на участие в высшей лиге, успешнее других выступил на турнире в Днепропетровске московский гроссмейстер Евгений Васюков. Турнир принес ему не только отличный спортивный итог—11,5 очка из 15 возможных без единого поражения, но и ряд творческих достижений.

К такой позиции после 14-го хода черных пришли Е. Васюков (у него были белые фигуры) и мастер из Тбилиси Зураб Азмайпарашвили.

Тонким маневром слона, а затем прорывом на королевском фланге белые вскрывают важную для развития наступления вертикаль «g».

15. Cg5—f4! b7—b5 16. f2—f3 Cc6—e8 17. g4—g5 h6:g5 18. Cf4:g5 Лc8—c5 19. Ле1—g1 Лa8—c8 20. Фd2—f4! Kf6—h5 21. Фf4—h4 f7—f6 22. Cg5—h6 Ce8—f7 23. Ch6:g7!

Красивый тактический удар, буквально взламывающий оборонительные рубежи партнера. Черные отказываются от «данайского дара», ибо вариант 23. ... K:g7 24. Kd5!! им, конечно, не понравился. На сделанный черными ход королем находится эффектное комбинационное продолжение атаки, связанное с жертвой пешки и коня.

23. ... Kpg8—h7 24. e4—e5! d6:e5 25. Kc3—e4! e5:d4 26. Cg7:f6! Ce7—f8 27. Cf6:d4 Лc5—f5 28. Ke4—g5+ Kph7—g6.

В заключение следует «тихий» ход белого ферзя, и у черных не оказывается защиты от решающей угрозы вскрытого шаха.

29. Фh4—e4! Лc8—c5 30. Kg5:e6+ Kpg6—h6 31. Cd4—e3+, и черные сдались.

опубликованные под рубрикой «Мир капитала»? О каких зарубежных странах вы хотели бы прочитать в сменовских материалах? Что хотели бы узнать о молодежи социалистических государств, о братских молодежных союзах?

8. Как стать сильным, ловким, мужественным, да попросту здоровым человеком? Посоветуйте нам, о чем и о ком стоило бы написать на спортивных страницах «Смены».

9. В постоянной рубрике «Прошу слова!» «Смена» публикует письма читателей. Какую тему вы можете предложить для всесоюзного обсуждения?

10. «А что у вас?» — это рубрика нашего информационного раздела. Она ведется с помощью читателей. Итак, что интересного произошло в жизни вашего города, поселка, трудового коллектива — словом, какие у вас новости?

11. Какие повести, рассказы вам понравились, с произведениями каких авторов, известных и начинающих, вы хотели бы познакомиться в «Смене»?

12. На страницах журнала проходят «Фестиваль поэмы» и «Конкурс одного стихотворения». Какие произведения, какие новые имена вам

запомнились? Почему? С какими поэтами хотели бы вы встретиться на наших страницах?

13. В этом году в журнале открылся Клуб «Музыка с тобой». Читатели познакомились со многими советскими и зарубежными ансамблями, с популярными певцами, композиторами. Каким видится вам Клуб в 1981 году? Ваши предложения.

14. О каких интересных, на ваш взгляд, актерах, режиссерах, художниках вы хотели бы узнать, читая «Смену»?

15. «Смена» регулярно проводит различные читательские конкурсы. В каких из них вы принимали участие? Какие новые конкурсы вы можете предложить?

16. Как, по вашему мнению, оформлена «Смена», насколько выразительны ее обложки, рисунки, фотоматериалы?

17. Являетесь ли вы подписчиком журнала?

18. Назовите, если хотите, вашу фамилию, имя, возраст, профессию, место жительства.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.09.80. Подписано к печати 02.10.80. А 06667. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1130000 экз. Изд. № 2512. Заказ № 3063. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Музыка Евгения ДОГИ

СТИХИ ВЛАДИМИРА ЛАЗАРЕВА

как прекрасна земля на рассвете

Музыка Евгения ДОГИ

Как прекрасна земля на рассвете,
Там поют в тишине соловьи
Там, где раньше свистели
лишь пули да ветер,
Да гремели бои, да гремели бои.

Вспыхни, солнце, раскрой
свои крылья,
Обогрей этот мир тишины.
Но поля не забыли и мы не забыли
Горький ветер войны,
горький ветер войны.

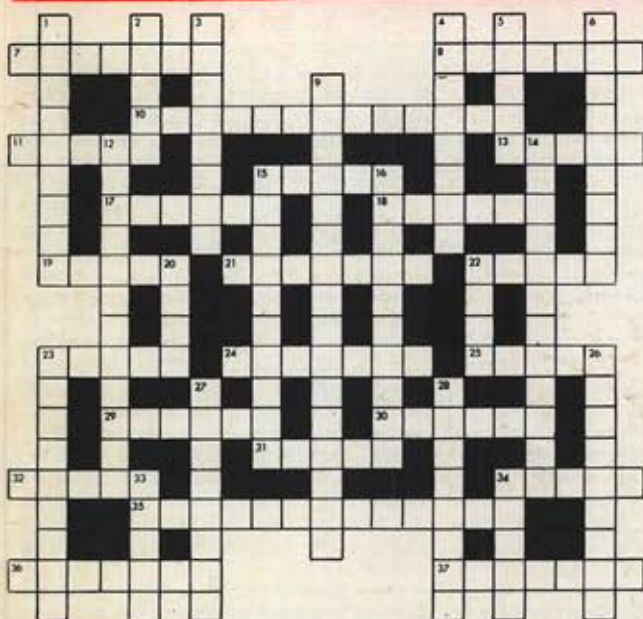
Стихи Владимира ЛАЗАРЕВА

Как прекрасно мечтать на рассвете,
Ты в душе ничего не таи.
И сердца всех героев сквозь время
нам светят,
И не гаснут они, и не гаснут они.

И не гаснут они над полями,
Хоть заря засветилась вдали.
И от них нам на память —
весна с журавлями,
Пусть летят журавли,
пусть летят журавли.

К Р О С С В О Р Д

Составил Ф. ТУМАНСКИЙ,
Москва

По горизонтали:

7. Один из героев романа Н. А. Островского «Рожденные бурей». 8. Металл, используемый для создания лазеров. 10. Ученый-энергетик, возглавлявший комиссию ГОЗПРО. 11. Крупное подразделение в систематике растений, животных. 13. Французский писатель. 15. Плодовое дерево. 17. Порт на северо-востоке Бразилии. 18. Главное действующее лицо пьесы А. Е. Корнейчука. 19. Стихотворение А. С. Пушкина. 21. Роман Ф. В. Гладкова. 22. Столица социалистического государства в Европе. 23. Приток Тобола. 24. Писатель, мастерски владеющий средствами языка. 25. Марка советского зерноуборочного комбайна. 29. Незамерзающий порт в Норвегии. 30. Парусный корабль. 31. Декоративное растение, цветущее лишь один раз. 32. Поддельный камень. 34. Электронная лампа. 35. Раздел физики. 36. Повесть М. Горького. 37. Рабочий, участвующий в монтаже конструкций, сооружений.

По вертикали:

1. Писатель, автор «Истории моего современника». 2. Цветок. 3. Порт у начала Ахтубы. 4. Северное созвездие. 5. Перемещение льдов в морях, океанах. 6. Бабочка. 9. Процесс создания крупного машинного производства. 12. Составление в труде, спорте. 14. Радиотехническое приемопередающее устройство. 15. Система физических упражнений. 16. Общественница. 20. Наименование серии советских автоматических межпланетных станций. 22. Роца с аллеями, цветниками, прудами, аттракционами. 23. Русский естествоиспытатель-дарвинист, ботаник. 26. Добровольное коллективное выполнение общественно полезной работы. 27. Устройство на локомотиве для остановки поезда. 28. Название серии грузовых космических кораблей. 33. Поэма С. А. Есенина. 34. Автомобиль для буксировки прицепов.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 20

По горизонтали:

7. «Прощание». 8. Альбенис. 9. Газель. 10. Станок. 12. Мнение. 13. Молодежная. 16. «Невеста». 17. Накатка. 18. Громова. 20. Дейнока. 22. Рекордсмен. 24. Кузнец. 25. Рефрен. 26. Соната. 27. Ткаченко. 28. Нейтрино.

По вертикали:

1. Криотрон. 2. «Разлом». 3. Белашова. 4. Баклажан. 5. Яблоно. 6. Тихвинка. 11. Комсомолец. 12. Маркшейдер. 14. Иванов. 15. Стайер. 18. Голубика. 19. Атомход. 20. Десятина. 21. Ангелина. 22. Рейзен. 23. Нежата.

МУЗЕЙ ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ

Начало на 20-й стр.

Постройки девятнадцатого века и атрибуты тридцатых годов, периода коллективизации. Парубки да дивчины, будто шагнувшие к нам со страниц гоголевских «Вечеров...», мирно переговариваются с землепашцами, одетыми в кургузые пиджаки и косоворотки...

— А знаешь, каким будет украинское село завтра?—спросила меня юный этнограф, научный сотрудник музея Тая Марченко.—Идем, покажу.

«Социалистическое село: перспективное планирование» — так прозаично обозначается в проспекте этот опозитизированный архитекторами, строителями, художниками-дизайнерами уголок музея под открытым небом. Коттеджи, исполненные в национальном стиле, с учетом традиций народной архитектуры, отвечают всем сверхсовременным требованиям. Максимум удобств, комфорта, и при этом уклад крестьянской жизни нисколько не нарушен. Село словно сливается с окружающей природой — лес, луг, поле становятся как бы частью всего ансамбля. Приусадебные участки, хозяйственные постройки, пасека... И тут же отлично оборудованные индивидуальные гаражи, прачечная, химчистка. Словом, внешние приметы слияния города с деревней, как говорится, налицо. Но, что гораздо важнее, современная культура крестьянского быта прекрасно гармонирует с давними народными традициями устройства украинского села, с его национальным колоритом. Причем ясно прослеживается система районирования — сохранены в архитектуре и жизненном укладе зримые, характерные приметы каждой области, каждого района, каждого села и хутора республики.

Собственно, именно по этому принципу (локальное районирование) спланирован весь Киевский музей народной архитектуры и быта. Он разбит на девять зон согласно географическому, этническому и историческому делению республики. Даже ландшафт, над ко-

ВХОДИМ В ХАТУ И ПОПАДАЕМ В ВЕК МИНУВШИЙ.

ЖИЛАЯ ПОЛОВИНА СТАРОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ИЗБЫ.

торым немало поработали землеустроители, искусно воспроизводит характерные черты той или иной зоны. Природные условия (лес, река, озеро, степь) также приближены к естественным географическим условиям региона.

Проще говоря, если мы с вами приходим в село среднего Приднепровья (Центральная Украина), то здесь все — и география, и этнография, и зодчество — соответствует этому району. Вплоть до мельчайших деталей жизни и быта именно этого села.

Музей под открытым небом — дело в общем-то новое. Здесь есть где приложить фантазию, молодую энергию, творческую инициативу. Не случайно занимаются этим делом молодые градостроители, художники, ученые. И конечно же, уж совсем не случайно одним из шефов Киевского музея стала областная комсомольская организация.

Музей работает уже четыре года. И продолжает строиться. Проект создан архитекторами КиевНИИПа градостроительства. И тут надобно отметить, что подобный музей проектировался впервые, поэтому перед украинскими градостроителями стояли совершенно неожиданные, порой исключительные друг друга задачи. И основная из них — как добиться гармоничного сочетания разностилевых архитектур, учитывая при этом массу временных, этнических, социальных нюансов. Необходимо было создать единый ан-

И НЫНЧЕ, КАК ПРЕЖДЕ, ШУМЯТ ВЕТРЯКИ НА ВЗГОРЬЕ.

ТИХИЙ УГОЛОК ПРИДНЕПРОВСКОГО СЕЛА — ТОЖЕ ЭКСПОНАТ МУЗЕЯ.

поднесет с поклоном. В трактире отведаете знатных галушек со сметаной (тех, что сами в рот прыгают), в шкальне шипучим забористым квасом попотчуют.

А на «Певчем поле» к вечеру вы закружитесь в пестром хороводе. Лихой гопак сменяется задиристой кадрили «девятка», житомирская «скакуха» — «лином», что танцуют на Подоле.

Десятки народных самодеятельных ансамблей и фольклорных групп со всех концов республики съезжаются сюда на ярмарку, на праздник национальных обрядов. И музей становится огромной сценой, где все — участники этого необычного концерта.

Найдутся тут и тихие заповедные уголки, где можно среди шестеста березовой рощи, на берегу пруда остаться наедине с собой. Или, углубившись в сосновый бор, наполнить лукошко спелой ягодой.

Необыкновенный музей! Научный этноцентр, парк, база отдыха... А все для одного — пусть пришедшие сюда ощутят живое дыхание прошедших времен, заглянут в день завтрашний, чтобы лучше, целостнее осознать настоящее.

В кузнице людно. Тощий белообрый паренек раздувает мехи. С неприглядной работой эта тяжесть ему — тыльной стороной ладони смахивает со лба пот. Другой, поплотнее, в засаленном берете, крепко держит в клещах кусок раскаленного металла. Третий орудует молотом, на каждом ударе делая резкий выдох: «И-и-ых-х!» Поодаль стоят еще несколько ребят.

Кузнец Николай Станиславович Вавреневич колдует у горна, раскаляя «до кондиции» заготовку.

— Я в кузне с малолетства, — говорил он, когда вышли мы на солнышко перекурить. — У нас, в Новоукраинке, все Вавреневичи были кузнецами первой руки. Теперь-то, конечно, такую кузню на селе редко встретишь. А вот все ж пригодились мое ремесло. И не уйдет оно со мною вместе — видишь, хлопцев обучаю. Им это в новинку, в охотку. Что ж, пусть дедовское дело продолжают.

Не остынет горно в старой кузнице. Куется подкова счастья.

Наше прошлое всегда с нами...

самбль, который бы в то же время распадался на самостоятельные зоны.

Нынче более двухсот исторических памятников народного зодчества и искусства представлены в этом музее. А планируется около пятисот. Село Пирогово, что рядом с музеем, стало как бы частью общего ансамбля: глядите, любуйтесь, как живет сегодняшнее украинское крестьянство.

Прошлое, настоящее, будущее видятся здесь образно, диалектически.

— Мы собрали в музее более тридцати тысяч этнографических экспонатов. Большинство из них реконструировали, реставрировали сами, — рассказывает научный секретарь музея Михаил Петрович Дешко. — Ткани, одежда, предметы быта, музыкальные народные инструменты — а их у нас около восьмисот, — все воссоздавалось с максимальным приближением к оригиналам.

Здесь постоянно работает большая группа ученых. Именно фундаментальные научные исследования, на основе которых и строится работа, отличают этот музей от многих ему подобных.

— Ну, и не забывайте, что наш музей — прекрасное место отдыха, — говорит мне Михаил Петрович. — Особенно летом.

Ярмарка! Пожалуй, только на Украине она такая яркая, солнечная, звонкоголосая. Тут найдете вы и знаменитые Сорочинцы, где прямо с возов идет веселый торг «дуже гарным товаром». Здесь и гончары скрутят вам в момент звонкую кринку, и кузнец на добрую память счастливую подкову откует, и ловкий умелец сопелку вырежет и

